РЕФЕРЕНС

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОРОГА К ЦВЕТУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ре́ференс (англ. reference — справка, сноска) — вспомогательное изображение: рисунок или фотография, которые художник изучает перед работой, чтобы точнее передать детали.

* * *

Любой рисунок — автопортрет. Тщательно выбирайте референсы!

Примечания автора:

Это вторая часть миницикла "Референс", где каждая история закончена, но все они являются одним большим сюжетом. Действие книги происходит во вселенной Мультиверсума, но никак не связано с циклом "Хранителей". Ну, почти.

- Глава 1. Иблисов выблядок
- Глава 2. В силу традиций гостеприимства
- Глава 3. Дары ослов
- Глава 4. Жил грешно и умер смешно
- Глава 5. Пушки детям не игрушки
- Глава 6. Проект «Кикатта»
- Глава 7. Ужас, летящий на крыльях ночи
- Глава 8. Головокружение от успехов
- Глава 9. Стрельба и истерики
- Глава 10. Пульт управления
- Глава 11. Не годен к строевой
- Глава 12. Аллах смотрит твоими глазами
- Nota bene

Глава 1. Иблисов выблядок

— Там пришёл… Пришла… Пришли… — растерянно сказала Алиана.

— Не удалось ни определить пол, ни посчитать? — спросил я несколько более резко, чем стоило бы.

— Посмотрите сами, товарищ военмед, — обиделась моя ассистентка. — Я займусь Кали.

Я вышел в коридор и, наконец, огляделся — здание большое, темноватое, производит впечатление старинного и, хотя я видел пока малую часть, кажется очень большим. Выйдя на улицу через мощные деревянные двери, вздохнул с облегчением — горный пейзаж вокруг вижу вполне отчётливо. Размыто только вблизи, а значит, скорее всего, пресбиопия. Не очень приятно, но лучше, чем, например, катаракта. Может быть, очки придадут мне, наконец, умный вид. Где б их ещё взять…

Виды вполне эстетичны, даже, пожалуй, красивы — суровой природной красотой. Горы. Небо. Солнце. Облака. Ни одного намёка на то, что где-то поблизости притаился салон оптики. Снаружи здание впечатляет — прямо замок какой-то. Оседлавшее горный перевал фортификационное сооружение, имеющее стену по периметру той части двора, которую я вижу, и изрядный внутренний комплекс из нескольких могучих построек. Такое без авиации штурмовать — умаешься. Да и с ней повозиться придётся.

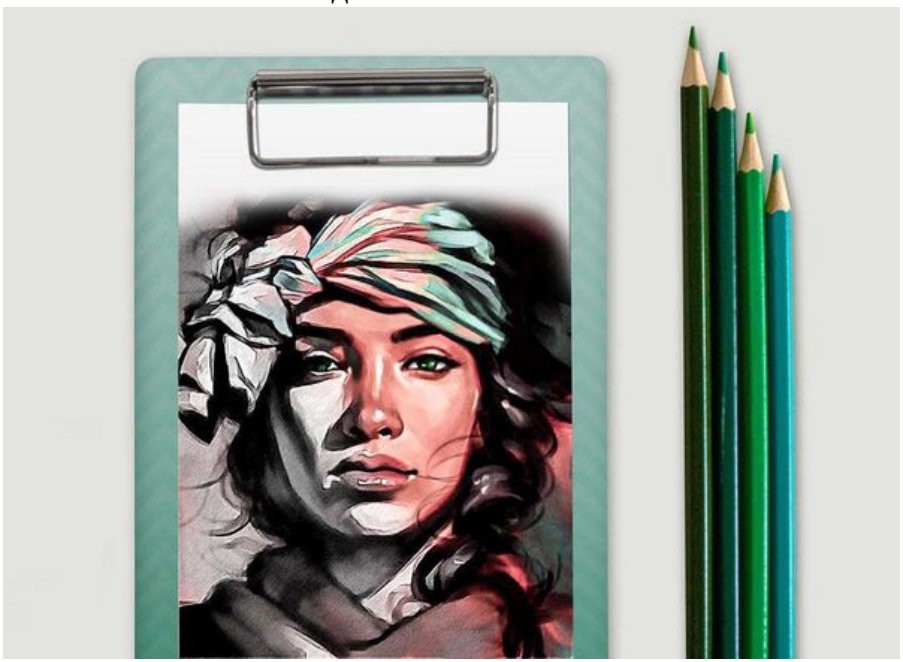
— Эй, старик! — сказал кто-то. — Ты, что ли, тут главный? За тобой девка побежала?

— Сама ты девка, — ответил я рефлекторно.

— Но-но! Я бача-пош, то есть, формально, вообще мужик.

Моя собеседница одета в мужскую одежду. Очень похожа на то, что носят в горных странах, типа Пакистана, Афганистана и тому подобных. Слон бы точнее сказал, он по тем местам

навоевался. Штаны, длинная рубаха до колен, нечто вроде жилета, на голове тряпка. Была бы борода — вылитый моджахед. Но бороды нет, есть огромные зелёные глаза на смуглом лице, из-под тряпки тёмная с рыжиной растрёпанная коса. Рядом ребёнок, и он как раз точно девочка — в пёстром платье ниже колен и тёмном платке с головы до плеч.



Что же, Алькино «он-она-они» стало понятнее.

— Ты владетель? — спросила меня женщина.

— Нет, я Док.

— Странное имя.

— Это позывной. Имя моё Михаил.

— Михаил? Шурави?

— Да, русский, если ты об этом.

— Меня зовут Анахита, это моя дочь Нагма. Но, если ты шурави, то ты не владетель. Что ты делаешь в замке владетелей?

— Сопровождаю дочь владетеля.

— Оммаж приносить ей или тебе?

— Что приносить?

— Ну, дорогой владетель, мы тебя тут тридцать лет не видали и ещё сто лет бы обошлись, но, раз уж ты заявился, наш народ подтверждает данные тебе клятвы, и прочее бла-бла-бла. Не знаю, нахрен они тебе нужны, но старейшины про них помнят.

— И где старейшины? — оглядел двор я.

— Зассали, — откровенно сказала Анахита. — Вы, говорят, сплошь злые колдуны. Поэтому послали кого не жалко, то есть меня.

— А тебя не жалко?

— Вообще ничуть. Тем более, что я сама ведьма.

— Ведьма?

— Старик, ты совсем глухой? Я же сказала.

— Злая ведьма?

— Лютейшая! Как колдану — мало не покажется!

— Мамка крутая, — солидно пояснила девочка. — Её все боятся.

— Так что, примешь оммаж, дедуля?

— Принято, — коротко ответил я.

— Слава Аллаху. Сколько вас тут?

— А тебе зачем? — напрягся я.

— Так надо же знать, сколько жратвы тащить? Мы ж вас кормить обязаны, потому что клятва и всё такое.

— Четверо, — сказал я, не уточняя, что весь наличный состав — две девчонки, невменозная баба с заглушкой в башке и один старик. Так себе подразделение.

— Вот, я тут кое-что принесла наугад. К вечеру ещё притащу, путь до кыштака неблизкий.

От слова «кыштак» повеяло ослиным навозом, грязными халатами, антисанитарией и исламским фундаментализмом. Очками, медикаментами, кофейнями, барами и развитым сервисом населённые пункты типа «кыштак» обычно не отличаются.

В принесённой корзине сыр, лепёшки, вяленое мясо, глиняная ёмкость с замотанной тряпкой горловиной.

— Что в горшке?

— Козье молоко.

— Сможешь принести ещё? Дочь владетеля… Скажем так, ранена. Ей нужно жидкое питание.

— Молока в кыштаке до иблисовой тёщи. А ещё могу наварить бульона из козлятины.

— Тоже подойдёт.

— Присмотришь за Нагмой, дедуля? Я к вечеру вернусь, зачем ей ноги бить? Без неё быстрей обернусь.

— Не боишься оставить ребёнка незнакомым людям? — удивился я.

— Меньше, чем знакомым, — ответила женщина с неожиданной злостью. — Так присмотришь?

— У меня нет опыта обращения с детьми, — предупредил я.

— С ней не надо обращаться, — фыркнула Анахита. — Проголодается — дай поесть. Захочет пить — налей воды. Нет еды и воды — скажи, чтобы потерпела.

— Звучит несложно.

— Сложности с детьми переоценены, — вздохнула она. — От взрослых проблем больше. Всё, я пошла. Если ничего не случится, вернусь до темноты.

Женщина развернулась и быстрым шагом вышла за ворота. Я раскрыл дверь в дом и сделал приглашающий жест для девочки. Та не заставила себя приглашать дважды, бодро взбежала по ступенькам и проскочила в коридор. Шустрый ребёнок. Я подхватил корзину с продуктами и пошёл за ней.

* * *

— А что это за тётя? А почему она такая худая? А почему она голая? Она что, больная? Она что, умерла?

Я проигнорировал детские вопросы. Калидия выглядит довольно паршиво, но это если не знать, как она выглядела полчаса назад.

— Она жива, — сказала Алька, не то отвечая ребёнку, не то сообщая мне.

Тонкая кожа обтянула рёбра, вместо лица — череп с носом, на тонких руках и ногах неровными шарнирами выпирают суставы, остро торчат тазовые кости и ключицы. Жалкое и печальное зрелище.

Я прощупал интерфейсные разъёмы оболочки — нервные узлы под ними не гиперемированы, кожа не воспалена, признаков отторжения нет. Большего сказать не могу, мои способности

сгорели. На время или навсегда — кто знает? Объем нанесённого моему организму ущерба ещё предстоит оценить.

Единственный доступный диагностический инструмент — пальпирование. Благо пациентка настолько истощена, что внутренние органы — чуть ли не внешние. На ощупь всё на своих местах, пульс медленный, но ровный, среднего наполнения, склеры чистые, язык и нёбо тоже, хрипов в лёгких нет.

— Что с ней? — спросила Алька.

— Сильное истощение. Больше, будем надеяться, ничего. У нас аж две аптечки, хотя и начатых, там есть глюкоза и комплекты капельниц, начнём с этого. Если очнётся, дадим молоко.

— А если нет?

— Будем так поить. Глюкозы на один раз, придётся как-то выкручиваться.

При слове «поить» к столу шагнула мать Калидии. До того она стояла в стороне настолько неподвижно, что я её просто не заметил. В руках её кувшин с водой — где-то, значит, раздобыла.

— Спасибо, — сказал я ей, забирая посудину.

Попробовал — вода вроде бы чистая, ничем не пахнет. Значит, не из лужи набрала по крайней мере. Я понятия не имею, что ожидать от женщины с «заглушкой». «Высшая нервная деятельность блокирована» — слишком широкое определение. Смотря что считать «высшей». Воду, вон, нашла. Может, Калидия знает больше, но сколько она пробудет без сознания — бог весть.

— Где ты её набрала?

Стоит, молчит.

— Иди туда, где набирала.

Развернулась, пошла. Мы с Алькой направились за ней.

Оказалось, что двумя дверями дальше открывается поперечный коридор, наклонно ведущий вниз, в кухню. Там несколько больших чугунных плит, шкафы с разнообразной посудой и главное — водяная колонка. Женщина молча подошла к ней и принялась качать длинный железный рычаг. Сначала долгое время ничего не происходило, затем захлюпало, зачавкало и из носика полилась пульсирующая струя. Я подхватил первую попавшуюся ёмкость и подставил.

— Давай, наполняй посуду, — сказал Альке. — Нужно хотя бы литров двадцать.

— Зачем? — спросила она.

— Надо ввести Калидии глюкозу. Для трансфузионного изотонического раствора её надо разбавить до пяти процентов. Сырой водой опасно, нужна дистиллированная.

— И где мы её возьмём?

— Сделаем. Всё, хватит качать.

Женщина прекратила и теперь просто стоит, глядя в пространство.

— Ты здесь уже бывала? — спросил я.

Догадаться, что воду надо добывать из колонки, причём качая до получения результата достаточно долго, не так-то просто, если ты жена владетеля из мира торжествующего киберпанка. Вряд ли она видела такие колонки на родине, а значит, вполне можно предположить, что бывала здесь. Может, Креон, пока она была любимой женой, показывал ей владения. Или готовил на случай внезапной эвакуации, почему нет — это же явно «аварийный выход» из резиденции. При условии лояльности местного населения можно пересидеть неприятности.

Женщина молчит. Чёрт, я даже не знаю, как её зовут — не спросил.

— Тут есть дрова? Знаешь, где взять?

Ноль реакции.

— Принеси дрова!

Развернулась, пошла.

— Алька, сходи с ней, посмотри.

Я принялся греметь посудой. Тут её много, в основном медной, глиняной и примитивно-керамической. Раз её до сих пор не растащили, местные сюда не суются. Нашёл котёл литров на пятнадцать с медной лужёной крышкой и миску чуть меньше его по диаметру. В котёл налил воды на две трети объёма, пустил там плавать широкую миску, которая почти касается краёв, крышку перевернул выпуклостью вниз и накрыл ей ёмкость.

Мать Калидии и Алька принесли по охапке дров.

— Там много! — сказала девушка. — И уголь есть.

— Уголь тоже тащите. Пару вёдер.

— А зачем? Будем еду готовить?

— Еду тоже, но в первую очередь будем греть дистиллятор.

Спички у меня, к счастью, есть, плиту растопил без труда. Когда разгорелось, сыпанул угля. Алька взялась присматривать за процессом — в её родном мире угольные плиты — обыденность.

— Когда закипит, — проинструктировал я, — нальёшь на крышку сверху холодной воды, потом будешь подливать, не давая ей нагреваться.

Вода в котле будет кипеть, конденсироваться на холодной крышке, капать в миску. В глухих деревнях моей родины так самогон гонят. Конструкция примитивная, КПД крошечный, но нам всего-то надо с поллитра.

Я, между тем, осмотрел этаж, нашёл спальню с кроватью, перенёс туда Калидию. Она совсем лёгкая, но сердце у меня

потом колотилось, а ручки дрожали — физическое состояние моё хреновое. В зеркала стараюсь не смотреть, потому что сам от себя шарахаюсь — что за мерзкий старикашка? Откуда взялся? Интересно, что случится раньше, — привыкну или сдохну?

Укрыл девушку одеялом, пощупал пульс, измерил температуру, давление — цифровой наручный тонометр в аптечке есть. Состояние не радует, но и не сильно пугает. Пульс редкий, АД низковато, температура тридцать шесть и одна. Ничего, глюкоза должна немного поправить.

Держатель для капельницы соорудил из вешалки, тонкую венку еле поймал — вблизи все расплывается, вижу плохо.

— Сиди, смотри, — велел матери, — как откапает — зови.

Она села и уставилась на капельницу. Поняла чего, или нет — чёрт её знает.

— Старый человек, я есть хочу! — заявило таскающееся за мной хвостиком дитя. — И писать.

Я про неё забыл за этой суетой. Хороший ребёнок, ненавязчивый.

— Кто-нибудь знает, где тут туалет? — спросил я, но ответа не получил. — Иди, дитя, пописай на улице.

— Я боюсь! — девочка уставилась на меня большими и зелёными, как у матери, глазами.

— Чего боишься?

— Не знаю. Поэтому и боюсь.

Пришлось выйти и постоять рядом, пока она, подобрав юбку, присела за углом. Небо быстро темнеет, тут уже вечер. Горы ещё освещены солнцем, в низинах — темнота.

— Ну и где твоя мама? — спросил я. — Пора бы ей уже вернуться.

— Не знаю, — ответила девочка, — она часто задерживается.

— Один вопрос мы решили, займёмся вторым.

Плита ещё не погасла, я поручил Альке вскипятить молоко — чтобы не скисло, ну и вообще, мало ли что. Санитария здешнего молочного хозяйства вряд ли на высоте, а мне им ещё Калидию выпаивать. Напластал сыра, накрошил зелени, мелко нарезал копчёного мяса, рассыпал это всё по лепёшкам и засунул в духовку. Поучилось что-то вроде небольших пицц. Девочка лопала урча.

— Фкуфно! Ошень! — прошипела она сквозь залепленные горячим сыром зубы.

Алиана тоже поела с удовольствием. Освобождённая от наблюдения за опустевшей капельницей мать Калидии — и та не отказалась. Чай и немного галет у меня нашлись в сухпайке, так что ужин вышел даже приятный. Одно беспокоит — на улице

совсем стемнело, а Анахита так и не вернулась. Мы сидим на кухне при свете подствольного фонарика, на который я свернул рассеивающий колпак из бумажной упаковки от галет. Получилось даже уютно.

— Уже не придёт, — завила спокойно её дочь.

— Почему это?

— Темно. Когда темно, на улицу нельзя. Багха схватит.

— Багха, значит, — кивнул я, — понятно. Этот может. А скажи мне, дитя, где твой папа?

— У меня нет папы, старый человек, — сообщила девочка, быстро догрызая последнюю галету. — Я иблисов выблядок.

— Что же, Нагма Иблисовна, пойдём тогда, спать где-нибудь тебя положим. Детское время кончилось.

Спален тут только на первом этаже десятка полтора. Все более-менее одинаковые — кровать, одёжный шкаф, столик, кресло. Всё пыльное, но крепкое, бельё в шкафах не истлело, и никакой жучок его не пожрал. Кто-то тут за порядком присматривал — то ли Креон слуг засылал, то ли местные повинность отбывают. Я бы поставил на слуг — в населённых пунктах типа «кыштак» с клининговыми услугами обычно не очень.

Выделил ребёнку комнату, посветил фонариком, пока она разделась. В качестве нижнего белья Нагма использует надетую под платье футболку. Мужскую хлопчатобумажную футболку, которая ей до колен, и заменяет ночнушку. Футболка растянутая, застиранная до марли, потерявшая исходный цвет, но надпись Metallica и контур зубастой демонической хари ещё просматривается.

— Откуда у тебя это?

— Мама дала. Сказала, защитит от злых людей, — девочка погладила демона, который из-за размера футболки расположился у неё на животе.

— А у мамы откуда?

— Не знаю. Наколдовала, наверное.

— Тоже вариант, — не стал спорить я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, старый человек.

— Можешь меня так не называть?

— Почему? Ты же старый. Старых все уважают, ведь они дожили до старости, а значит, хитрые, обманывают смерть.

— Я ещё не привык, что старый. Это случилось раньше, чем я ожидал, и мне как-то неловко. Зови по имени — Михаил, или просто Док.

— Спокойной ночи, Док.

Испытал странный порыв — поцеловать ребёнка. Детей же положено целовать на ночь? Уложил, одеяльце подоткнул, чмокнул в щёчку. У меня детей никогда не было, но какой-то архетипический паттерн работает.

Не стал. Мало ли какие тут обычаи? Одеяло подоткнул и ушёл.

Проведал пред сном Калидию. При свете второго фонарика у её постели сидят Алиана и мать. Выглядит моя пациентка получше, её состояние уже больше похоже на сон, чем на кому. И

давление почти нормальное, и пульс, да и температура тоже. Ей бы ещё глюкозки зарядить, да нету.

— Ложись спать с ней, кровать широкая, — велел я матери. — Если что — сразу меня разбудишь, я в соседней комнате.

Та сразу улеглась — поверх одеяла и не раздеваясь.

— Ты тоже спать иди, — сказал я Альке. — Денёк тот ещё выдался.

— Да уж, — вздохнула она. — Не то слово. А как вы… ну… теперь?

— Да уж как-нибудь. Не знаю. Не думал пока об этом.

И не хочу думать. У старости есть одно преимущество — она обычно не очень продолжительна.

Думал, не засну — но вырубился сразу. Видимо, старческая бессонница до меня ещё не добралась, — или усталость пересилила.

Среди ночи подскочил, выпучив глаза в темноту. Проснулся раньше, чем понял, что разбудило, но сразу схватился за стоящий рядом с кроватью автомат.

— Рыыыррграаау! — донеслось откуда-то. — Рыырррыыыр!

Низкий, жуткий, на грани инфразвука полустон-полурык. В коридоре дробно протопотали босые пятки, хлопнула дверь моей комнаты, под одеяло ввинтилось что-то мелкое с холодными ногами.

— Это Багха! — просветила меня Нагма. — Он так рычит.

— Значит, Багха, — принял я к сведению. — Буду знать. Он большой?

— Огромный! Как гора!

— И чем питается такая туша? — усомнился я в местном биоценозе.

— Теми, кто ночью гуляет!

— И многие гуляют?

— Нет, никто! Все боятся!

— Тогда почему он с голоду до сих пор не помер?

— Не знаю, но я его ужас как боюсь!

— Рыыыррграаау! — повторил снаружи Багха. — Рыырррыыыр!

То ли голос громкий, то ли он чуть ли не по двору шляется. Слышно, во всяком случае, хорошо, аж внутри вибрирует. Тут всякий испугается, не только ребёнок.

— В дом он не полезет, твой Багха?

— Нет, в дом ему Аллах не велит.

— Ну, слава Аллаху тогда, и давай спать. Можешь остаться у меня, если страшно.

Заснул не сразу — сначала убедился, что у детей куда больше

острых коленок и твёрдых пяток, чем можно предположить, исходя из их анатомии, и ещё послушал Багху. Неведома зверушка самовыражалась всё тише и дальше, куда-то удаляясь, а потом и вовсе затихла. Тут я и уснул, наконец.

* * *

Утром проснулся с ощущением, что заболел — тело ломит, голова тугая, в ушах звон, видно плохо… Но потом всё вспомнил и загрустил. Я болен старостью, это не вылечишь, и само не пройдёт. Встал — в спине хрустнуло, в глазах потемнело. Чтобы натянуть носки пришлось сесть. Руки как чужие, ноги гнутся плохо, шнурки завязываю на ощупь. Надо теперь, пожалуй, давление регулярно мерить. Может, у меня гипертония, например. Жаль, что медикаментов почти нет.

Из хороших новостей — обнаружил санузел. И это не будка с дыркой во дворе, как я опасался, а ватерклозет и даже большая медная ванна, весьма винтажного дизайна. Вода накачивается куда-то вверх ручным насосом, оттуда идёт самотёком по медным паяным трубам. Есть дровяной водогрей, так что можно принять горячий душ — потратив на это всего-то час-полтора. Я решил просто умыться холодной водой, и то, пока качал воду, чуть ласты не склеил. Сколько мне теперь, биологически? Семьдесят? Хорошо хоть зубы не выпали.

В коридоре изловил зевающего ребёнка, отправил умываться, что было воспринято без энтузиазма, но стоически. Надо к вечеру расстараться и нагреть воды — всем бы не мешало нормально помыться.

Пока растопил плиту и нагрел чайник, выползла из своей комнаты Алиана. Показал ей, где ванная. Дровяной водогрей её не испугал, ручной насос тоже — в её мире это вполне мейнстримная технология. Оказалось, что мать Калидии качает насос как заведённая — не устаёт и не ленится. Хотя на внешности последствия киборгизации не отразились, два ведра угля из подвала она принесла даже не вспотев. Если она вообще потеет. Может, у неё в жопе кулер с вентилятором. Почём мне знать, как устроены киберы?

Ест она обычным образом, не от розетки заряжается, что в текущих условиях большой плюс. Нет тут розеток.

Последний пакетик растворимого кофе из сухпайка начальственным произволом забрал себе, остальным заварил на троих последний пакетик чая. На завтрак ушли остатки лепёшек и сыра, мясо мы съели ещё вчера, так что продуктов теперь ноль.

Как бы не пришлось проверять, каков на вкус Багха. Креон мог бы и получше обустроить запасную базу, халтурщик.

А после завтрака пришла в себя Калидия. Только я собрался померить давление, как девушка открыла глаза, попыталась сесть, но не преуспела и упала обратно на подушку.

— Что со мной? — спросила она еле слышно.

— Очень сильное истощение, в основном. Твоя оболочка тебя почти доела.

— Где она?

— Твоя мать? На кухне, посуду моет.

— Нет, оболочка.

— В гостиной валяется, наверное. Всем как-то не до неё было.

— Её надо срочно поместить в питательный раствор.

— Извини, с питательными растворами тут беда. Есть пара литров кипячёного козьего молока, но я лучше помещу их в тебя. Тебе нужнее.

— Тогда надо её дезактивировать, перевести в режим споры, для этого хватит обычной воды. Специальным образом свернуть, нажать на… — где моя мать?

— На кухне, я же сказал.

— Позови её.

Я сходил на кухню, принёс оттуда молоко и привёл киберженщину.

— Дезактивируй мою оболочку! — велела ей Калидия.

Та молча развернулась и вышла.

— Не очень-то ты сентиментальна, как я погляжу.

— Она не воспринимает ничего, кроме прямых команд. Это лишь тело, управляемое ограниченным участком обезличенного разума.

— Её можно как-то… Разлочить?

— Можно, — кивнула Калидия. — Только я не знаю, как. Ну, то есть знаю — надо ввести последовательность индивидуальных кодов. Но коды мне неизвестны. Может быть, их знает отец. Что с ним?

— Хотел бы я знать. Они ушли через другой проход.

— Почему вы не ушли с ними?

— Потому что… А, вот и она.

— Кали! Ты очнулась! Я так рада! — ворвалась в комнату Алька. — Я так боялась, что ты…

Девушка кинулась к Калидии и осторожно обняла её.

— Как ты себя чувствуешь?

— Очень слабой, — призналась та. — Не могу подняться.

— Алька, тут молоко, — вручил я своей ассистентке кувшин. — Подогревай до температуры тела и давай понемногу, не

больше чашки за раз. Будь готова оперативно усадить её на горшок, если найдёшь горшок, или тащить в сортир — желудок может отреагировать на лактозу расстройством. Но других вариантов нет.

— Поняла.

— Калидия, как зовут твою мать?

— Её звали Берана.

* * *

— Берана, накачай воды. Принеси дров и угля. Попроси Алиану растопить водогрей, если сама не умеешь. Налей ванну тёплой воды, принеси и помой Калидию, затем верни её обратно. Задача понятна?

Ничего не ответила, пошла к рычагу качать. Авось как-то справится. Вытащить бы ей заглушку из мозгов, но как? Я даже не знаю, как она реализована. Электронное устройство? Ментальный блок? Ржавая железная задвижка между корой и гипоталамусом? И талант мой, как назло, выгорел — то ли вернётся, то ли нет. Старый трухлявый никчёмный пень я теперь.

— И где уже твоя мама? — спросил я Нагму. — Не пора ли ей вернуться?

— Давно пора, старый человек. Наверное, с ней что-то случилось.

— Зашибись. Далеко до этого вашего кыштака?

— Недалеко, но я устаю идти. Мама говорит, у меня ножки коротенькие. Но они вырастут.

— Определённо вырастут, — заверил я её, — не успеешь оглянуться, и придётся на ботинки в бинокль смотреть.

— Почему в бинокль?

— Такие длинные будут ноги.

— Я смогу перешагнуть гору? — засмеялась девочка.

— Вообще легко.

— Тогда я сразу уйду отсюда и никогда-никогда не вернусь.

— А как же мама? — удивился я.

— А её я возьму с собой.

— Хороший план, — согласился я. — Но давай начнём с малого — дорогу до кыштака знаешь?

— Знаю, — удивилась девочка, — чего тут знать-то?

— Покажешь?

— Вы пойдёте за мамой?

— По крайней мере, постараюсь её найти.

— Только ружье возьмите. Обязательно.

— Багху боишься?

— Нет, Багха днём не ходит. Волки ходят, да, но на человека летом не нападут, сытые.

— Тогда на кого ружье?

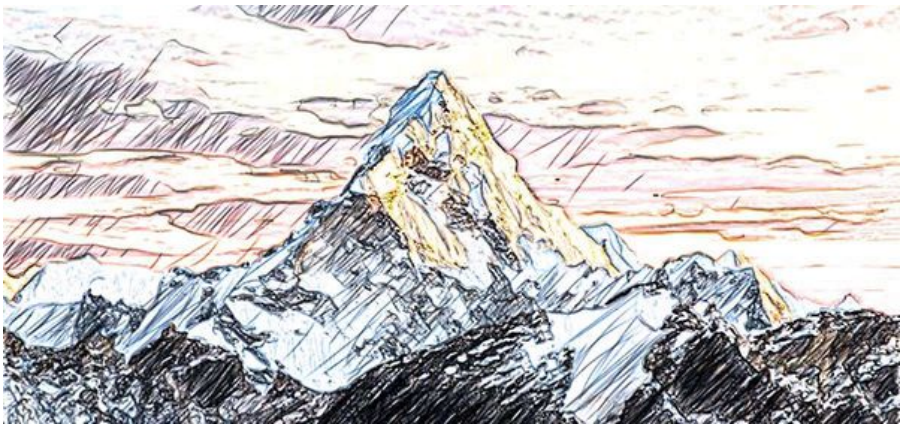
— На злых людей.

— И много тут злых людей?

— Все злые.

— Тогда захвачу побольше патронов.

Глава 2. В силу традиций гостеприимства



Когда отошли подальше, оглянулся — с дороги сооружение выглядит ещё внушительнее. Высокие тёмные каменные стены нависают над перевалом. «Отличная позиция», — сказал бы Слон. «Отсель грозить мы будем…» — кому? Лучше бы никому. Я не сильно грозный. Но, при наличии какого-никакого гарнизона, эта крепостица запирает перевал как нефиг-нафиг. Для того, видать, и строилась. Если найти время на археологию, то вон на тех выступах-машикулях наверняка есть точки монтажа артиллерии. Дульнозарядных кулеврин, или хоть требушетов каких. Впрочем, судя по наличию хоть и примитивного, но водопровода, могло что-то и более свежее стоять. Горные пятидюймовки, например. Но нам не до археологических раскопок, надо сперва обеспечить наш недогарнизон продовольствием, раз уж обещанных поставок не видно. А значит, пора выйти на контакт с аборигенами. «Мы пришли с миром» и всё такое.

Через перевал идёт широкая дорога, два грузовика легко разъедутся, но свежих следов я на ней не вижу. Что может быть признаком того, что ей не пользуются, или того, что зрение у меня дрянь. Но нам все равно не туда — к кыштаку ведёт узкая тропиночка в гору. Нагма заскакала по ней привычно и резво, видно, что ей не впервой. Я стараюсь идти экономичным шагом, и всё равно запыхался уже на первом крутом подъёме.

— Эй, старый человек, пойдём быстрее! — сказала укоризненно девочка.

— Я же просил меня так не называть, — ответил я, дыша с трудом.

Колени мои противно дрожат, в глазах темнеет, гипоксия

давит на сосуды. Надеюсь, это из-за разреженного горного воздуха, а не только потому, что я старый пердун.

— Я помню, но забыла. Помню, что просил, но забыла, как надо.

— Зови просто Док. Это коротко и легко запомнить.

— А почему Док?

— Так принято называть врачей.

— А ты врач?

— Да, я врач.

— Моя мама тоже лечит. Но только женщин. А ты?

— Я всех лечу.

— Только ты не говори им, что врач, — посерьёзнела Нагма. — А то они захотят тебя убить, как маму. Или ты тоже колдун, и не боишься? Маму давно бы убили, но боятся проклятья.

— Милые сельские нравы, — оценил я. — Люблю патриархальную общинность.

— Так ты колдун или нет?

— Давай для простоты считать, что да.

Хотя на сей момент мои магические способности ограничены, я ещё могу разразиться парой фаерболов модели Ф-1. Надёжное, проверенное колдунство.

— Хорошо, что ты колдун, — сказала девочка, терпеливо дожидаясь, пока я отдышусь после очередного подъёма. — Ты можешь жениться на маме.

— Чего? — поразился я.

— Ну, ты колдун, она колдунья, тебе можно. Женись, а? Ты старый, скоро умрёшь, она будет вдова.

— А сейчас она кто?

— Иблисова шлюха.

— И зачем мне жениться на иблисовой шлюхе? — спросил я удивлённо.

— Но ты же старый, какая тебе разница? А мы за тобой будем ухаживать, пока ты не помрёшь. Ты, вон, еле ходишь, кто тебе еду приготовит? Кто хворост для очага принесёт? Кто подоит козу? Соглашайся, мама хорошо готовит.

— Спасибо за честное предложение, добрая девочка. Но у меня нет козы.

— У мамы есть. Три. Одна, правда, совсем старая, как ты, но две доятся.

— Вижу, она завидная невеста, — кивнул я, — но я ещё слишком молод для такого серьёзного шага.

— Молод? — засмеялась девочка. — Да ты самый старый человек, которого я видела! Я думала, таких не бывает! Смотри, так и умрёшь без всякой пользы.

— Я обдумаю твоё предложение, — сказал я максимально серьёзным тоном.

Надо же, матримониально востребован. Опять же, три козы — это вам не иблис пёрнул. Путь даже одна старая, как я.

Когда показался посёлок, мы с Нагмой уже еле ноги волочим. Километров пятнадцать, наверное, вряд ли больше — но вверх-вниз, дорога каменистая, воздух разреженный. При этом я старый, а у неё «ножки коротенькие». Уселись на камушек передохнуть и оглядеться.

Кыштак лежит чуть ниже, виден не весь, но то, что видно, выглядит очень кыштачно. Домики из камней и глины с плоскими крышами, лепятся друг к другу, лезут ярусами на склон. Посёлок обнесён глинобитной стеной, такими же стенами разбит на участки, где возделаны небольшие огородики. Бродят куры и козы, кое-где бараны в загонах, бегают дети, женщины с кувшинами выстроились в очередь к колодцу. Нет, окулиста я тут вряд ли найду…

— А где все мужчины? — спросил я Нагму.

— Наверное, на площади. Видно её в твою гляделку?

Я разглядываю посёлок в трёхкратный монокуляр, но вижу только несколько спин. Остальное загорожено стеной.

— Отдохнула? — девочка кивает. — Пойдём, посмотрим, чем тут народ дышит.

Народ дышит в основном запахами навоза, горелого жира и

тлеющего кизяка. Женщины, увидев меня, порскнули от колодца, как воробьи из лужи. Некоторые даже кувшины побросали.

— Трусихи! — гордо сказала Нагма. — Думают, что ты иблис.

Я в шлеме, тактических очках, камуфляже и бронике с разгрузкой. Выгляжу страшнее, чем есть, но на иблиса не очень похож. Впрочем, откуда мне знать, как должен выглядеть иблис?

Мужчины в широких штанах, грубых сандалиях на босу ногу, длинных рубахах и грязных халатах поверх, сплошь бородаты и тюрбанированы. Некоторые держат в руках ружья весьма антикварного вида, но большинство безоружны. Нас они не видят — все внимание в центр площади.

— Кто первый кинет в меня камень, у того сгниёт его поганый член! — доносится оттуда бодрым женским голосом. — Его сыновья станут женщинами, и их будут ебать ослы!

Это не очень похоже на проповедь мира и ненасилия, но голос кажется знакомым.

Анахита стоит босая, растрёпанная, в одной длинной нижней рубахе с оторванным рукавом. Её неумело, но старательно привязали толстой верёвкой к столбу. Руки расцарапаны, покрыты потёками крови, на лице несколько ссадин и синяков, но на вид ничего серьёзного. Жить будет.

— Так, что за нахер? — спросил я в пространство, но никто не обратил внимания.

Видимо были заняты внутренней борьбой — желания залепить ей камнем в лоб и опасений насчёт члена и ослов.

Достал из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. Акустика в горах хорошая, вышло громко. Бородачи повернулись ко мне, выпучили глаза и стали резво отступать к краям площади.

— Эй, пожиратели ослиного навоза! А я говорила, что владетель придёт за мной! — завопила Анахита. — Это я вызвала его своим колдовством!

Один бородач навёл на меня винтажный карамультук — не то капсюльный, не то даже кремнёвый, с моим нынешним зрением не понять, — но я наставил ему в лоб пистолет и сказал:

— Даже, блядь, не думай. Будешь мозги с забора соскребать.

Моджахед оказался разумный, и ружбайку свою опустил.

— Что тут, нахрен, творится, селяне? — повторил я свой вопрос.

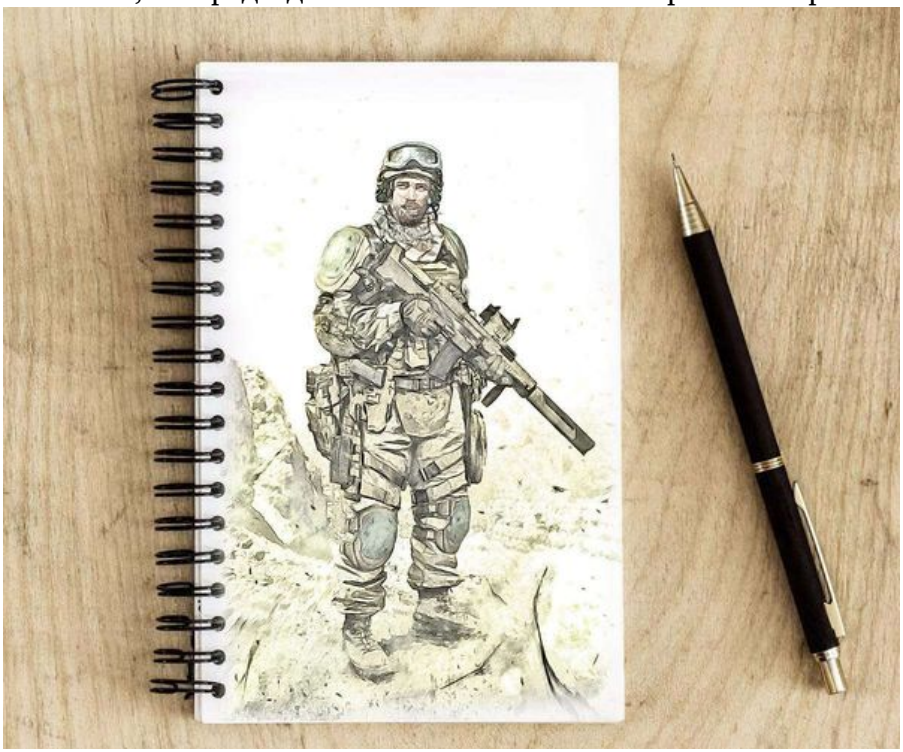
Все молчат, глядя на меня с откровенной опаской.

— Так, кто тут главный смотрящий? Два шага вперёд.

— Эй, Абдулбаки! — закричала Анахита. — Не прячься, я тебе вижу! Выходи, козий выпердыш! Давай! Вперёд!

Бородач в нарядном, хотя и засаленном халате нехотя, озираясь на женщину, подошёл поближе.

— Так, ты председатель этого колхоза? — спросил я строго.



— Я глава совета старейшин кыштака, — ответил он не очень уверенно.

— Вы пошто бабу к столбу привязали, лишенцы?

— Она не женщина, она бача-пош. И ведьма. А привязали, чтобы её Багха ночью съел. Багхе её проклятия, небось, нипочём. А если и сдохнет — так слава Аллаху. И дочь её привяжем, иблисова выблядка.

Нагма тут же спряталась за меня.

— А кто вам разрешил? — спросил я.

Бородач уставился на меня с непониманием.

— Кто вам, долбодятлам, разрешил мою ведьму трогать? Клятву забыл, борода козлиная? — заявил я наугад.

— Про ведьму в клятве ничего не было, — забормотал тот неуверенно. — Что имущество владетелей священно перед Аллахом было, и что в благодарность за спасение наш народ обязан дать всё, что владетель потребует… Ни слова про ведьму!

— Так вот, это моя личная ведьма! Священное моё, глядь, имущество! И я её требую прямо сейчас! А ну, отвязали, бегом!

— Так не можем! Кто коснётся, будет проклят!

— А как же вы её тогда привязали?

— Они женщин заставили, трусливые твари! — крикнула Анахита. — Собственных жён не пожалели!

— Женщинам ведьмины проклятия не страшны, — заявил бородач. — Кроме того, жену всегда можно новую взять.

Я подошёл к столбу, достал нож, разрезал верёвку. Бородачи смотрят на меня без радости, но, вроде, не возражают.

— Что-нибудь тебе надо отсюда? — спросил я Анахиту.

— Уже ничего. Они сожгли наши вещи и забрали коз. То есть, старую я сама зарезала, чтобы сварить бульон, но они забрали мясо.

— Так, — повелел я максимально владетельским, то есть хамским и говнистым тоном, — комплект женской одежды сюда. Новой и чистой.

— Она бача-пош! — возмутился старейшина. — Ей нельзя женскую!

— Давай любую. Но новую!

— Эй, Шаиста! — крикнула Анахита одной из женщин. — Боты мои верни! Ты думала, я не замечу? Я колдунья, я всё вижу!

— Шаиста, ты взяла иблисовы вещи? — возмутился Абдулбаки. — Аллах накажет тебя! И твой муж тоже, я прослежу! Верни их иблисовой шлюхе, не позорь мужа!

— Её зовут Анахита, и она принадлежит дому владетеля Креона. Ещё раз назовёшь её шлюхой, и демоны ночью зашьют тебе жопу!

Провинившаяся Шаиста притащила стопку одежды и подала её издали, с испугом, как будто кусок мяса злой собаке. В другой руке у неё несколько потасканные, но вполне нарядные кроссовки. Их она поставила на землю и сразу же убежала. Анахита быстро оделась, сунула босые грязные ноги в кроссовки, намотала на голову тряпку и схватила за руку дочь.

— Уважаемый владетель-ага! — сказал с достоинством старейшина. — Когда эта иблисова… то есть Анахита, вчера сказала, что в горный замок вернулись владетели, мы приготовили дары и продукты!

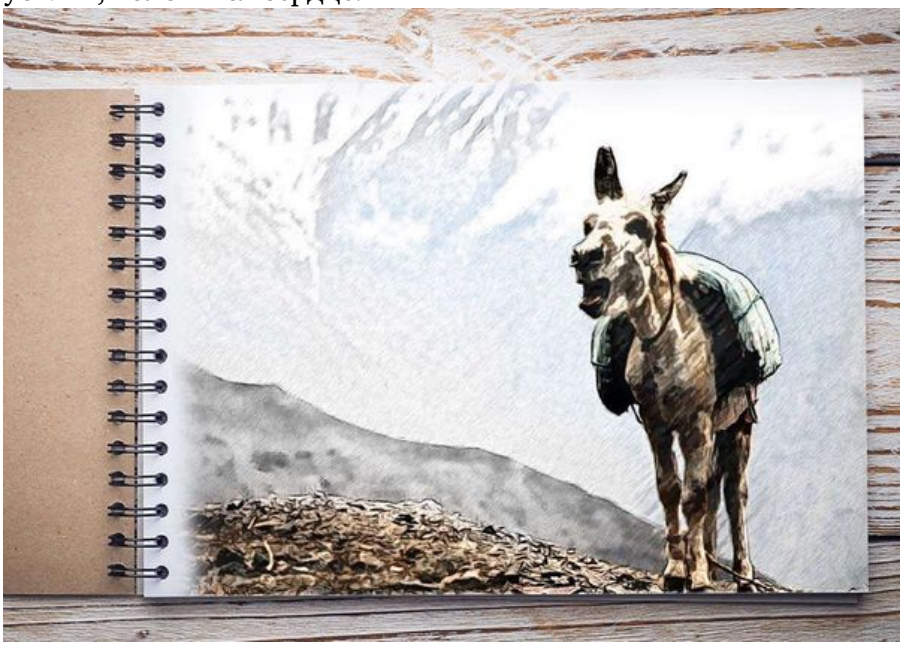
— Много?

— В силу традиций гостеприимства, — туманно обрисовал объем даров Абдулбаки. — Мы позволили себе погрузить их на ослов…

— Давайте ослов, — мигом сориентировалась Анахита, — мы возьмём их с собой. Завтра пригоните новых с продуктами, заберёте этих. Продукты каждый день на десять человек! Да не жалейте баранины и хорошего риса! Владетели не станут есть вашу кукурузную гадость! Владетели едят только лучший плов!

* * *

Остановились мы за первым гребнем, причём без сил повалились и я, и Анахита. Три гружённых ишака выглядят, в отличие от нас, вполне бодро, а Нагму мы пристроили поверх мешков, где она почти сразу заснула. Лично у меня такое ощущение, что я стоптал ноги по колено. Болят мышцы, ноют суставы, колотится сердце.



— Хорошо, то они так медленно соображают, — сказала Анахита. — Уже к вечеру начнут сомневаться, завтра весь день проругаются друг с другом, а послезавтра додумаются, что одинокий старик-шурави не тянет на картину «возвращение владетелей». Где люди-машины? Где чёрные демоны с красными глазами? Кстати, действительно, где?

— Ну, вообще-то у нас они есть, — сказал я.

Ничуть не соврал, кстати — Калидия в оболочке тот самый демон, а её мать «человек-машина». Жаль, толку от обеих ноль. — Очень надеюсь, — вздохнула женщина. — Потому что они захотят проверить. Сначала осторожно, потом обнаглеют, а потом решат, что, может быть, и имущество владетелей дозволено. Потому что великие и могущественные повелители демонов — это одно. А если просто люди, то их и зарезать можно. Аллах простит.

— А ты, я смотрю, не очень вписываешься в местную общину.

— Я же иблисова шлюха.

— И за что дают такую ачивку?

— Когда мне было пятнадцать, сбежала с торговцем из другого мира. Я была очень красивая, он как меня увидел, так и запел соловьём — какая, мол, у меня жизнь будет весёлая да

прекрасная, если я уеду с ним. Я ничего кроме кыштака не видела, к тому же была бача-пош, мне ничего не светило. Ну уши и развесила, сбежала в чём была.

— А что такое бача-пош?

— В семье должен быть сын. Если его нет — отцу позор.

— Где-то я это недавно слышал… Продолжай.

— Если сын никак не рождается, то им назначают дочь. Она носит мужскую одежду и считается мальчиком, может владеть имуществом и наследовать отцу. Но замуж ей нельзя, потому что это мужеложество и мерзость перед Аллахом. С женщинами, впрочем, нельзя тоже, потому что все же знают, что она бача-пош, и это тоже мерзость перед Аллахом. Но при этом изнасиловать её — малый грех, потому что бача-пош и не мужчина, и не женщина, а так, недоразумение. Как овцу трахнуть. Аллах не одобряет, но овцам от этого не легче. Так себе перспективка, да?

— Да, звучит не очень. Неудивительно, что ты свалила от такой радости.

— Сначала было действительно неплохо, — Анахита проверила, что Нагма спит, и продолжила: — Торговец был парень конкретно мудаковатый, вечно напоминал, что вытащил меня из кыштака, и я ему теперь по гроб жизни обязана. Сначала я чуть не молилась на него за это, а потом потаскалась по Мультиверсуму, пообтёрлась, посмотрела, как люди живут, и стала давать обратку. Он только что с лица смазливый, а по жизни — бездарь и лузер. Копеечная торговлишка, дешёвая контрабандочка, маленький член. Вечно сидели без денег, а он только ныл, какая я тварь неблагодарная, и ревновал к каждому кусту. Когда я залетела, весь на говно изошёл — делай, мол, аборт, куда нам спиногрыза. Я к тому времени выучилась на медсестру-акушерку, и в тех ипенях, куда он возил свой товар, мои услуги приносили больше, чем его дурацкая торговля.

— От этого, он, надо полагать, бесился ещё сильнее.

— Рубишь фишку, — кивнула Анахита. — Так и было. Я наотрез оказалась, заявила, что раз я нас кормлю, то прокормлю и ребёнка, не тресну.

— И что произошло потом?

— От торговцев узнала, что отец умирает. Мать-то умерла, когда я маленькой была. Не могу сказать, что прям его любила, но не попрощаться было бы свинством. Думала, заскочу ненадолго, похороню отца и дальше поеду, хрена мне тут делать?

— Но что-то пошло не так?

— Этот козёл привёз меня, и пока я хоронила отца, свалил. Думала, может, вернётся — да хрен там. Осталась одна — иблисова шлюха на восьмом месяце беременности иблисовым

выблядком. Они бы меня насиловали, пока я не сброшу плод, а потом забили камнями, но спасло чёрное колдовство.

— Какое?

— У меня был маленький, но мощный шокер. Сошло за магию. Я заявила, что так будет с каждым мужчиной, который меня коснётся. Он, правда, разрядился, и зарядить его негде, но одного раза хватило. Они бы, со временем, сообразили оглушить меня камнем издали, но жёны отговорили. Тут женщин вообще не лечат, потому что Аллах не велит. Даже акушерки не было, точнее, была бабка, которая пуповины зубами перекусывала.

— Прямо хирургическая стерильность, — оценил я.

— Вот и я о чём. Приняла пару родов, вылечила несколько женских хворей. Хотя у женщины тут прав меньше, чем у скота, но есть же неформальные методы. Хотя я и ведьма, но все же бача-пош. Но, хотя и бача-пош, но беременная. Старейшины неделю драли друг другу бороды на совете, решая, что делать по обычаю, и что велит в таких случаях Аллах. В результате мне оставили отцовский дом, потому что я бача-пош и могу наследовать. Но Нагму признали иблисовым выблядком, потому что мужик родить не может. Не знаю, что я буду делать, когда она вырастет. Я её рожала одна, сама пуповину вязала, глотку за неё кому хочешь перегрызу.

— Весело тут живётся, как я погляжу. Отдохнула? Пошли дальше.

Я, скрипя, как рассохшееся буратино, поднялся с земли, и мы пошли дальше. Ничего, авось привыкну. Регулярные прогулки на свежем горном воздухе полезны в любом возрасте.

— А почему ты не свалила с ребёнком? — спросил я, чтобы отвлечься от усилия, с которым переставляю ноги.

— Куда? — Анахита грустно улыбнулась. — В такой же кыштак? В этом меня хотя бы боятся. Здесь везде одно и то же. Я, пока по Мультиверсуму не покаталась, и не знала, что бывает по-другому. Но я не проводник, кросс-локус не открою. Это отец её был проводником, хоть и слабеньким.

Женщина заботливо укрыла спящую на мешках Нагму накидкой, ветер холодный. Девочка умудряется спать, полностью игнорируя тряскую походку осла и неудобное ложе. Вымоталась и перенервничала.

— А чего они сейчас-то на тебя взъелись? — я стараюсь не думать, что будет с моими суставами к вечеру, если они сейчас так болят.

— Во-первых, из-за вас. Возвращение владетелей — не баран чихнул. Все чего-то от вас ждут, хотя никто толком не скажет, чего именно.

— А тут такая ты, — кивнул я понимающе.

— Именно. Угораздило ж меня травы собирать на перевале. Смотрю — над замком знак владетелей, думаю — надо разведать. Прихватила корзинку, взяла Нагму и пошла. Я Нагму там не оставляю, они ребёнка не пожалеют. Иблисов выблядок, Аллах дозволяет.

— Сколько ей?

— Девять или десять. Я в какой-то момент сбилась со счета, тут календарей нет.

— Красивая девочка.

— В том-то и беда. Тут замуж с тринадцати выдают. Сразу беременность, где-то четверть не донашивают или умирают родами, потому что сами почти дети. К восемнадцати уже по трое-четверо родят, если выживут, к тридцати — старуха, надо новую, молодую жену брать, эта пусть воду носит. Вот тебе и вторая причина, почему на меня сегодня накинулись — я жене Абдулбаки помогла плод вытравить, а он узнал. Видать, вторая жена настучала, там те ещё интриги. И не надо на меня так смотреть! Она бы умерла родами, без вариантов, больная совсем по женской части.

— Я не осуждаю, — сказал я. — Твоя пациентка, твоё решение.

— Ты врач? Позывной «Док» обычно врачам дают.

— Да, я врач. Учился на педиатра, но теперь полевой медик широкого профиля.

— Воевал? — она показала на автомат.

— Да, пришлось.

— Неужели у владетелей не нашлось солдат помоложе?

— Сложная история. Так вышло. Я тут, скорее, как личный врач при дочери владетеля Креона.

— И ты русский, — сказала она утвердительно.

— Я же говорю — сложная история.

— Отец Нагмы русский. Я жила в России. Хотя, конечно, мы больше были в дороге, чем дома. Торговца ноги кормят. Русские странные, но не все мудаки, как мой. Надеюсь, ты не такой.

— Я тоже надеюсь. Кстати, твоя дочь агитировала меня на тебе жениться. Чтобы моя неизбежная скорая смерть от старости была не напрасной.

— Вот засранка! — засмеялась Анахита. — Это все равно ничего не изменило бы. Вдовам тут не намного легче живётся. В лучшем случае брат умершего забирает их в свою семью, на правах служанок-наложниц. Если же забрать некому, то им не позавидуешь — они никто. С ними можно делать что угодно, ведь Аллах раз наказал их смертью мужа, то он их не защищает.

«Кровь и имущество дозволены», как говорит наш мулла.

— У вас и мулла есть? — спросил я.

— А как же без него? — удивилась Анахаита.

— Странно, что я его не видел на площади.

— Мулла хитрый. Не сердись на Нагму, она хотела как лучше.

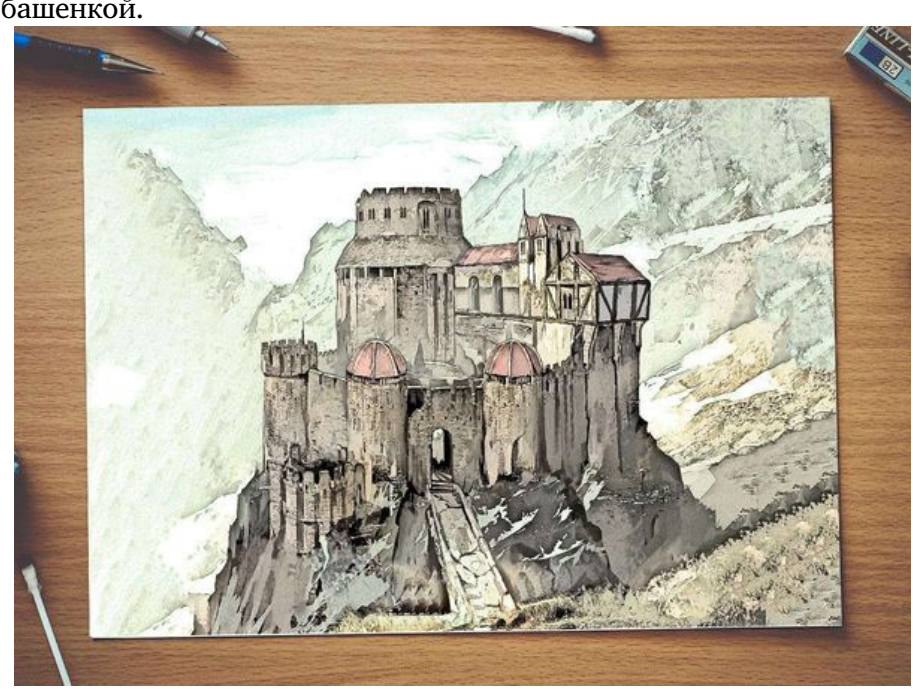
— Я не сержусь. Хорошая девочка.

— Самая лучшая на свете, — вздохнула Анахита. — Не прощу себе, если с ней что-то случится.

* * *

Когда мы добрались до перевала и увидели замок, я поинтересовался, какой-такой «знак владетелей» указал Анахите, что он больше не пустует.

— Так вон же! — удивилась она. — Смотри, над той башенкой.



Над крышей действительно поднято нечто вроде вымпела. Что на нём изображено, разглядеть не могу, хотя вдаль вижу прилично.

— Разве не вы подняли?

— Может, и мы, — не стал спорить я.

Надо найти время и как следует обследовать эту недвижимость. Но это точно будет не сегодня — последние пару километров до ворот я переставляю ноги буквально волевым

усилием, и болит во мне абсолютно всё, от головы до пяток. Марш-бросок до кыштака и обратно утомил бы меня и раньше, но сейчас это нечто невыносимое. Анахита, несмотря на все свои приключения, выглядит куда бодрее, а Нагма просто отлично выспалась.

— Михл! Товарищ военмед! — кинулась ко мне Алька. — Куда вы пропали! Я так волновалась!

— Прогулялся за продуктами, — показал я на ослов. — Шопинг слегка затянулся, так что на завтра заказал доставку.

— Шопинг! Доставка продуктов! — всплеснула руками Анахита. — Не думала, что когда-нибудь услышу это снова. Как тебя зовут, девочка?

— Алиана.

— Это же не ты дочь владетеля?

— Нет, что вы! Я её… подруга. И помощница Михла, то есть, товарища Дока.

— Как она, Аль? — спросил я.

— Спит. Я выпоила ей всё молоко, как вы велели, — подогретое и понемногу. Больше молока нет.

— В поклаже есть кувшин, надеюсь, там молоко. Как она перенесла кормление? Расстройства не было?

— Нет, только один раз мы с её мамой отнесли в туалет пописать.

— Значит продолжаем молочную диету. И можно переходить к бульонам, если есть из чего варить.

— Думаю, в мешках есть козлятина, — вздохнула Анахита. — Причём от моей козы. Она была такая старая, что её мяса они наверняка не пожалели. Но, если поварить подольше…

— Займитесь, пожалуйста. А мне надо передохнуть.

— Конечно, Михл! — засуетилась Алька. — Мы сами справимся!

Я из последних сил добрёл до своей кровати и рухнул на неё, как трухлявый клён. Разуться и раздеться сил нет, только разгрузку с броником сбросил. Сколько раз по дороге жалел, что попёрся в этой тяжести! Но, с другой стороны, тот моджахед мог ведь и пальнуть из своей пищали. С третьей — пробить бы он его свинцовой пулей из гладкого ствола не пробил, но забронёвую травму от такого калибра я бы хрен перенёс. У стариков кости хрупкие. Но самое противное даже не в том, что у меня болит каждый сустав, мышцы ног как будто варят на холодец, и башка раскалывается, а в том, что мозги скрипят и не хотят думать. Вот она, чёртова старость.

* * *

Разбудила меня Нагма — девчонка расшнуровала берцы и теперь стягивает один с ноги.

— Я ещё жив! — сказал я, зевая. — Рано меня мародёрить.

— Нельзя спать в ботинках, ноги испортишь! — девочка потянула сильнее.

— Я сам, там носки, мягко говоря, несвежие.

— Лежи, старый человек, я их постираю. И ещё если чего грязного есть — давай! Я умею! Мама воды нагрела на плите, у нас будет стирка!

— Грязного у меня есть, — вздохнул я. — Чего у меня нет, так это чистого. Переодеться не во что.

— Я принесу! — подскочила Нагма и умчалась.

Я, скрипя, кряхтя и охая, всё же снял берцы сам. И носки, которыми уже впору клопов морить. Чёрт, как всё болит-то! Но меньше, чем могло бы. Наверное потому, что онемело, пока лежал. Сейчас кровь разойдётся, и заболит с новой силой.

Девчонка притащила наряд по местной моде — широкие штаны, рубаха до колен, шерстяные носки и сандалии. Может, мне бороду отпустить? К такой одежде она прямо напрашивается. Да и бриться нечем — модерновая электробритва, купленная по совету Змеямбы, так и осталась в резиденции Креона с остальными вещами. А жаль, действительно отличный был девайс. Лучше бы его взял, чем карандаши с этюдниками, которые у меня зачем-то засунуты в дейпак. В общем, решено — буду бородат. Бородатый старик выглядит более патриаршисто, не светит обтёкшей морщинистой харей. Колоть щетиной мне больше некого, да и, наверное, незачем. Боюсь, мои постельные подвиги уже окончательно позади.

— Откуда вещи? — спросил я, придирчиво разглядывая рубаху. Ещё не хватало вшей каких-нибудь подцепить. Убедился, что один хрен ничего не вижу, и отложил в сторону.

— Подарки от наших старейшин, — пояснила Нагма. — Мужская одежда, три штуки. Женская одежда, три штуки. Вся хорошая, новая, с вышивкой! Жаль, моего размера нет… Но мама обещала перешить! Мама хорошо шьёт! Женись на ней, старый человек!

— В этом нет необходимости, Нагма. Не думаю, что вы вернётесь в кыштак. И не зови меня «старый человек».

— Тогда я буду называть тебя дедушкой, ладно?

— Лучше просто Док.

— Хорошо, дедушка Док. Снимай свою одежду, я отнесу её стирать. Мама готовит плов, скоро будем ужинать! Мама делает самый вкусный на свете плов! Ты точно не хочешь на ней жениться?

— Думаю, она будет против, — улыбнулся я. — Ты беги, я сейчас переоденусь, тогда заберёшь одежду.

Нагма умчалась, а я подумал, что вот такая шустрая внучка — это удобно. Может, действительно — ну, не жениться, конечно, а, например, удочерить Анахиту?

Не всерьёз, конечно, подумал. На черта ей такой дряхлый отчим? Даже унаследовать от меня нечего, разве что берцы. Но они ей велики будут.

К ужину вышел в обновках. Сандалии грубые и неудобные, всё остальное терпимо. По крайней мере, чистое. Анахита тоже переоделась — к моему удивлению, в женское. Разница не так велика — тоже штаны и рубаха, но больше вышивки и голова с плечами покрыты платком.

— Надоело быть бача-пош, — сказала она, поймав мой вопросительный взгляд. — Всё равно имущества у меня теперь нет.

— И что дальше? — спросил я её, принюхиваясь. Плов действительно пахнет шикарно.

— Не знаю. Не хочу думать. Вот, ешь!

Она поставила передо мной блюдо, на ней горкой плов. Попробовал — вкус не хуже запаха.

— С ума сойти, — засмеялась Анахита, — столько лет не видела, чтобы плов ложкой ели!

— Не привык я руками.

— Да ешь, ешь, я только рада! Осточертело это средневековье. Пациентке твоей я бульона сварила. Вот и польза от моей старой козы.

— Спасибо.

— Тебе спасибо, Док. Благодаря тебе мы с Нагмой живы. А дальше… Ну, дальше будет дальше.

После ужина проведал Калидию. Она ещё слаба, но ей гораздо лучше. Думаю, завтра уже можно пробовать давать твёрдую пищу: варёное мясо, овощи. Ей надо набирать вес, а то скелет-скелетом.

В углу комнаты — нечто вроде муравьиного яйца, только чёрное и размером с Нагму.

— Это моя оболочка, — пояснила девушка. — Пришлось перевести в режим споры. Так она может храниться вечно.

— А обратно как?

— Нужна будет кровь. Много крови, пока она не насытится и не наберёт энергию.

— Человеческой?

— Нет, не обязательно. Это же не первая активация, она уже в слиянии со мной. Любая кровь подойдёт — ведь бульон вы из

чего-то сварили? Значит, животные тут есть…

— А ты вообще насколько в курсе насчёт этого места? Это же ваше семейное убежище…

— Не очень, — призналась Калидия. — Была один раз, давно. Помню только, что горы вокруг. Это запасной пункт эвакуации, на самый крайний случай. Основной там, куда отец ушёл. Спасибо, что вытащили меня. Я пыталась спасти маму, но, кажется, не рассчитала сил.

— По большей части это она тебя вытащила, — ответил я. — Ладно, поспи ещё, ты неплохо восстанавливаешься, но сильно не торопись.

— Док?

— Что?

— А вы всегда были такой старый?

Глава 3. Дары ослов

Ночью опять выл Багха, но Нагма не прибегала. Когда мама рядом — не так страшно. Вчера вечером трудами женского коллектива накачали и нагрели воды, я принял ванну. Жалкое, душераздирающее зрелище. Мышечная масса уполовинилась, пузцо торчит, шкура висит. Сам себе неприятен. Но как врач, не могу не признать, что организм, с учётом нового возраста, ещё как-то тащит. Отлежался в горячей ванне — и почти ничего не болит. Тянет, ломит — но не болит же. Это за счастье.

Утром понял, что рано радовался — с кровати еле встал. Пока доковылял в ванную, кое-как расходился, значит, ещё один день впереди. В моём сраном возрасте только так — слава Аллаху за этот день. Или Иблису. Раз болит — значит, жив. Ну, и Ктулху Фхтагн!

Завтрак отныне без кофе, к этому тоже надо привыкать. Буду утешать себя, что в моём сраном возрасте кофе вреден. В нём всё вредно.

Анахита уже растопила плиту, греет воду — среди продуктов мешочек местного чая. Пахнет овцами и сеном, но что поделаешь. На завтрак курт — нечто среднее между солёным творогом и сыром — и лепешка. Меню аборигенное, куда деваться. Куча сырнотворожного молочного разных видов, рис, кукуруза, баранина, козлятина, лепёшки из кукурузной муки, зелень. Местные на таком рационе как-то выживают, авось, и мы справимся.

— Док, я хотела спросить…

— Да, Анахита?

— Можно, я останусь тут? Не вернусь в кыштак? Я буду готовить, убирать…

— Разумеется.

— …стирать, мыть… Что?

— Ты можешь остаться, — повторил я, — могла бы не спрашивать. Выгнать тебя — всё равно, что убить. Живи сколько хочешь, места до чёрта. Правда, предупреждаю сразу — наши перспективы тоже весьма туманны. Все, кроме Калидии, тут на птичьих правах, а она, хоть и дочь владетеля, несколько не в форме.

— Знаешь, — Анахита налила мне в пиалу чай. Он пахнет веником, которым подметали в овчарне. — Я с детства привыкла думать, что владетели — это круче крутого. Почти как Аллах. Вот вернутся владетели, и жизнь будет как в раю. Глупо, конечно, но так все считали. А вы, уж прости, похожи на беглецов, а не на благодетелей.

— Не извиняйся, так и есть. Владетель Креон сначала виртуозно просрал всю политику, потом был разбит в бою, а потом бежал. Причём, не сюда, а в другое место. А мы так — заблудившийся арьергардный отряд. Облагодетельствовать точно никого не сможем.

— Как только старейшины это поймут, у нас будут большие проблемы.

Меня это «у нас» почему-то порадовало. Может, потому, что, раз Анахита не спешит нас покинуть, то не считает наше положение безнадёжным. Впрочем, скорее всего, у неё просто нет выбора.

За ночь постиранный женщинами камуфляж высох, и я с удовольствием переоделся в привычное. Местная мода мне как-то не очень. Нацепил разгрузку, взял оружие и пошёл осмотреться. За мной тут же увязалась любопытная Нагма, которой прямо неймётся всё тут разведать. Прямо как кошка. Есть тут кошки?

Оказалось — нет. Что за мир, в котором нет кошек? Говно, а не мир.

Центральное здание цитадели высотой в три этажа, и больше всего оно похоже на общежитие. На каждом этаже комнаты с кроватями, санузел, кухня, гостиная, кладовые, чуланы и прочие технические помещения. Везде пусто и пыльно, но не слишком. Видно, что тут убирали — нечасто, но регулярно. Может быть, пару раз в год. Владетель Креон наверняка не планировал провафлить баталию, сдриснуть в горы, питаться остаток жизни козьим сыром и уестествлять овец, но на всякий случай поддерживал замок в порядке. Странно, что местные до сих пор не растащили имущество. Судя по кыштаку, даже медная посуда по местным меркам — капитал.

— Багха стережёт, — разъяснила моё недоумение Нагма. — Как-то раз двое мужчин решили ограбить замок. Один из них собирался жениться, но был беден и не мог набрать калым, а второй был его друг, или просто хотел поживиться. Они зашли сюда — и никого не встретили. «Нас обманывали, это просто ничей дом!» — сказал тот из них, кто искал калым. — «Я наберу посуды, наберу тканей, возьму всякие вещи!» Второй поддержал его, и они взяли вещей, сколько могли унести. Эти люди не сказали старейшинам, что были в замке, а тайком пронесли вещи и спрятали в своих домах. А ночью пришёл Багха. Аллах запрещает ему заходить в дома правоверных, но те, кто украл вещи владетелей, не защищаемы Аллахом, ибо кража — мерзость пред лицом его! И Багха ворвался в их дома и убил там всех, а другие дома не тронул. Люди дрожали всю ночь от его воя, а утром пошли и увидели убитых. Тогда они собрали всё то, что украли эти двое, отмыли от крови и отнесли обратно в замок. И Багха больше никого не убивал!

— Какая драматическая история, — сказал я скептически.

— Так нам мулла рассказывал. То есть он другим детям рассказывал, но я подслушивала под окном. Мне к мулле нельзя, потому что я иблисов выблядок.

— Прекрати так говорить, — ответил я девочке. — Ты дочь своей матери. Хорошая девочка. Умная девочка. Красивая девочка.

— Но у меня нет отца!

— Такое случается, — кивнул я. — Причём без всякого иблиса. Скажи мне, иблисявка самозванная, люди, которые тебя так называют, — хорошие люди?

— Нет, — сказала она неуверенно, — кажется, не очень. Они и про маму гадости говорят.

— Тогда зачем ты их слушаешь? Они говорят глупые злые слова, и сами они глупые и злые.

— Но это же старейшины!

— Старый — не всегда значит «умный». Иногда он просто старый.

— А ты, дедушка Док? Ты какой?

— Хотел бы я знать… Ладно, пошли, тут тоже ничего интересного. Давай лучше на стене осмотримся.

Крутая лестница очень не понравилась моим коленям, зато вид открывается отменный. Горные пейзажи — моя эстетическая слабость. А вот жить в горах никогда не мечтал. Не люблю постоянно ходить вверх-вниз. Кроме того, горная жизнь скудна — все приятности, вроде тёплых пляжей, вкусной еды и доступных женщин, обычно расположены где-то внизу. А вверху только козы, камни и хиджабы.

— Пробегись по стене, Нагма, — попросил я девочку, — посмотри, нет ли чего интересного.

— Но не буквально же бегом! Не навернись с разгону! — крикнул запоздало вслед, да куда там.

Ускакала, коза горная. А я сел на каменный парапет, достал

скетчбук и принялся за наброски. Если упорно рисовать мир, то он однажды откликнется. Или нет. Но я буду пробовать.

— Ой, дедушка Док, ты рисуешь? — вернулась, егоза. — А можно посмотреть?

— Смотри, чего нет.

Из-за возрастной пресбиопии горы я вижу хорошо, а вот то, что рисую, плохо. Аккомодация хрусталика между «вдаль, на горы» и «под нос, в блокнот» даётся туго. Из-за этого глазные мышцы напрягаются, и начинает болеть голова. У меня вот уже начала. Но я рисую, пока могу терпеть. Не то чтобы долго.

— А почему ты рисуешь только чёрным карандашом? — спросила любопытная Нагма. — У тебя цветные есть. И ещё вот эти штуки…

— Пастель.

— А почему ты не рисуешь этой постелью?

— Нет, пастель, через «А». Это как мел, только цветной. А не рисую, потому что плохо получается. Не умею работать с цветом, выходит мазня. Какой-то дефект восприятия, что ли.

— А можно я попробую?

— Да на здоровье. Что-нибудь интересное нашла?

— Вон там, — махнула она рукой в сторону ворот. — Где башенка вбок. Там пол странный.

А сама уже вцепилась в рисовальный набор.

«Башенка вбок» — это машикуль, выступ на стене, оборонительная огневая точка. Пол там действительно странный. Всё вокруг каменное, а тут металлический круг. Похож на вделанный заподлицо люк. Как я ни ковырял его ножом, подцепить не удалось. Закрыт, и прилегает очень плотно. Звук глухой, железка толстая. При этом то ли чернёная, то ли анодированная, то ли металл такой, тёмный. Не ржавая ничуть, и нож оставляет еле заметные царапины. Скорее всего, стена внутри полая, а через этот люк защитники выскакивали на стену. И, судя по качеству его изготовления, вряд ли с луками. Надо осматривать замок дальше, что-то мы упускаем, но сейчас не лучший момент.

— Нагма!

Тишина.

— Да Нагма же!

С трудом оторвалась от скетчбука, пальцы в крошках грифелей, на лице цветные пятна.

— Что, дедушка Док?

— Беги за мамой, там её земляки по дороге тащатся.

— Кто?

— Селяне, с кыштака. Три осла с поклажей и три козла

налегке.

— Ослов вижу, а где козлы? — пригляделась девочка.

— Да вон же, бородами трясут!

— У козлов не только бороды, но и рога! — упрекнула меня в плохом знании биологии Нагма.

— Мало ли, что там у них под чалмой, — отмахнулся я. Беги за мамой, скажи, жду её у ворот.

Взял оставленный девочкой скетчбук. Думал, она нарисует что-то своё, палки с огуречиками, козу рогатую, удава, который проглотил слона, — что там обычно рисуют дети. Но она вместо этого раскрасила мой набросок. И горы на нём теперь лучше настоящих.

Чёрт, да у этой козявки талант!

* * *

— Ты знаешь, что твоя дочь отлично рисует? — спросил я Анахиту, пока мы стоим за воротами и делаем вид, что вовсе не ждём приближающийся караван.

— Она постоянно малюет углем на стенах и мелом на двери, — сказала женщина. — Мне нравится, но я не объективна.

— Вот, посмотри, — я сунул ей скетчбук. — Набросок мой, но её цвет и растушевка.

— Это хорошо?

— Учитывая, что она в первый раз в жизни взяла в руки карандаши — просто шикарно.

Анахита полистала блокнот, разглядывая мои наброски.

— Это Алиана, очень похожа… — прокомментировала она. — О, вот как выглядела Калидия? Красавица. Так ты ещё и художник?

— Нет, просто рисовальщик по референсам.

— Всё равно. Поучишь Нагму? Хоть немного?

— Конечно. Тому, что умею сам. Это не очень много. Ей бы в художественную школу, чтобы руку поставить.

— Неважно. Спасибо. Ей бы хоть в какую-нибудь школу, а то она умеет только читать, да и то еле-еле. У нас было штук пять детских книг. Она успела их прочитать, но потом мулла узнал про них и сжёг. Потому что если там написано не то, что в Коране, то они лгут, а если то же самое — то они не нужны. Если бы узнал, что Нагма рисует, то, наверное, сжёг бы и её. Аллах запрещает.

— Какой ревнивый. У меня, к сожалению, нет с собой книг, в замке я их тоже не заметил. Могу писать что-нибудь мелом на стене, а она пусть читает. Стен тут до чёрта, хватит на полное среднее образование.

— Правда? Ты будешь заниматься с Нагмой?

— А что тут ещё делать? Но буквы будут крупные, зрение у меня ни к чёрту. Где бы взять очки…

— Когда мы с отцом Нагмы занимались торговлей, очки были ходовым товаром. Просто куча готовых дешёвых линз разной силы и стандартные разборные оправы с регулируемым расстоянием, в которые их легко вставлять. Я работала с компактным оптометрическим прибором, подбирала что-то более-менее подходящее. Выглядели эти очки препохабно, но многим помогли. Даже в нашем кыштаке есть несколько — одни у муллы, читать Коран, и двое у женщин, которые шьют одежду.

— Ограбить, что ли, вашего муллу? — почти на полном серьёзе спросил я. — Хотя не факт, что подойдут. А теперь торговцы вас не навещают?

— После того, как этот мудак нас тут бросил, — ни одного. Наверное, наплёл каких-нибудь ужасов, чтобы я не смогла сбежать. Торговцы между собой общаются, а проверять никто будет. Сказал: «Туда не ездите, там коммерсантов грабят», — и никто не поедет. Зачем рисковать, миров и так много.

— Продуманный парень.

— Просто мелкий мстительный засранец.

— Не вздумай это Нагме сказать. Лучше соври, что он великий герой, пропавший без вести в бою. Не стоит ребенку слышать: «Ты дочь никчёмного мудилы», — а то она такой и вырастет. Дочерью мудилы.

— Я ей ничего не говорила про отца. Ни слова.

— Однажды она спросит.

— Я знаю. Спасибо за совет.

Таким тоном говорят: «Пошёл нафиг».

Неторопливый караван тем временем пересёк дорогу к перевалу и направился к нашим воротам.

— Вон того в чёрной чалме видишь? — спросила Анахита.

— Худой, вертлявый, с куцей бородёнкой?

— Он. Это Хайрулла, помощник муллы. Тот ещё гондон. Постоянно за мной следил. Вторая жена его скинула плод из-за того, что он её избил, кровотечение открылось, а он её ко мне не пускал, пока совсем помирать не стала. Еле откачала. Так вот, она мне рассказала, что Хайрулла только и ждёт, когда мулла помрёт, чтобы назначить себя и муллой, и старейшиной сразу.

— Хочет объединить две ветви власти?

— Хрен его поймешь, чего он хочет. Но ты его опасайся, подлый и хитрый человек. Наверняка шпионить пришёл, ослов погонять — не по нему работа.

Три погонщика при трёх ослах нацелились было в ворота, но я сделал шаг вперёд и остановил их жестом.

— Тут стоять. Мешки снимайте. Сейчас Анахита выведет вам вчерашних ослов, заберёте их и проваливайте.

Я в камуфле и разгрузке поверх броника, в шлеме, тактических перчатках, больших зеркальных очках и платке, повязанном на ковбойский манер. Чем меньше меня видно, тем сложнее понять, какой я старый пень. Пусть, вон, автомат

разглядывают.

— Уважаемый владетель! — сказал медовым голосом Хайрулла. — Или вы не владетель, а слуга владетеля? Вы же не можете быть владетелем, верно?

Я стою, смотрю на него очками, молчу.

— Да простит меня Аллах, но я должен видеть владетеля! Есть вести, достойные лишь его ушей!

— Здесь я решаю, кто кому чего должен, — отрезал я.

Бородатый так и лезет вперёд, пытаясь заглянуть в приоткрытые ворота, но я стою так, что ему ни черта не видно.

— Но владетелю необходимо знать…

— Ты, ишачий высирок, взялся решать, что необходимо владетелям? — я повысил голос и взялся за автомат.

В это момент Анахита вывела из ворот трёх ослов. Они неплохо провели время, укорачивая и унавоживая траву во дворе замка, и теперь не жаждут покидать такое хорошее место, чтобы тащиться по горам в кыштак. Так что ей пришлось постараться, пропихивая их в нарочно узкую щель.

— Иблисова шлюха! — завопил увидевший её Хайрулла. — Бача-пош, ты нацепила женский платок! Шайтанова тварь! Владетель должен покарать тебя!

Я шагнул вперёд и коротко врезал ему прикладом под дых. Помощник муллы задохнулся, скрючился и повалился на камни. Я немедленно навёл оружие на остальных, но они сразу подняли руки и сделали несколько торопливых шагов назад. Один потерял сандалию, и теперь нервно косится на неё.

— Ну, кто ещё хочет рассказать мне, что должен владетель? — спросил я самым неприятным голосом, который смог в себе найти.

Правильно было бы его пристрелить. Со всех точек зрения хорошо — показать решительность настроя, пресечь брожения умов, убрать потенциально опасного фигуранта. Да и вообще — владетель Креон, как я его понимаю, грохнул бы наглеца, не задумываясь: мой меч — твоя голова с плеч. Нормальное владетельское поведение.

Но я не могу, неловко. Не моё это — в безоружных стрелять. Вот если бы он на меня напал…

Хайрулла и не подумал нападать — пополз на четвереньках и встал, только отдалившись метров на десять. Судя потому, как лыбятся в бороды двое погонщиков, большой симпатией он в общине не пользуется. Теперь у него ко мне, кроме амбиций, ещё и личное. Может, всё-таки… Нет, не могу.

— Зря ты его не убил, — сказала Анахита, когда шестиословый караван удалился по тропе. — Он злопамятный.

— Я тоже пока склерозом не страдаю, — буркнул я, глядя им вслед.

С такого расстояния попаду, вдаль неплохо вижу. Но воспитательный эффект уже будет не тот, так что чёрт с ним. Думаю, ещё даст повод.

* * *

— По местным обычаям правильно чем-то отдариться, — озабоченно сказала Анахита, разбирая «дары ослов». — Хотя мы тут за владетелей, а всё равно, традиция. Не поймут.

— Поищи на досуге по кладовкам, может, посуду какую лишнюю отдадим или полотенца. Намотают на голову, будет махровый тюрбан в цвяточек.

— На тюрбан метров пять ткани надо, — засомневалась женщина, — не бывает такого полотенца.

— Ну, намотают на ноги, будут портянки.

— Тут не носят сапог, а в сандалии какие портянки?

— Тогда сама придумай. Тебе виднее, на что тут спрос у населения.

— Дедушка Док, — прибежала Нагма. — Мама говорит, вы меня учить будете! Правда?

— А ты хочешь?

— Больше всего на свете!

Вот как надо мотивировать детей к учёбе: запереть в кыштаке, где всех развлечений — козу доить. Такая, прям, страсть к образованию проснётся! Ломоносов, вон, аж пешком за рыбным обозом ломанулся, так его припёрло. И эта готова хоть куда бежать вприпрыжку.

Стены у цитадели из тёмного камня, более-менее ровные — вот тебе и школьная доска вокруг, хоть обпишись на ней. Белого мягкого известняка в осыпях тоже хватает, Нагма тут же притащила с десяток небольших ухватистых камушков. И что я ей преподавать буду? «Мама мыла раму»? Ох, вряд ли она её мыла. Не видел я в кыштаке стеклёных окон.

— Ладно, козявица, буквы знаешь?

— Знаю. Но давно не видела.

— Тогда я пишу, а ты читаешь.

«В одном горном селении жила-была девочка», — старательно вывожу ровные полупечатные буквы. — «У неё была мама и три козы».

— Как у меня! — обрадовалась Нагма. — Или это про меня сказка?

— Как пойдёт, — не стал зарекаться я. — Теперь ты, вот здесь, ниже, пиши то же самое.

У девочки из горного селения кроме мамы и трёх коз в наличии обнаружились многочисленные предметы быта и интерьера: горшок, миска, пиала, стул, кровать. Её дом состоял из стен, пола, крыши, двери и окон. Все они были упомянуты и записаны — сначала мной, потом Нагмой. На улице девочку ждали куры, овцы и ослы, мужчины, женщины и дети. Они ходили, стояли, сидели, лежали и бегали, а также были в единственном и множественном числе, мужском и женском роде.

Читает она медленно, длинные слова — по слогам, но довольно уверенно. Пишет, когда видит написанное, тоже хорошо, а вот когда надо записать со слуха — путается и теряется. До диктантов надо дорасти.

Потом перешли к счёту. Устно Нагма считает хорошо, складывает и вычитает, но идея записывать количество цифрами для неё свежа. Проще нарисовать три рогатых силуэта, обозначающих три козы. В целом, для первого учебного дня неплохо.

— Спасибо, Док, — с чувством сказала Анахита, перехватив меня в коридоре. — Мне стоило больше с ней заниматься. Сначала я пыталась, но потом, когда не стало книг… Решила, что нам не вырваться, и руки опустились. Зачем учить ребенка читать, если читать нечего? В общем, спасибо.

— Не за что. Нагма хорошая девочка.

— Я так хочу, чтобы она была счастлива! У меня не вышло, но может, ей повезёт больше?

Ну, да. Умная, красивая и талантливая девочка в горном кыштаке. Что может пойти не так? Впрочем, умным, красивым и талантливым счастья вообще выделяют скудно.

— Твои дети, наверное, совсем взрослые? — интересуется Анахита. — Нагма напоминает тебе внуков?

— Я вдовец, у меня нет семьи, — сказал я, упрощая ситуацию.

— Ой, прости, мне так жаль! Наверное, ужасно в конце жизни остаться совсем одному… А что случилось с твоей женой? Почему у вас не было детей?

— Анахита, я не хочу это обсуждать.

— О, чёрт, извини. Это не моё дело, ты прав. Я очень тебе сочувствую.

За обедом Анахита ухаживает за мной с каким-то особенным вниманием, а после Нагма то и дело подбегает с вопросом, не нужно ли чего «дедушке Доку». Наверное, им действительно меня жалко: по меркам патриархального общества одинокий старик — крайняя форма жизненного краха, хуже не придумаешь. Вся твоя

жизнь прожита зря, ты лузер из лузеров. Ну, или Аллах тебя за что-то наказал.

Да может, и наказал, хрен его поймёт.

Калидия меня радует — ей на глазах становится лучше. Уже сидит, а не лежит, до туалета ковыляет, хотя и при поддержке Алианы, но своими ногами. Давление и пульс вернулись в норму, сердце работает, насколько я могу определить на слух, ровно, без заметных шумов. Начинает скучать, что тоже хороший признак. Развлечений тут никаких, ни книжек, ни телевидения, но они с Алькой треплются часами, не надоедает пока.

Алька от неё не отходит, валяется на кровати рядом, смотрит влюблёнными глазами, кидается исполнить любой каприз. Калидия, как мне кажется, больше позволяет себя любить, чем влюблена сама. Обычное дело. Мы с женой так двадцать лет прожили, я — влюблённый по уши, она — ну как-то так. То, что в ней однажды сломалось, так и не зажило до самой смерти. Не хватило на это моих талантов.

Вспомнил о жене, расстроился, настроение совсем упало. В чём-то правы местные: одинокий никому не нужный старик — говённый жизненный итог. Что жил он, что не жил — один хер. Так себя пожалел, что аж слёзы выступили, от чего я вообще приуныл — с детства не плакал, вообще про слёзные железы забыл. Это что, старческая сентиментальность? Боже, самого от себя тошнит.

Зверски захотелось выпить, но нечего. Вместо этого вышел во двор воздухом подышать. На стене, где мы с Нагмой писали свои прописи, появились многочисленные иллюстрации: и девочка с мамой, и дом с крышей, и козы с курами, и овцы. Всё тщательно подписано: «Две овецы», «Адна каза». Техника рисунка примитивная, но камнем по камню шедевр накарябать сложно. В этом даже есть своеобразный минималистский шарм — передать суть несколькими простыми штрихами, выразить эмоцию парой линий. Талантливая девочка, не видать ей в жизни счастья. Счастье в одну комплектацию с талантом не входит.

Но я хреновый пророк. Может быть, завтра нас зарежут осмелевшие аборигены, вот вам и всё счастье.

Эта светлая перспектива сподвигла меня на то, чем давно надо было заняться, — подгонкой и приведением в порядок снаряжения. Резко постарев, я сбросил мышечную массу. Теперь броник на мне болтается, а разгрузка висит, как на вешалке. Кроме того, автомат до сих пор не чищен, а пострелять я успел прилично. В общем, фу быть таким распиздяем в моём-то сраном возрасте.

Собрал всё в кучу, вылез на стену. Вечереет, вокруг красота, воздух прозрачный, видно далеко. Недалеко, к сожалению, видно хуже, но автомат я и на ощупь разберу. Достал набор для чистки, надрал тряпочек из простыни. Хотел усесться, ножки наружу свесив, но нет — примчалась Нагма, всплеснула ручонками, сказала: «Ой, дедушка Док, ты же старенький!» — и мухой метнулась за стулом. Она бы и кресло припёрла, но тяжёлые тут кресла, ребенку не поднять. Зато где-то раздобыла раскладной столик и принесла его. Ловлю себя на глупой зависти, глядя на то, как ребёнок носится вниз-вверх по лестнице, по которой я ковыляю, щёлкая коленными суставами.

— Дедушка Док, а дедушка Док? — какой умильный тон, надо же.

— Чего тебе, колбаса?

— А можно я тут посижу, порисую?

— Можно. Вон, в дейпаке рисовальный набор. Только помни, что это вся бумага, которая у нас есть, и новой взять негде.

— Тут много!

— Это только так кажется.

— Тогда скажи, что нарисовать.

— Да что хочешь. Просто посмотри на мир внимательно, подумай, что ты от него хочешь. И он даст тебе референс.

— Что даст?

— Картинку в твоей голове, на которой всё будет правильно. Так, как хочет мир, так, как хочешь ты, и так, как обязательно должно быть.

— Тогда я нарисую тебя, дедушка Док! А то ты старый, скоро умрёшь, и я тебя забуду. А если будет рисунок — то не забуду!

— Нашла модель, — хмыкнул я, — но как хочешь. Учти, позировать не буду, рисуй, пока чищу автомат.

— Спасибо, я буду беречь твои мелки!

— Это пастель, запомни. А лучше сразу напиши: «п-а-с-т-е-ль». Нет, в конце мягкий знак. Вот так, умница.

Я разобрал, почистил и собрал автомат. Разобрал, почистил и собрал пистолет. Покрутил разгрузку, выложил из неё всё, подтянул ремешки, сложил обратно. Взял броник, зачем-то вынул-вставил пластины. В общем, туплю и прокрастинирую, потому что лень спускаться вниз. Нагма сидит на полу, поджав под себя ноги, сопит, шуршит пастельными мелками, щурится, смешно морщит нос, который уже перепачкала грязными пальцами. Нос с одной стороны слегка зелёный, с другой — слегка красный, на щеке немного синего. На лице розовый луч заходящего солнца, в нём прозрачно зеленеют большие яркие глаза.

Жаль, что у меня нет внуков. Я слишком любил жену, она была безнадёжно бесплодна, так вышло. Надо было нам удочерить вот такую смешную егозу, всё не зря бы жизнь прожили. Но я боялся предложить, боясь, что обижу, а она… Да чёрт её знает, на самом деле. Я её любил, но это не значит, что понимал. У неё внутри была тщательно огороженная мёртвая зона, куда ходу не было не только мне, но и ей самой. И какие там водились драконы — бог весть. Нет, мы неплохо жили вместе, грех жаловаться. Двадцать лет как один день. Но всегда делали вид, что не видим ограды, колючей проволоки, стальных ворот. Не слышим сопения драконов. Не подходим близко. Не трогаем, не говорим, не смотрим. Игнорируем. Было это правильно, не было — какая теперь разница? Её больше нет, да и мне, похоже, недолго осталось.

— Дедушка Док, а почему ты плачешь? — спросила внезапно Нагма. — Тебе грустно?

— Не обращай внимания, просто вспомнил кое-что.

— Не грусти, я почти закончила. Сейчас пойдём, чаю попьём. Там мёд есть! В сотах!

Старость легка на слезу. Недаром говорят: «Старый — что малый». Снижен контроль рефлекторных реакций, разбалансирован гормональный фон. И вообще башка уже не та. Этак и до маразма недалеко. Надеюсь, меня раньше кто-нибудь пристрелит.

Я нацепил бронник, надел разгрузку, шлем — не в руках же их тащить? — повесил на плечо автомат, вставил в кобуру пистолет. Распрямился с хрустом, держась руками за поясницу, прогнулся назад — и получил в грудь пулю. Успел увидеть дульную вспышку на склоне, услышать раскатистый звук выстрела, и, уже падая, — дымное облако, окончательно демаскировавшее позицию снайпера.

В грудь как ломом шарахнуло. Бац — и всё.

Глава 4. Жил грешно и умер смешно

— Дедушка Док, ты совсем умер?

— Ещё не решил, — признался я.

Голос хриплый и такой слабый, что сам себя еле слышу.

— Что? — переспросила Нагма.

— Со стены бегом!

— Но как же ты…

— Немедленно! Быстро! Ещё быстрее!

Нагма исчезла из моего поля зрения, сандалии затопали в сторону лестницы. Местные ружья перезаряжаются не быстро, должна успеть. А меня, пока я лежу, прикрывает парапет.

Тела не чувствую совсем — то ли шок, то ли… Нет, пусть будет травматический шок. Дедушка Док старенький, организм заблокировал боль, чтобы он кони не двинул. Скоро отпустит, и вот тут-то мы и похохочем.

Попытался подвигать рукой — и не понял, получилось или нет. Даже голову не могу повернуть. Экая вышла конфузия.

— Эй, Док, что с тобой? — послышался снизу голос Анахиты.

— Меня подстрелили.

— Что? Не слышу!

— Подстрелили меня! — сказал я как мог громко. — Закройте ворота и не поднимайтесь на стену, вдруг снайпер ещё на позиции.

— Как ты?

— Не могу понять, оглушило.

— Полежи, мы тебя сейчас вытащим!

— Не рискуйте! — ответил я, но, кажется, меня никто не услышал.

Лежу, смотрю в стремительно темнеющее вечернее небо. В голове ни одной мысли, только крутится бессмертное: «И жил грешно, и умер смешно».

— Ты живой ещё? — Анахита уже на стене.

— Когито эрго сум, — ответил я почему-то по латыни.

— Живой! — сказала она кому-то внизу. — Уже слишком темно, чтобы стрелять, давайте.

Мать Калидии подняла меня легко, руки у неё, как складской погрузчик. Подняла, спустилась по лестнице, неся вместе с экипировкой, и даже не запыхалась. На импланты для бывшей жены Креон не поскупился.

В кровати меня, путаясь в ремешках разгрузки, раздели Анахита с Алькой. Теперь мне уже больно, но я понимаю, что могло быть хуже. Мягкая пуля очень неудачно прошла между магазинами в нагрудных карманах разгрузки, но не пробила пластину.

— Тут больно? — спрашивает Анахита. — А тут?

Мне больно везде. А ещё неловко, что она смотрит на меня голого. Точнее, что она смотрит на меня старого. Голый старик — это совсем не то, на что приятно смотреть, и у меня было слишком мало времени, чтобы с этим смириться.

— Рёбра, как минимум, треснули, — сказала Анахита расстроено. — Но, насколько я нащупала, без смещения. Очень сильный ушиб. Что ещё пострадало — не знаю. Я не настоящий доктор, и практика у меня была в основном по женской части. Вот было бы у тебя, к примеру, тазовое предлежание…

— И что бы ты с ним делала? — заинтересовался я.

— Молилась Аллаху, в основном, — призналась она. — За попытку кесарева меня бы камнями забили.

— А ты умеешь кесарево?

— Нет, если честно. Два раза видела, один раз ассистировала. Но, если бы другого выхода не осталось, может быть, рискнула бы. А ты умеешь?

— Нет. Знаю как, но не пробовал. В любом случае, не в кыштаке на столе при свете коптилки.

— В общем, хорошо, что у тебя не тазовое предлежание, — улыбнулась женщина.

— Да, в этом мне повезло.

Я уже могу двигаться, хотя это больно. Алиана притащила подушек, помогла сесть повыше. А вот и пуля — застряла между бронником и разгрузкой. Мягкая, безоболочечная, свинцовая, почти полностью расплющена, но видны следы нарезов. Штуцер, надо полагать. Для гладкого расстояние великовато.

— Анахита, у кого-нибудь в посёлке есть приличное ружье?

— Ружья у многих, но я в них не разбираюсь, извини.

— Поставим вопрос иначе — кто самый лучший охотник?

— Ацак, он на горных коз охотится. У него длинное такое

ружье, красивое. И он не боится ночевать в горах, говорит, знает, где от Багхи спрятаться.

— Ах да, Багха же. Кто бы ни стрелял в меня, в кыштак ему до темноты не добраться. Если этот ваш Багха жрёт всех, кто гуляет ночью…

— Ваш Багха.

— Не понял?

— Ваш, владетельский. Говорят, владетели привезли его с собой и оставили охранять замок. По ночам нельзя гулять вблизи замка — пастухи гоняют отары в другую сторону, там безопасно. Но, если спрятаться в пещеру, то он туда не полезет, охотники это знают и пользуются, ведь с охоты не всегда за один день обернёшься.

— Интересно, — я стараюсь отвлечься от боли в рёбрах. — Это сколько лет он тут ошивается? Когда владетели его привезли?

— Тогда же, когда и нас.

— Что-то я совсем запутался.

— Давно, когда я ещё не родилась, наша община жила в другом мире. Но там шла война, нас хотели убить, потому что мы были на стороне шурави, а другие — нет. Шурави не могли защищать нас больше, они уходили, тогда один человек, проводник, сказал старейшинам, что может привести их под руку владетелей, тогда те перевезут нас всех в другой мир. Такой же, но без войны. Старейшины согласились, и теперь мы здесь. За это мы обязаны владетелям службой, если они потребуют. Но они ни разу не требовали, и только самые старые помнят про эти клятвы.

— Ага, значит, вы иммигранты, — задумчиво сказал я. — Интересный расклад. Но с Багхой яснее не стало. Слишком много лет для жизни одного территориального хищника. Либо у него тут семья, либо периодически завозят новый экземпляр. Ставлю на второе, иначе они в отсутствие естественных врагов расплодились бы и сожрали вам весь скот.

— Я не знаю, Док, — призналась Анахита. — Никогда об этом не думала. С детства слышала про Багху, и всё.

— Ладно, чёрт с ним. Вернёмся к этому индейцу «Зоркий Глаз».

— К кому?

— Который Ацак. Может у него быть личный мотив меня завалить?

— Вряд ли. Он охотник, ему ни до чего дела нет.

— Тогда кто ему мог приказать?

— Мулла. Совет старейшин.

— А этот говноед утренний? Который на «Х»…

— Хайрулла? Разве что от имени муллы. Самого его не очень уважают.

— Ладно, посмотрим, кого утром принесёт черт. Точнее, учитывая региональную подчинённость, шайтан. Кто-то обязательно должен поинтересоваться результатом этого выстрела.

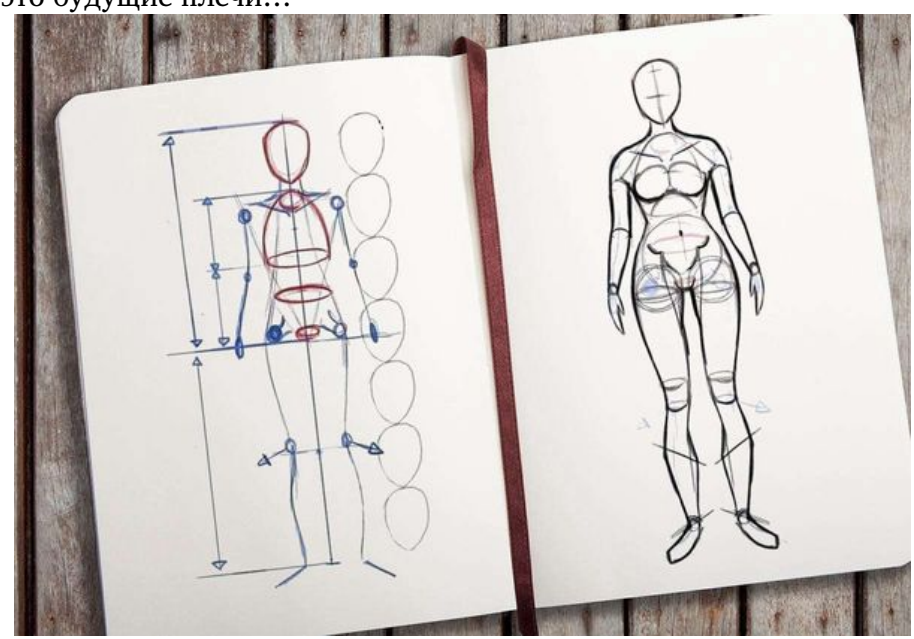
От ужина отказался. Не столько потому, что не голодный, сколько не чувствую в себе сил дойти до сортира. Не просить же мать Калидии меня отнести? Пусть будет лечебное голодание.

Ближе к ночи пришла Нагма, показать мой портрет. Вышло не очень похоже, видно, что людей она рисовала мало и не знает простейших приёмов — всех этих эллипсов и прямоугольников, которым учат на курсах для начинающих.

— Так, стрекозявка, — сказал я, — тащи карандаш и блокнот, садись рядом.

Разулась, запрыгнула, сгребла подушки, которые Алька, кажется, стащила ко мне в кровать со всего этажа, свила из них гнездо и устроилась.

— Итак, смотри: сначала рисуем прямую линию. Разбиваем её на одинаковые отрезки. Один — голова, два — грудь… Заполняем их пока вот такими овалами. Тут рисуем планочку — это будущие плечи…



Слушает, кивает, глаза горят. Её — горят, мои — болят. Анахита где-то раздобыла местных масляных светильников, один стоит на тумбочке у кровати. Девочка при таких выросла, ей светло, а мне этот тусклый мерцающий свет перенапрягает остатки зрения. Ко всему тому, что у меня уже болит, добавится

голова. Но ещё немного потерплю.

— Теперь соединяем эти точки линиями. Что у нас получилось?

— Человечек! — радостно подпрыгивает Нагма, кидается меня обнимать и отпрыгивает, когда я начинаю шипеть от боли.

— Прости, дедушка Док! Я забыла, что ты раненый! Ты скоро умрёшь, да?

— Не знаю. Но если да, то можешь забрать себе набор для рисования.

— Я, конечно, заберу. Но ты лучше не умирай пока, ладно? Поучи меня ещё немного. Читать, считать и рисовать.

— Ладно, уговорила, мелочь зеленоглазая. Поживу немножко для тебя.

— Спасибо, дедушка Док. Я тут у тебя посижу, мама сказала, присмотреть за тобой, пока ты не умер. Если что-то надо будет — ты скажи, я принесу, — сказала она, устроилась в подушках поудобнее и немедленно заснула.

А вот я полночи ворочался, пытаясь найти позу, при которой не так сильно болит, и слушал сольный концерт Багхи. Вокал у него завидный, аж очко ёкает.

Потом усталость победила боль, и я вырубился.

* * *

Вчера мне казалось, что у меня всё болит. Я ошибся. Всё болит у меня сегодня. Ощущение такое, как будто, если я двину рукой или ногой, то они отвалятся нахрен.

Не отвалились, конечно, но удовольствие ниже плинтуса.

С утра меня навестила Калидия. Девица худа, как кощеева племянница, но уже самоходна. Очевидно, идёт на поправку, что радует. Было бы обидно просрать пятнадцать-двадцать биологических лет впустую. Благодарности я за это не получил, да и не ждал — просто визит вежливости. С мягким, ненавязчивым забрасыванием удочек — мол, не мог бы я как-то ускорить процесс выздоровления своим несравненным искусством. Интересно, как она это себе представляет? Я такой сажусь, рисую портрет Кустодиев-стайл, и у неё тут же щёки шире ушей?

Объяснил, что это так не работает, и вообще я не в форме. Обращайтесь по этому вопросу на кухню, там Анахита делает отличный плов. Пара недель пловотерапии — и сама себя в зеркале не узнаешь.

Калидия распрощалась вежливо, но сухо, видать, ожидала

большего. Перетопчется.

Она уплаченной мной цены не знает. Будучи референсом процесса, девушка максимум смутно ощущает, что я как-то изменился, но и это ей неинтересно. Я в её жизненной драме персонаж третьего плана, почти массовка. И без меня сплошные страсти — блудная дочь владетеля, у которой мать с заглушкой, любовница, смотрящая на неё глазками оленёнка Бэмби, эпическая битва, не менее эпический её просёр, внезапное спасение — хоть сейчас сериал снимай. Не до меня ей, в общем.

Так и я не ради её «спасибо» старался. Сделал, потому что мог, вот и всё. Цену мне заранее не озвучивали, и слава Аллаху милосердному. Не хотел бы я стоять перед таким выбором сознательно — тут что ни выберешь, всё равно дурак. А вот так, «получите-распишитесь» — вроде и не очень обидно. Если бы ещё не болело так…

Потом пришла Анахита и сделала мне на грудь давящую повязку, обмотав, как мумию, лентами ткани, нарезанными из простыней. С этим корсетом я уже смог кое-как встать, хотя шнуровала ботинки мне Нагма. Отрабатывает будущее наследство — сумку с рисовальными принадлежностями.

Шучу. Она хорошая девочка, и ей меня просто жалко. Это я не привык, что до меня кому-то есть дело.

Двигаться больно, но мне теперь всегда что-то больно, или, как минимум, дискомфортно. Это просто сраный возраст. Зато, когда на тропе показался трёхословый сервис доставки еды, я смог его встретить за воротами. До последней минуты буквально висел на стальных руках матери Калидии, но вышел бодрым шагом, как будто ничего и не было. Лицо закрыто платком и очками, то, что я стою на одной силе воли, не видно. Тот, кто хочет полюбоваться последствиями выстрела, будет неприятно удивлён.

Хайрулла ест меня глазами, но молчит. Я молчу тоже. Погонщики сопят, переглядываются. Сгрузили мешки, развернули недовольных долгой прогулкой ослов, и только тогда я сказал:

— За выстрел по замку владетелей вы лишены приготовленных вам даров. Повторная попытка будет жестоко наказана.

— Какой выстрел! — подпрыгнул от неожиданности помощник муллы. — Мы не знаем ни про какой выстрел!

— Я сказал, вы услышали, — заявил я веско, старательно удерживая ровный голос, хотя от боли уже темнеет в глазах. — Уходите.

Выстоял мучительные несколько минут, пока они удалялись, деревянными шагами ушёл за ворота, упал на руки Бераны. До кровати меня уже отнесли.

Ловко мы сэкономили на подарках!

— Ты не имел права их отпустить! — заявила Калидия. — Я требую, чтобы они были наказаны! Это не просто выстрел в тебя, это покушение на авторитет владетелей!

— Требуешь? — удивился я. — От кого?

Я лежу в кровати и дышу через раз, а она, вишь ты, требует. И когда мы перешли на «ты»? Не вовремя её разобрало владетельскими амбициями.

— Я представляю здесь дом владетеля Креона и имею право…

— А возможность? — перебил я.

— Что?

— Право ты имеешь. А возможность? Как ты себе это представляешь? Как их наказать?

— Ты должен был убить их.

— Погонщиков ослов? Отличная идея. Допустим, я их убил. После этого нам больше не видать продуктов, потому что заставить их мы не можем. Наш авторитет держится на смутных

воспоминаниях о том, что владетели крутые. Я сжал жопу в кулак и изобразил неуязвимого, но, если бы я их грохнул, рассказать об этом было бы некому. Пойми, если они решат от нас избавиться, мы ничего не сможем им противопоставить. У нас один автомат, один пистолет и один человек, который умеет стрелять. И этот человек не в лучшей форме. У нас даже патронов меньше, чем в кыштаке жителей.

— Ты не понимаешь, — сказала она презрительно. — Но я не сержусь. Откуда тебе понимать, ты не владетель. Любое покушение на собственность владетеля должно быть немедленно, жестоко и неотвратимо наказано. Исключений не бывает, иначе власть ничтожна.

— Калидия, — сказал я устало. — Я не собственность владетелей.

— Что?

— Что слышала. Я тебе не слуга, не наёмный работник, не член дома Креона. Ты не можешь мне ничего приказать, и покушение на меня — не покушение на имущество владетелей. Поэтому иди лучше плова покушай, а то Алька об твои мослы, небось, синяки набила.

— Это возмутительно! — вспыхнула Калидия. — Вы не можете так со мной разговаривать!

О, вот мы снова на «вы». Где-то в башке встала на место соскочившая планочка.

— Мне нужна моя оболочка!

— Если попробуешь повторить свои ратные подвиги, то снова умрёшь. Ты ещё слишком слаба, оболочка сожрёт тебя.

— Что значит «снова»? Я жива! И вы не можете мне указывать!

— Ничего не значит. И да, не могу. Это просто медицинский совет. Хочешь напялить оболочку и сдохнуть от истощения — вперёд.

— Она перешла в режим споры, чтобы её активировать, нужно много крови.

— Прости, свою я не дам. Да и ничью другую тоже.

— Местные жители — скотоводы. Пусть приведут нам каких-нибудь животных!

— Ты же только что хотела показательно расстрелять аборигенов? Вряд ли это сподвигнет их на поставки скота.

— Вы не умеете мыслить, как владетель. Местные должны быть наказаны! Такова воля дома Креона!

Её мать, стоящая у двери, развернулась и вышла, Калидия последовала её примеру. Всё, разговор окончен. Воля, значит, дома. Ну, офигеть теперь. А он вообще есть, дом этот? Или

состоит из одной заносчивой, хамоватой, потерявшей берега девчонки? Отдаю должное её упорству, но игнорирование реальности ещё никого до добра не доводило. Хотя, погодите — это и есть «не уметь мыслить, как владетель». Владетель должен повелеть — и всё исполнится. Как именно — не его проблема.

— Простите Кали, — попросила Алиана. — Она просто очень расстроена… Всем вот этим.

— Я тоже не в восторге. От всего вот этого и ещё многих вещей, — согласился я. — Но я никому не предъявляю за это претензий. Говно случается.

— Кали очень испугалась, когда вас подстрелили, а когда она пугается, то начинает злиться. Она хочет наказать местных за то, что они вас чуть не убили, потому что ей не всё равно. Просто она дочь владетеля и иначе не умеет. Она на самом деле хорошая!

Ага, убеждай себя в этом, девочка, убеждай. Калидия, может, и хорошая, но воспитание с себя не стащишь, как грязные трусы. Сейчас она злится на меня, а если меня рядом не окажется? Готова ты стать громоотводом для недовольной жизнью дочери владетеля? А поводов для недовольства жизнь предоставит, будь уверена.

Впрочем, это пустые размышления. Молодые девушки не нуждаются в нудных советах всякого старичья, они должны наступить на все грабли лично.

Нагма предложила принести мне обед в комнату, но я упрямо поднялся и поковылял на кухню. В моём сраном возрасте нельзя укладываться в постель надолго, можно уже не встать. Плов оказался как всегда великолепен — мне бы лет сорок сбросить, и посватался бы к Анахите ради одного только плова. И немножко ради Нагмы.

Стоять у стены с мелом сил в себе не нашёл. Уселись с ребёнком в кровати, я взял блокнот. Бумаги, конечно, жалко, но несколько циклов «карандаш-ластик-карандаш» картонная обложка выдержит.

— Ну что, мелочь поскакучая, продолжим? Жила, значит, была девочка. На завтрак она ела… что?

— Сыр! Кашу! Катык! Лепёху! Чай! Малако!

— Молоко через два «О». Переходим к обеду…

Потом учил рисовать, потом ужин, после ужина — арифметика. Анахита на нас не нарадуется, а мне всё равно заняться нечем. Доступная физическая активность — максимум до сортира доковылять.

Берана (не сразу, но я всё же запомнил, как зовут мать Калидии) отлично выполняет роль насосного привода, так что Анахита приготовила мне ванну. Размотав импровизированные

бинты, обнаружил роскошный синячище в полгруди. Осторожно пропальпировав, поставил себе диагноз «неосложнённый перелом третьего, четвёртого и, возможно, пятого ребра в боковой поверхности левой части грудины». Отчётливо пальпируется костная крепитация, подкожной эмфиземы не прощупываю. Пневмоторакс и гемоторакс отсутствуют, но бывает, что они развиваются не сразу. В моём сраном возрасте весьма возможна посттравматическая пневмония, и если она будет, то мне кабздец. Поэтому заматывать обратно тряпками не буду, они способствуют поверхностному дыханию, а от него и до застойной пневмонии полплевка. Лучше потерпеть боль и стараться дышать глубже. Не помешал бы рентген, но где ж его взять. Учитывая старческую хрупкость костей, могло быть хуже.

Прописываю себе воздерживаться от физических нагрузок, спать полусидя, по возможности не подставляться больше под пули. Три-четыре недели нормальное заживление, затем можно ловить в броник снова.

Этой ночью Багха не орал, и я даже умудрился выспаться.

* * *

Утром примчалась Анахита и, выпучив свои большие зелёные глаза, ошарашила сообщением, что к нам прётся целая делегация местных. Я решил, что нас будут брать штурмом, вооружился, нацепил броник и вылез на стену — на этот раз осторожно, прикрываясь парапетом. Посмотрел в монокуляр — идут человек пятнадцать, за ними аж пять ослов. Все, включая ослов, безоружны, здешние мушкеты в поклаже не спрячешь.

Встретил их за воротами, остановил жестом.

— Чего надо, правоверные?

Аборигены дружно повалились на колени, уперевшись тюрбанами в дорожную пыль.

— Неплохое начало, — признал я. — Всегда бы так. А надо-то чего?

Один из них, кряхтя, встал — оказалось, это старейшина Абдулбаки. Он сделал несколько шагов вперёд и склонился в глубоком поклоне. У меня аж поясница заболела на него смотреть.

— Отзови Багху, владетель!

— Багху, значит, — я стараюсь не выдать голосом удивления. — Отозвать, значит. А зачем?

— Он уже убил достаточно!

— Достаточно — это сколько?

— Ацак. Брат Ацака. Отец Ацака. Мать Ацака. Сестра матери Ацака. Жена Ацака. Вторая жена Ацака. Третья жена Ацака. Сестра жены Ацака. Старший сын Ацака. Второй сын Ацака. Третий сын Ацака…

— Хватит перечислять. Сколько всего? — надеюсь, мой голос не дрогнул и остался суров, хотя, по правде говоря, мне стало сильно не по себе.

— Всех, кто был в доме их семьи. Мы не можем точно сосчитать, очень много частей — руки, ноги… Может быть, кто-то пас овец в горах. Или Багха убил и их? Мы не знаем…

Нихрена себе. Калидия может быть довольна — мои рёбра знатно отомщены. Понять бы ещё почему.

— Отзови Багху, владетель! Хайрулла боится, что следующей ночью Багха придёт за ним. Он признался, что уговорил Ацака стрелять в тебя, сказал ему, что так мулла велел. Он неправду сказал, касам хурам, мулла даже не знал! Убей Хайруллу, если хочешь, но не убивай муллу! Никто больше не умеет читать Коран… Хайрулла, этот сын осла, этот бараний помёт, говорил, что вы не владетели, а просто люди, занявшие замок! Он говорил,

что вас надо убить и забрать все вещи! Но, если бы вы не были владетелями, то Багха не защищал бы вас! И ты был бы мёртвый, ведь Ацак стрелял в тебя, а он не промахивается!

— И где Хайрулла? — спросил я, оглядев делегацию. Она продолжает радовать небеса видом своих задниц, упираясь тюрбанами в землю, но жопы Хайруллы среди них, вроде, нет.

— Этот пёсий сын! Эта задница ишака! Мы привязали его к столбу, чтобы побить камнями за такие слова, но он отвязался и убежал в горы! И его семья!

— Тоже отвязалась?

— Нет, убежали с ним в горы! Не присылай за ним Багху в кыштак, его там нет! Мы не знаем, где он!

Ну да, верю. Сам отвязался и сам убежал. С семьёй, в которой по местному укладу человек двадцать и, готов поспорить, со всем имуществом, включая какую-нибудь баранью отару голов на триста. В стеллс-режиме, никто вообще не заметил. Очень правдоподобно, очень.

— Мы принесли тебе богатые дары, владетель! Склони свой взгляд к поклаже этих ослов и не обращай на нас свой гнев! Неразумный Ацак понёс наказание, неразумный Хайрулла бежал и не вернётся!

Ух ты, как заговорил, прям «Тысяча и одна ночь». «Не будет ли любезен многоуважаемый джинн…» А не будет. Он понятия не имеет, как отозвать этого Багху.

— Я обдумаю вашу судьбу, — сказал я важно. — А теперь, так и быть, оставляйте дары и проваливайте.

— Это не все дары, не все! — засуетился Абдулбаки. — Мы пригоним вам овец, коз пригоним!

Стоять мне уже совсем больно, но я дождался, пока они разгрузят свои транспортные средства и пинками направят их обратно в горы. В кровать меня снова пришлось нести.

* * *

Когда все собрались у моего одра, я спросил:

— Кто-нибудь понимает, что происходит?

— Они наказаны по заслугам, — строго сказала Калидия.

Дочь владетеля довольна, всё вышло по её, по-владетельски. По щучьему велению и по её хотению.

— Допустим, — согласился я. — Хотя мне трудно признать равноценным ответом на три сломанных ребра убийство пары десятков женщин и детей. Да-да, я не умею думать, как владетель, и рад этому. Вопрос в другом — всё уже закончилось,

или Багха продолжит геноцидить нашу кормовую базу?

— Я не знаю, — отмахнулась равнодушно Калидия. — Какая разница?

— Разница в том, что мне нравится плов, но я не хочу пасти баранов. Это доступный тебе аргумент, прынцесса? То, что тебе плевать на женщин и детей, я уже понял.

— Они начали первыми. Отец бы уже зачистил посёлок вместе с домашней скотиной, а затем заселил его кем-то, кто соблюдает клятвы.

— Однажды он так уже сделал, — вздохнула Анахита. — Но клятвы со временем забываются.

— Мне не нравится, что всех убьют! — возмутилась Нагма. — Это неправильно!

— Кали, мне кажется, ты не права, — мягко сказала Алиана. — Ты же сама не любишь вот это, владетельское, в себе.

Наивная девочка. Это она в отце владетельское не любит, а сама тут же пальцы растопырила.

— Ладно, — нехотя признала Калидия, — наверное, дальнейшее насилие действительно будет излишним. Но я не знаю, как его прекратить. Не могу же я выйти на стену и орать: «Багха, перестань!»

— Зачем же на стену, — сказал я. Скажи тут. Буквально следующее: «Приказываю прекратить преследование местных жителей».

— Вы серьёзно?

— Более чем. Скажи это прямо сейчас, громко, вслух, с выражением.

— Приказываю прекратить преследование местных жителей, — послушно завила она. — Но это глупо. Вряд ли Багха меня услышит.

Хлопнула дверь — Берана вышла в коридор. За ней потянулись остальные.

— Нагма, подожди.

— Что, дедушка Док?

— Проследи за Бераной, пожалуйста. Посмотри, куда она пошла и что будет делать. Расскажешь потом мне, и только мне. Сможешь?

— Конечно!

Девочка выскочила в коридор и унеслась, топоча сандалиями. Шпион из неё так себе, но я надеюсь, что киберженщине это безразлично. А меня, например, давно интересует один вопрос: Анахита узнала о «возвращении владетелей», потому что над башней замка поднялся вымпел дома Креона. Я этот вымпел не поднимал и понятия не имел, что он есть. Калидия лежала чуть

живая, Алька бегала вокруг неё и кудахтала. Кто остаётся? Вот то-то и оно.

Нагма вернулась минут через пятнадцать, и вид имеет смущённый.

— Рассказывай.

— Я пошла за этой женщиной.

— Бераной.

— За ней, да. Я кралась осторожно, как охотник на горных коз! Она не смотрела назад, просто шла.

— Куда?

— В кухню, потом в подвал, потом по коридору в подвале.

— А потом?

— А потом там очень темно. Совсем. Она идёт, как будто видит, а я ничего не вижу! Совсем!

— Испугалась?

— Да, немного. Я быстро-быстро побежала на кухню, быстро-быстро взяла лампу, быстро-быстро побежала обратно — а её там нет! Коридор кончился, а её нет! И двери нет! Ничего нет! Я не знаю, куда она делась, дедушка Док. Это, наверное, колдунство какое-то.

— Очень может быть, — согласился я. — Ничего, разберёмся и с колдунством. А теперь пора учиться!

— Писать, считать, или рисовать?

— Ни то, ни то и ни то. Сейчас у нас будет урок литературы.

— Это про книги? — проявила завидную для девочки из кыштака эрудицию Нагма.

— Именно, поскакуха.

— Но у нас же нет книг!

— Поэтому я буду читать тебе стихи по памяти, а ты слушай и запоминай. Будешь учить.

— Хорошо! — девочка залезла на кровать и уселась, поджав ноги.

— У Лукоморья дуб зелёный…

— А что такое «луком море»?

— Лукоморье. Такое место.

— А дуб?

— Такое дерево. Итак… У Лукоморья дуб зелёный, златая цепь на дубе том…

— Что значит «златая»?

— Из золота. Такой металл, жёлтый и мягкий.

— Тогда почему из него цепь, если мягкий?

— Потому что красиво. Слушай дальше. И днём и ночью кот учёный…

— А кто такой кот? Он как мулла, раз учёный?

— Мда, вижу, с литературой у нас будет больше проблем, чем я ожидал…

Глава 5. Пушки детям не игрушки

Не выспался. Тушка болит как проклятая, а Багха выл всю ночь как нанятый. Может, переел аборигенов, и у него живот прихватило? Они на вид довольно антисанитарные.

Если бы не Нагма, взявшая на себя шефство над стариком, пришлось бы переходить на местные шлёпанцы. Носки натянуть, шипя и ругаясь, ещё туда-сюда, но зашнуровать берцы — нереально. Прямо чувствую, как сломы рёберных костей друг об друга трутся. Отвратительное ощущение. Но признаков застойной пневмонии нет, сердце не болит, буду утешаться этим. А рёбра заживут.

— Спасибо, мелкая. Что там Берана? Объявилась?

— В ванной, воду качает. Она странная, да, дедушка Док?

— Страннее некуда, — согласился я. — Приглядывай за ней, ладно?

— Хорошо, дедушка Док!

После завтрака попытался наладить контакт с Бераной через Калидию — не вышло. Даже на прямой приказ: «Отведи нас туда, куда ты вчера ходила в подвале», — киберженщина не отреагировала.

— Я не знаю, как именно она киборгизирована, — призналась Калидия. — Если отключить ментальный разделитель, то она забудет всё, что случилось после его установки. Но это не значит, что она не располагает какой-то важной информацией сейчас. Наоборот, отец мог использовать её именно в качестве самоходного «архива». Пока она под «заглушкой», ничего не выдаст. А если заглушку снять — то ничего не вспомнит. Так что она вполне может что-то знать о замке.

— Например, о тайных ходах и скрытых помещениях, — задумчиво сказал я.

Мы явно видим не весь замок. Даже без замеров несложно заметить, что есть внутренние объёмы, нам недоступные. Например, наружные стены — как я их ни осматривал, ничего похожего на вход не нашёл. А ведь он есть. Люки на машикулях явно открываются изнутри, значит, в это «внутри» можно как-то попасть.

— Мама ничего мне не скажет, — напомнила Калидия. — Нужен условный код, ключевое слово, фраза, изображение… Не знаю, слишком много вариантов. Она слушается меня ограниченно. Как представителя дома, а не приоритетного пользователя. Это отец оставил себе.

— Тяжело видеть её такой?

— Ужасно. Иногда хочется, чтобы её не было. Чтобы отец действительно убил её, а не превратил в мебель. Я злюсь на неё так, как будто она в этом виновата, и злюсь на себя, за то, что

злюсь на неё… Глупо.

— Ты человек, и реагируешь, как человек. Это нормально. В нас полно нерационального.

— Я владетель, и должна себя контролировать. От владетелей зависят другие люди, они не могут себе позволить эмоциональных решений, — заявила девушка решительно.

— Знаешь, именно сейчас от тебя не зависит ровно нифига. Здесь ни одного твоего подданного или подчинённого. Пользуйся случаем — расслабься и просто живи.

— Ты не умеешь думать, как владетель! — резко оборвала меня Калидия.

И слава Ктулху. Я бы этот процесс вообще «думаньем» не назвал. Обойма поведенческих паттернов, обязательных к исполнению по поводу и без. Однажды эти грабли обязательно прилетят ей в башку.

* * *

Аборигены явились ближе к обеду. Я ждал раньше, но их, похоже, задержала отара, которую они гонят с собой. Анахита сказала, что это очень круто, потому что нет для горца ничего ценнее овец. Это мясо, шерсть, шкура и утешение в отсутствие женщин. Фубля. Аллах, по слухам, не одобряет, и я его понимаю.

— Благодарим тебя, о владетель, что отозвал Багху! — заявил Абдулбаки.

Так вот чего котик ночью так орал — обиделся. Протест перед закрытым холодильником.

— Прими от нас в дар это скромное стадо…

На мой взгляд оно не очень скромное, голов на тридцать. Засрут весь двор к чертям. Пасти их опять же надо… Но отказываться не стал. Не поймут.

Пастухи уже нацелились в ворота, но я остановил их жестом.

— Никто не войдёт в замок. Оставляйте этот ходячий шашлык и проваливайте.

— Но, владетель…

— Никаких «но». Иначе демоны, которых мы там держим, разорвут вас в клочья.

Что-то, мне кажется, не очень он поверил в демонов. Абдулбаки дураком не выглядит. Но это его проблемы. Сказано «демоны» — значит, «демоны». Проверять, поди, не рискнёт.

— О владетель! — голос старейшины помедовел так, что в ушах стало липко. — Осмелюсь ли я спросить…

— Попробуй.

— Ты в прошлый раз говорил о дарах…

— Вы, конечно, недостойны даров, поскольку по неразумию своему покушались на мою жизнь…

Абдулбаки завздыхал, заломил ручки, закатил глазки и изобразил полнейшее глубочайшее раскаяние. Ребра от этого меньше болеть не стали, но мы с утра посовещались с Анахитой, и она убедила меня, что кроме кнута нужен пряник. Если просто пугать их Багхой, они в конце концов устанут бояться и непременно какую-нибудь пакость придумают. Например, еду отравят. А к взаимовыгодным отношениям подход уже совсем другой будет.

— Но, снисходя к тому, что ваша попытка убить меня обычной пулей просто смешна, мы решили выделить вам часть

приготовленных даров. Если же ваше поведение впредь будет достойным, то получите остальное.

Берану мы нарядили в местный женский комплект, замотав платком по самое некуда. Она вынесла мешок, поставила перед Абдулбаки и удалилась.

В основном там посуда, медная и стеклянная — Анахита заверила, что в горах это большая ценность, потому что в металлы в большом дефиците, а стекло вообще не умеют.

Старейшина, поклонился, взял мешок, попытался поднять…

— Ох, сильны ваши женщины, владетель! — пробормотал он поражённо.

На то был и расчёт. Я бы и со здоровыми рёбрами такое поднять усрался, там добрый центнер. А Беране хоть бы что, напихал ей Креон силовых имплантов. В грузчики, что ли, готовил? В общем, ещё один повод для местных призадуматься — если у нас бабы такие, то каковы же мужики? Старый добрый блеф — плюс пять к харизме.

Аборигены сгрузили с ослов еду, нагрузили дары. Жратвы у нас уже полно, хорошо хоть местные продукты не из числа скоропортящихся. Кроме молока — но его всё выдувает пристрастившаяся Калидия. Понравилось ей, поди ж ты. Молочная диета идёт девушке на пользу, уже на живого человека стала похожа, а не на поднятый некромантом скелет.

— Глубокоуважаемый владетель, — решился вдруг Абдулбаки, — странные люди появились в горах. В одном кыштаке их видели, в другом…

— И что в них странного?

— Одеты как вы, ружьё как у вас, говорят странно. Спрашивают про замок владетелей — где он, и живёт ли в нём кто. Чужаков тут не любят, но кто-то что-то да расскажет им.

— И что?

— Не знаю. Вдруг глубокоуважаемому владетелю интересно?

— Интересно, — признал я. — Если придут к вам — пришли кого-нибудь, получишь награду.

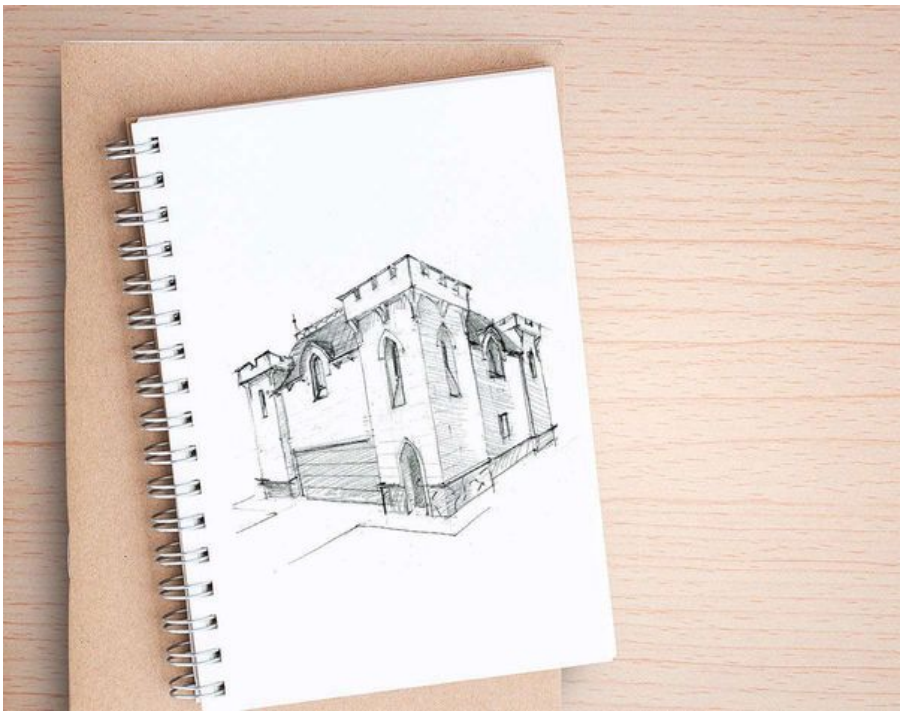
Вот не было печали — кого ещё на нашу голову принесло?

* * *

На этот раз я ушёл своими ногами, нести не пришлось. И даже не на кровать упал — уселись с Нагмой на стене, свесили ноги вовнутрь и смотрим, как её мать загоняет в ворота отару. Двор сразу перестал казаться большим.

У нас урок рисования — девочка рисует, я поправляю. Она,

несомненно, меня талантливее — это, в общем, несложно, — но опыт и техника тоже кое-что значат. Есть чем поделиться. Сегодня работаем над перспективой в архитектуре на примере центрального здания. Это как раз тот случай, где одним талантом не обойтись, нужно понимать, как строится эта самая перспектива, чтобы стены на рисунке друг на друга не валились. Нам бы бумаги пачку-другую, чтобы ребёнок мог тренироваться вволю, но чего нет — того негде взять. Уже два листа в скетчбуке резинкой истёрла, а всё равно криво выходит. Ластиков, кстати, тоже не вагон.



— Дедушка Док, — спрашивает старательно сопящая рисовательница, — а почему у тебя детей нету?

— Не обзавёлся, любопытный нос.

— У тебя что, не было жены? Калым не собрал?

— Была жена.

— Как же так? Жена была, а детей не было?

— Так бывает. Не могла она иметь детей.

— Тогда зачем ты с ней жил?

— Любил очень.

— Так завёл бы ещё одну! — удивилась, что мне не пришло в голову такое очевидное решение, Нагма. — Эту бы любил, а от второй дети.

— Эка у тебя всё просто, — улыбнулся я. — Вот ты бы пошла второй женой?

— К тебе? Нет, ты старый.

— Не ко мне, вообще. Не было бы обидно, что любят другую, а ты для детей и вообще по хозяйству?

— Не знаю, — она задумалась и даже отложила карандаш. — Все так живут. Одна жена — любимая, остальные — овец пасти, детей рожать, еду готовить. Даже если будешь сначала любимая, то потом постареешь, любимой станет новая, молодая.

— Не все так живут. Я так не жил. У меня одна жена была, я её любил до самой её смерти, и до сих пор люблю. И ты, когда вырастешь, сможешь найти себе мужчину, который будет любить только тебя, одну, всю жизнь.

— Это ты, дедушка Док, сказку рассказываешь, да?

— Нет, Нагма. Не сказку. Не везде живут, как здесь. Есть много разных миров, в них всё по-другому.

— Э… — махнула она перепачканной графитом рукой и снова взялась за карандаш. — Где те миры…

Не убедил.

— Дедушка Док, а твоя жена умерла, да?

— Умерла.

— А почему? Тоже старая была, как ты?

— Нет, заболела сильно.

— И ты не смог вылечить? Ты же дохтур.

— Доктор, а не «дохтур». Нет, не смог. Не всех можно вылечить.

— Тебе жалко было, что она умерла? Ты плакал?

— Жалко. И немножко плакал, да.

— Ничего, ты старый, тоже скоро умрёшь, попадёшь в рай и там её встретишь. В Коране сказано, что муж после смерти встретится с женой и будет ей доволен, даже если при жизни они ругались. Так мулла говорил.

— А ты подслушивала, — угадал я.

— А я подслушивала, ага. Он громко говорит, легко подслушивать.

— А если я не попаду в рай?

— Чего это не попадёшь? — поразилась девочка. — Ты же хороший. Меня учишь, маму не обзываешь, женщину странную не обижаешь, даже худую-вредную, и то терпишь. Я бы её уже стукнула, а ты даже не ругаешь!

— Ну, спасибо, — улыбнулся я. — Рад, что ты в меня веришь, жаль, что ты не Аллах.

— Не надо так говорить, — сказала она серьёзно. — Аллах милосердный. Он всем помогает.

У меня было что сказать по этому поводу, но я, разумеется, не стал.

* * *

После обеда прилёг, надеясь поспать, — да где там. Истошное блеяние глухого разбудит. Вышел из комнаты и столкнулся с Бераной — она целеустремлённо и безмятежно несёт по коридору овцу. За шкирку, на вытянутых руках, как обосратого котика.

— Куда ты тащишь несчастное животное? — спросил я, но ответа не получил.

Киберженщина невозмутимо отодвинула меня плечом и внесла будущий шашлык в ванную.

— Ты что, купать её собралась? Нахрена?

Не угадал. В ванной её ждёт Калидия с мечом, а в самой ванне лежит похожий на муравьиное яйцо кокон оболочки.

Овца заблеяла, засучила ногами — но решительная девушка одним движением клинка перерезала ей горло.

— Повыше держи, пусть вся стечёт! — сказала она деловито.

Жаль, Алиана её сейчас не видит. Впрочем, она своей любимой Кали что угодно простит. Даже если бы в руках Бераны сейчас висел с перерезанной глоткой я, и то придумала бы, почему Калидия не виновата.

Овца обмякла, кровь течёт.

— Какого чёрта вы тут бойню устроили? — спросил я недовольно. — Другого места не нашлось?

— Нам нужна большая ёмкость, другой такой нет.

— Вообще-то все в этой ёмкости моются!

— Это важнее. Скажешь потом своим женщинам, почистят.

— Моим женщинам? — начал закипать я. — Каким, нахер, «моим»?

— Альке, дикаркам этим. Есть кому ванну помыть, отстань.

— А ты, значит, ручки пачкать не будешь, прынцесса?

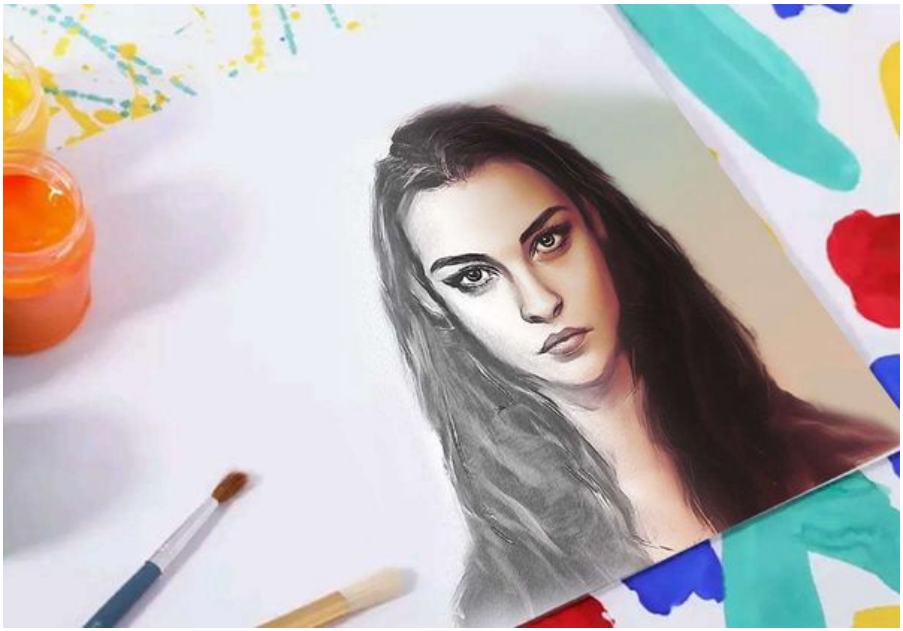
— Берана, этот весь вытек, неси следующего.

Женщина бросила мёртвую овцу на пол, развернулась и молча вышла.

— Бараний морг у нас тоже будет здесь?

— Что ты ко мне прицепился? — о, мы опять на «ты». — Пусть твоя горская баба разделает их на плов, она, небось, умеет.

Я совершил нечеловеческое усилие и не озвучил первые несколько пришедших в голову реплик. И несколько следующих тоже.



Вдохнул, выдохнул, поморщившись от боли в рёбрах, и спросил спокойно:

— Калидия, что тебя так сильно напугало?

— Что ты себе позволяешь! — возмутилась девушка, утвердив меня в мысли, что я прав.

— Ты хамишь, когда злишься, а злишься, когда пугаешься. Защитная реакция. Поэтому я повторяю вопрос — что тебя так напугало.

— Нас ищут, я слышала. Это пришли за мной. Дома владетелей не успокоятся, пока не будет убит последний из дома Креона.

— Разве у владетелей есть проводники?

— У владетелей есть деньги.

Я подумал, что «странные люди, одетые как я», вполне могут быть наёмниками. Может быть, даже теми самыми, которые нас раскатали в резиденции Креона. Проводник у них точно есть, а значит, вопрос только времени, денег и упорства.

— Поймите, активировать оболочку — наш единственный шанс! — снова на «вы», значит, немного успокоилась. — Вы не сможете нас защитить! И мама не сможет — силовые импланты не делают её боевым кибером. А я — смогу!

— Очень сомневаюсь. В одиночку ты ничего не сделаешь. Наёмники просто расстреляют тебя из подствольников, никакая оболочка не спасёт. А если они будут не одни? Наверняка дома пришлют своих бойцов хотя бы для того, чтобы убедиться, что все концы зачищены.

«А может, и зачистить их окончательно, ликвидировав самих наёмников», — подумал я, но говорить не стал. Нам в любом случае будет уже безразлично.

— Мне нужна моя оболочка! Очень прошу, не мешайте мне!

Берана притащила очередную овцу и теперь стоит, молча ожидая команды. Я обратил внимание, что крови в ванне уже нет — вся впиталась в кокон.

— Я не буду тебе мешать, — сказал я. — Но. Ты всё уберёшь за собой. Ты, не Анахита, не Нагма, не Алиана. Поняла?

— Ладно, — сказала она нехотя, — сделаю. Почему я вообще вас слушаю? Берана, давай сюда эту тварь!

Овца забилась, блеснул меч, потекла кровь.

Рука у девушки твёрдая, и решимости хоть отбавляй, но почётный кубок «Лучший командный игрок» ей не светит. Не в этом сезоне.

* * *

— Боже, меня чуть не стошнило! — жалуется Алиана. — Что они устроили в ванной?

— Воспользуйся ванной на втором этаже.

— Всё это выглядит ритуалом вызова Дьявола.

— Иблиса. Он тут региональный представитель инферно. И Калидия обещала всё убрать.

— Ага, она уже велела мне начинать уборку.

— Велела?

— Ну, ты знаешь, как это у неё бывает…

— Знаю. Надеюсь, ты не согласилась?

— Ещё чего, — отмахнулась девушка. — Я не подниму дохлого барана.

— И не вздумай. Воспитывать её — не моё дело, но мы в одной лодке, так что грести придётся всем.

— Она на меня обиделась.

— Ты хочешь сказать — разозлилась?

— Ну, да. Взбесилась — будет точнее. Мне на секунду показалось, что сейчас она и мне горло перережет, а кровь сольёт в ванну, — Алька нервно передёрнула плечами.

— Имей в виду, она действительно может это сделать. Не в этом конкретном случае, но, если встанет выбор между её «долгом» и тобой, даже не сомневайся, что она выберет.

— Я знаю, — вздохнула Алиана. — Но я не знаю, что мне делать. Я её люблю, но она бывает невыносима.

— Я хреновый консультант в вопросах любви, — признался я.

— Я всю жизнь любил одну женщину, но, даже женившись на ней, не добился взаимности. Единственное, что могу посоветовать, — устанавливай границы и не давай их сдвигать. Умей сказать «нет» и умей сказать «но».

— В смысле?

— В смысле «я тебя люблю, но нет». Если ты удержишь границу, она взбесится. Но если нет — будет презирать. Злость проходит, презрение — навсегда.

— Я обдумаю это, — сказала Алиана мрачно. — Но почему она такая жопа?

— Ты же видела её папашу. Иногда лучше быть сиротой.

— Не лучше, — буркнула она. — Но я поняла, о чём вы. Как вы думаете, она изменится?

— Не очень намного, и только если ты ей поможешь. В том числе тем, что не дашь сделать из тебя прислугу. Превратить твои чувства в затычку в башке, как у Бераны. Заглушку для гордости, отсекающую критическое мышление. У неё не больше прав на тебя, чем у тебя на неё.

— Мне тяжело смотреть, как она обращается с Бераной, — вздохнула Алька. — Ну и что, что заглушка? Это же её мать! Она ей просто командует — подай, принеси, воды накачай… Как будто она её собственность! Мне от этого неприятно и неловко. Я бы так не смогла.

— Вот и смотри, чтобы незаметно не оказаться на её месте.

Разумеется, мои слова остаются просто словами. Единственное, что они дают, — право на «а я тебе говорил» по итогу. Сомнительная привилегия. Ничего, первая любовь — учебно-тренировочная. Может быть, она вспомнит мои нудные старческие нравоучения в следующий раз. Хотя, конечно, вряд ли.

* * *

— Дедушка Док! — ворвалась в комнату возбуждённая Нагма. — Дедушка Док! Там та-а-акое!

— Иду, иду, тараторка. Сейчас, встану только…

— И мы ещё вымогаем жратву с несчастных туземцев? — спросил я, оглядывая огромное помещение.

— Я просто сказала, что нам нужен холодильник, — пояснила Калидия. — Жалко же, столько мяса осталось. Она пошла вниз, и…

Ящики, контейнеры, стеллажи с коробками. Стальные закрытые шкафы. Большие ёмкости с непонятными маркировками. Пять цилиндрических хранилищ для оболочек —

пустых и сухих. Но главное — огромные морозильные камеры с прозрачными дверями, подёрнутыми по краям инеем. Там висят замороженные бараньи туши, разделанные и целые, круги местных сыров, даже упакованные в прозрачные пакеты лепёшки. И ещё огромная гора продуктов в заводской упаковке — явно завезённых извне.

— Я сниму шкуры, — деловито сказала Анахита. — Можно будет попросить Берану, чтобы она перенесла туши в ледник?

— Да, я прикажу ей… — рассеянно пообещала Калидия, разглядывая это богатство.

Меня же интересует не содержимое ящиков и шкафов — хотя, конечно, любопытно. Мне не даёт покоя мысль — от чего работают холодильники? Это до черта энергии — вон, и свет тут горит. Значит, где-то есть генератор? Или, не знаю, реактор какой-то? Похоже, в замке ещё полно сюрпризов.

Долго стоять на ногах мне тяжело, так что с оперативной обстановкой ознакомила Нагма, прибежавшая и уже привычно запрыгнувшая на кровать с блокнотом.

— Дедушка Док! Я твои картинки пораскрашивала, ничего?

— Покажи, балаболка.

Все мои карандашные наброски — Алька, Калидия, Змеямба, виды городов, интерьеры и натюрморты, — подверглись тщательной колоризации. Где цветными карандашами, где пастелью, но очень старательно. Удивительное дело — Нагма никак не могла знать, какие цвета были у оригиналов, но нигде ни разу не ошиблась. Вот как она угадала, что платье Алианы, в котором та пришла на наш первый лечебный сеанс, персиковое? А ведь даже отлив в беж передан точно.

— У тебя прекрасное чувство цвета, — похвалил я девочку. — Я так не смог бы.

— А хочешь, я тебя научу, дедушка Док? Ты меня учи рисовать линии, а я тебя — раскрашивать!

— Какая неожиданная идея, — рассмеялся я. — Но почему бы нет? Давай как-нибудь попробуем.

— Сейчас?

— При свете этой коптилки, — вздохнул я, — я цвета не различаю. Гемералопия, сиречь «куриная слепота». Наверное. Я не офтальмолог.

— Куриная! Ха-ха! Я сейчас! — Нагма спрыгнула с кровати и умчалась, топоча сандалиями.

Хорошо быть молодой и резвой.

Прискакала обратно, сияя, как светильник-шар в её руках.

— Вот, дедушка Док! Худая-вредная нашла в тайной комнате! Здесь включается, очень ярко светит, как солнышко. Это

колдунство такое, да?

— Нечто в этом роде. Называется «электричество». Ничего, привыкнешь.

— Тогда давай рисовать! Я рисую, ты раскрашиваешь!

— Договорились, зеленоглазка. Для начала — вон тот горшок на столе. Начни с контура, а я покажу, как штриховать тени.

Рисование не мешает ей болтать, и я узнаю, что, помимо какого-то чудовищного количества замороженной еды, на тайном складе обнаружились запасы одежды и обуви.

— Мама обещала подобрать мне кедики. Что такое «кедики», дедушка Док?

— Это как сандалии, только бегать удобнее.

Широкий набор бытовых предметов.

— Там такие жужжащие штуки, чтобы волос не было!

— Электробритвы?

— Да, мама так и сказала, и сразу забрала себе одну. Зачем ей, не знаешь?

— Думаю, без нас разберётся.

Медицинские препараты и инструменты.

— Мама сказала, что куча нужного, но ещё больше непонятного.

— Погляжу потом, дело хорошее.

А ещё, помимо всякого, нашли ящики с барахлом для аборигенов — стеклянная и металлическая посуда, отрезы ткани, пластиковые сандалии, стальные ножи в богатых ножнах, наборы приправ и сладостей, куча блестящей бижутерии.

— Смотри, дедушка Док, какие бусики!

— Отличные бусики, красавишна. Прямо к твоим зелёным гляделкам.

В общем, проблема даров туземцам решена. Похоже, Креон подготовил это убежище лучше, чем я думал.

— А оружия там случайно нет?

— Не знаю, — рассеянно отмахнулась Нагма, аккуратно штрихуя тень за кувшином. — Есть железные шкафы, но никто не знает, как их открыть. Худая-вредная кричит на немую-странную, но та ничего не делает, просто стоит, и всё.

Надо же, как интересно. Нагма сегодня днём отвела меня туда, где в прошлый раз потеряла Берану, но ничего интересного мы там не нашли. Коридор, заканчивающийся тупиком. Если и есть там тайная дверь, то при свете коптилки с моим сраным зрением я её не нашёл. На стук все стены отзываются одинаковым глухим звуком, никаких рычагов, которые можно подёргать, нет. Так и вернулись ни с чем. Калидия от Бераны тоже ничего не добилась — ни криками, ни уговорами, ни приказом. Не всякий,

видать, приказ она примет. Холодильник — по первому требованию, кушайте, не обляпайтесь. А вот оружейные сейфы — если это, конечно, они, — хренушки. Пушки детям не игрушки.

— Я нарисовала, дедушка Док! Теперь твоя очередь! Раскрашивай!

Я вздохнул и взялся за карандаши. Раскрасил хуже, чем Нагма нарисовала, хотя она изо всех сил пытается помочь мне советами. Увы, чувство цвета словами не передать. В конце концов расстроенная дедушкиной тупостью Нагма попыталась водить моей рукой и, как ни странно, это сработало. Я как будто на секунду вдруг увидел цвет её глазами — ощущение почти сразу исчезло, но даже этот краткий миг мне помог. Так что не совсем опозорился.

— Сидите? — спросила пришедшая Анахита. — Прости, Док, ужин только готовится, столько хлопот. Я замучалась баранов свежевать, они же всё стадо забили! Зато свежую печёнку сейчас пожарю! Полезно!

— Спасибо, Анахита, это здорово.

— Мяса у нас теперь — за год не съесть. Но честно скажу — эта штука в ванне меня пугает. Она всасывает в себя кровь и чуть не чавкает от удовольствия. Бр-р-р! И куда в неё лезет? Док, что она вообще такое?

— По правде сказать, не знаю. Одна из тех древних жутких хреней, которые оставили после себя Ушедшие. Когда речь заходит про их стрёмное наследство, никогда не понятно — оно тебе служит, или ты ему. Но Калидия вроде как-то справляется.

— Эта девчонка и сама малость жутковатая, как по мне, — покачала головой Анахита. — Да, я чего пришла-то! Вот, посмотри, чего накопала в здешнем барахле!

— Ух ты, что это? — запрыгала на кровати Нагма. Тряска болезненно отозвалась в рёбрах.

— Да не скачи ты, стрекозлица неугомонная! — скривился я. — Это доска для маркера. Надо же, и маркеры!

— Целая коробка! — похвасталась Анахита. — И губка для стирания. Интересно, зачем это положили на склад?

— А, это обычная практика, — пояснил я. — Мы тоже с собой таскали. Удобнейшая штука для общения с туземцами, особенно при языковом барьере. Рисуешь картинки, тычешь пальцем, корчишь страшную рожу: «Вот такую хрень сюда тащи, макак бесхвостый! Если принесёшь, получишь ножик, зеркальце и бусики. Если не принесёшь — получишь трындюлей!»

— Понятно, — засмеялась Анахита. — Нагме грамоте учиться тоже сойдёт. А то бумагу мы пока не нашли. Но мы ещё и половины ящиков не вскрыли, надежда есть. Все, побежала, ужин

через полчаса!

— Так, на чём мы там остановились с девочкой, которая живёт в горном селе?

— Она пошла в огород!

— И что же она там увидела?

— Марковку! Для плова!

— «Мо!» Морковку, мелкопяточница носкодырявая! — я пощекотал розовую, не очень чистую пятку, девочка захихикала, задрыгала ногами, и попала мне по рёбрам, отчего я взвыл.

— Прости, дедушка Док! — расстроилась Нагма. — Я случайно.

— Я знаю. Садись ровно, бери доску, и пиши: «М-О-Р-К-О-В» — и мягкий знак в конце не забудь. Помнишь, что я тебе говорил про мягкий знак?

— Он всё делает мягким! Как подушка! — веселится девочка.

— Какие слова с мягким знаком ты знаешь?

— Огонь! Тварь! Дрянь!

Мда, языковая среда — дело такое…

Закончив с письмом, переходим к литературе:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет!

— Если жизнь меня обманет, — строго сказала Нагма, — я её стукну! Прямо в нос!

Глава 6. Проект «Кикатта»

На следующий день осчастливили аборигенов дарами и заодно снизили продуктовую повинность до молока и свежих овощей. Туземцы, однако, не расслабились, а напряглись. Абдулбаки насколько раз переспросил, отчего это мы такие добрые. То, что мы можем брать больше, но не берём, не укладывается у него в голове. Наверное, какое-то большое говно задумали. Я не стал его разубеждать, потому что без толку.

Постепенно перешли из экстренного режима в рутинный. Непосредственной опасности не наблюдалось, Абудулбаки с ежедневным чартерным ослом передавал устные сообщения, что чужаки вблизи кыштака не замечены. Днём мы береглись и не оставляли ворота открытыми, ночью о том, что граница на замке, громогласно сообщал на всю округу Багха.

За несколько дней разобрали и рассортировали склад. Нашли контейнер автономных светильников, которые расставили и развесили по всему замку. Это избавило нас от полуслепого вечернего спотыкания с коптилками. Аккумулятора в светящемся шаре хватает на неделю, а на складе есть зарядные крэдлы. Больше, к сожалению, электричество никуда не разведено, хотя оно определённо есть, холодильники — тому наглядное подтверждение.

Из приятных неожиданностей — нашли несколько упаковок бумаги, вполне подходящей для рисования как карандашами, так и акварелью. Нагма в акварельные краски просто влюбилась, что приятно разнообразило пятна на её носу и щеках. У ребёнка талант колоризировать всё, включая собственную физиономию.

Наши уроки рисования стали взаимообразными — я учу её рисовать контур, она меня — работать с цветом. Беру её маленькую ручку в свою — и она заканчивает линию так же, как

закончил бы я. Она кладёт ладошку на мою руку — и краска ложится так, как будто я настоящий художник. Видим мир глазами друг друга. Очень странное ощущение.

Я сажусь на стул, Нагма на мои колени, и мы рисуем вдвоём как один человек. Даже моя чёртова пресбиопия на это время отступает. Очков на складе никто не запас, а жаль.

Оружейные (предположительно) сейфы остались закрыты — Берана то ли не понимает приказов Калидии, то ли игнорирует их. Девушка считает, что некоторые приказы должны сопровождаться кодовым словом, но его знает только Креон. Неплохо владетель распорядился бывшей женой — сделал из неё пульт дистанционного управления замком. Теперь Калидия пытается хакнуть собственную мать, подбирая слова методом тыка. Это чертовски неэтично, а главное — безрезультатно, но она упорная девушка.

Алиана напрягается, не без оснований проецируя ситуацию на их отношения, но чувства превозмогают. Иногда жалуется мне на душевную чёрствость подруги, но потом сама же её оправдывает, — мол, виноват во всем Креон, а Калидия — жертва обстоятельств. Я не спорю, жертва так жертва, хотя её поведение, на мой взгляд, максимально далеко от виктимного.

Оболочка Калидии, напившись крови, разархивировалась из кокона и теперь висит в наполненном специальной жидкостью прозрачном цилиндре на складе. Жидкости две больших бочки, надолго хватит. Калидия периодически выгуливает своего экзосимбионта в окрестностях, скача по косогорам не хуже горной козы. Один раз вышла к Абдулбаки с целью показать, что, мол, демоны-демоны, бойтесь. Но он не боялся, а пялился, выпучив глаза, на выступающие в грудной части брони полушария. Эффект вышел сомнительный. Я, кстати, предупреждал, что так будет, но Калидия меня, разумеется, не послушала. Ещё и оскорбилась на такое неуважительное внимание аборигена, чуть башку старейшине не снесла. Когда она в оболочке, мысли её становятся короткими и агрессивными, этакий «боевой режим». Словно другой человек.

Свой авторитет она не подняла, зато поддержала мой — ещё бы, целую демоницу имею. У Абдулбаки сложилась в голове инфернальная, но логичная в местной парадигме картина — замок занял древний неуязвимый (пули не берут) колдун со своими жёнами — раскрасавицей Алькой (светлые волосы по местным понятиям — сразу Мисс Вселенная), суперженщиной Бераной (в изложении местных принесённый ей мешок превратился в «по ослу с поклажей в каждой руке»), жуткой самкой демона Калидией (с во-о-от такими сиськами!) и опасной, как ядовитая змея, беглой ведьмой Анахитой. Почему колдун? А как без колдовства старик такую кучу баб ублажает? То-то же.

В общем, Абдулбаки меня побаивается, что не мешает ему периодически канючить и требовать даров. К счастью, он не привередлив — ножик для себя, кастрюля или стеклянные бусы для жён, пакетик конфет для детей делают его счастливым примерно на неделю, после чего старейшина снова начинает намекать на компенсацию и премирование. Зато у нас каждое утро есть свежее молоко, овощи и зелень.

Рёбра мои зажили, только поднывают к перемене погоды. Могу неплохо предсказывать дождь. И почти привык к тому, что старик. Почти. Иногда спросонья забываю и пытаюсь вскочить с кровати. Организм наказывает прострелом в спине и головокружением. Быстрый подъём по лестнице требует постоять и переждать, пока перестанет колотиться сердце. Надо быть осторожным с едой — желудок принимает не всё. Надо избегать крепкого чая, особенно на ночь — давление скачет, не уснуть. Организм требует внимания, как ушатанный автомобиль, где всё,

что не на проволоке, то примотано изолентой, и никогда не знаешь, что отвалится на следующей кочке. Но больше всего меня бесят зеркала. Так и не смог привыкнуть, что оттуда на меня смотрит какой-то мерзкий, старый, заросший седой бородой хрен. Избегаю зеркал, как вампир. Иной раз окинешь задумчивым взором приятные линии наклонившейся над плитой Анахиты, поболтаешь с ней, поулыбаешься, а потом хренак — зеркало. Как с разбегу об стенку — ну куда ты смотришь, старый хер? Мало ли, у кого фигура, это теперь не твоя забота. Сиди, вон, на солнышке, кряхти да попукивай.

Нагма окончательно вжилась в роль моей внучки. Когда мать ей напоминает, что это технически не совсем так, девочка на минуту озадачивается, но тут же забывает. «Дедушка Док», и всё тут. Я не возражаю, мне даже чем-то приятно. Маленькая непоседливая таблетка от одиночества.

Читает она уже неплохо, но за отсутствием книг единственным источником письменного слова остаюсь я. Девочка из горного села живёт бурной интересной жизнью, которая абзац за абзацем разворачивается на доске для маркера. Нагма требует новых и новых подробностей, мне приходится напрягать скрипящие, отравленные токсинами распада, старческие мозги. Может быть, эта активность слегка отдалит момент тесного объятия с Альцгеймером и этим, ну как его, ну, вторым… Вот, уже не помню. Ах, да, Паркинсон. «Здравствуй, Дедушка Склероз, ты подарки нам принёс? Здравствуй, Дедушка Маразм, мне бы твой энтузиазм…»

При первых признаках возрастной деменции шагну с южной стены. Она удачно расположена над пропастью, лететь далеко и весело. Вид, опять же, красивый, особенно на закате. Мы с Нагмой там частенько сидим, свесив ноги, и рисуем пейзажи. Она однажды уронила в пропасть сандалию, расстроилась, запустила вслед вторую. Теперь бегает в кедиках, отчего стала резвее, но тише.

Всегда гнал от себя мысли о детях. «Зачем тащить новую жизнь в этот мир, полный страданий?» «Ну какой из тебя отец, посмотри на себя?» «Что ты можешь дать ребёнку, великовозрастный обалдуй?» «Себя-то не воспитал, куда тебе детей воспитывать?» «Зачем тебе эти проблемы, если итогом станет неизбежное: «Я тебя ненавижу!» «Людей на свете и так больше, чем надо». И прочий «зелен виноград». Своих детей у нас быть не могло, а к идее усыновления жена относилась весьма прохладно. Она была слишком недоверчива к миру, включая меня. И мы с миром в конце концов оправдали её худшие ожидания.

А теперь сижу, смотрю на Нагму, которая сопит, ёрзает, морщит испачканный карандашным графитом нос, и пытаюсь понять, что за странное чувство испытываю к совершенно чужому ребёнку. Что за пропущенный при изучении анатомии орган сжимается внутри?

Это сенильность, или я в свой жизни упустил что-то важное?

Зато мы умеем рисовать вместе. Когда Нагма водит моей рукой, а я — её, становимся одним целым. Два полхудожника в одном. Пастель, цветные карандаши, акварель. Пейзажи, спасибо Нагме, уже выходят недурно. С портретами — по-разному. Модели у нас две — Алиана и Берана. Анахита отмахивается — «много дел». Калидия — «просто не хочу». Слишком свежи воспоминания, как я чуть не нарисовал вместо неё мальчика. Алька терпит из вежливости и некоторого остаточного пиетета ко мне как бывшему командиру. А вот Берана может стоять или сидеть часами, не испытывая от этого ни малейшего неудобства. Её портреты карандашом, пастелью и акварелью уже составляют приличную стопку. Была смутная надежда, что удастся создать референс, который выдернет затычку из её головы — но нет. Иногда кажется, что вот-вот… Но нет.

Мироздание устало от моих фокусов. Никакого от меня теперь проку.

* * *

Месяц условной безмятежности закончился так же внезапно, как лето. Похолодало, полили дожди, мы с Нагмой бросили рисовать пейзажи, потому что они выходят слишком мрачными. Мои суставы ноют от сырости, моё давление меняется в противофазе к атмосферному, и каждый скачок — как дубиной по башке.

А потом пришёл Абдулбаки и сказал, что пастух видел в горах Хайруллу. И тот был не один.

— С ним были люди, как ты, и люди не как ты, и люди, которые не как люди, — сообщил старейшина, с интересом ожидая моей реакции.

Я молча кивнул и вручил ему приберегаемый для особого повода подарок — огромный чугунный казан для плова. Его принесла Берана, я бы такую чугуняку не поднял. Абдулбаки тоже не стал пробовать, поручив такелажно-погрузочные работы погонщикам.

— Хайрулла хитрый, — сказал старейшина. — И сильно на тебя злой.

Можно подумать, я не догадался.

— Мы скажем тебе, если увидим его. Но он хорошо знает горы, тропы и пещеры, а мы уже отгоняем отары с дальних пастбищ. Скоро совсем холодно станет. Когда пастухов в горах нет, можно армию провести, и никто не увидит.

Я молча кивнул, принимая к сведению.

— Если нападать, то сейчас, — добавил Абдулбаки. — Потом снег закроет перевалы. Зима в этом году ранняя…

Традиции формируются быстро, и вечерний чай в гостиной — уже традиция. Стремительная местная осень принесла с собой холод, ночами по ощущению не выше плюс пяти, да ещё и промозглая сырость, а здесь самое тёплое место замка. В подвале большая угольная печь, от которой под полами и в стенах идут воздушные тепловые каналы, но в комнате моим старым костям тепло разве что под двумя одеялами. Гостиная ближе всего к печке, тут почти жарко. Угля в подвале много, хватит перезимовать, но доживём ли мы до зимы?

Калидия считает, что нет.

— Им нужна я, — заявляет девушка. — Пока я жива, жив дом Креона.

— А как же мы? — пискнула расстроенно Алиана.

— Вас просто убьют. На всякий случай.

— Дедушка Док, мне страшно! — прижалась ко мне Нагма.

— Возьми шоколадку, помогает, — посоветовал я ребёнку. — Эндорфины и всё такое.

Мы теперь не обязаны придерживаться аборигенной диеты,

на складе куча продуктов в вакуумной упаковке, в том числе сладости. Это скрашивает жизнь Нагме, Альке и Анахите. А ещё там есть нечто вроде бренди, что скрашивает жизнь мне. Рюмочка в чай, и суставы меньше крутит от сырости.

— Я выйду на бой! — храбрится Калидия. — Надену оболочку и сражусь с ними.

— Уверен, они к этому готовы, — возражаю я. — Тебя обездвижат и возьмут в плен. Даже я могу сходу придумать пару способов, а у них было время подготовиться. Оболочка — хорошая штука, но на всякую хитрую задницу находится свой кривой болт.

Нагма хихикнула, Анахита посмотрела на меня с укоризной. Я покосился на зеркало в простенке — оттуда недовольно пялится седой старик, который стал таким, чтобы эта дура выжила. Обидно, если такой ценой будет куплен всего месяц.

— Не надо, Кали, — вздыхает Алиана. — Это не метод.

— А что «метод»? Нет, скажи, что? Ты всегда лезешь со своим мнением, скажи уже что-нибудь!

Калидия боится — Калидия злится — Калидия грубит. Я это знаю, Алька это знает, но всё равно бесит. Хочется нахамить в ответ, но это тупик и конец дискуссии. Все пересрутся и разойдутся по комнатам. Проверено опытом. Мы не первый раз пытаемся найти решение — пока безуспешно. Наверное, его просто нет.

— Может, нам уйти? — предлагает Алиана. — Вокруг целый мир, неужели мы не затеряемся в нём?

— Мы чужаки, заметные, как говно на снегу, — отвечаю я. — Выследить нас сможет даже слепоглухонемой. И тогда мы окажемся в той же позиции, минус замок. Здесь хотя бы тепло и есть еда.

— И что ты предлагаешь, старик? — Калидия переходит со мной на «ты», когда злится. — Сдохнуть, но у печки и сытыми?

— Прикажи Беране изменить режим патрулирования Багхи.

— Как?

— Как хочешь. Нам сгодится любая реакция. Дело вообще не в Багхе.

— Берана! Багха должен войти во двор замка! — строго скомандовала Калидия матери.

Та встала, вышла из гостиной, и все ломанулись за ней.

— Так, стоп! — остановил я всех перед лестницей в подвал. — Идём мы с Калидией. Не создаём толпу, а то ещё спугнём.

Возражения осторожной Альки и завистливое поскуливание любопытной Нагмы решительно отверг. Взял фонарь и начал спускаться.

Берану догнали в подвальном коридоре — том самом, с тупиком. Она уверенно идёт вперёд, ничуть не нуждаясь в свете нашего фонаря и никак не реагируя на наше присутствие. Идёт спокойно, небыстро даже, поэтому внезапная стремительность действий стала для нас сюрпризом.

Женщина быстро подошла к стене, что-то щёлкнуло, панель провернулась на центральной оси, открыв проход. Берана оказалась там за полшага, решительно отшвырнув кинувшуюся за ней Калидию. Оттолкнула с такой силой, что та врезалась в меня, сбив с ног. Стена завершила оборот, закрывшись снова. Полсекунды на всё ушло.

— Оу, мои рёбра! — сказал я, пытаясь встать.

Вскочившая Калидия подала мне руку, помогая. За месяц она набрала вес, вернув былые очертания фигуры. Стала тяжелее, но мягче. Свежезажившие рёбра я, кажется, сберёг, только ушибся.

— Резкая у тебя мать, — пожаловался я.

— Это не мать! — злобно отрезала девушка. — Это кибер-хранитель убежища. Устройство хранения паролей и интерфейс к системам замка. Мама заперта где-то внутри — если не стёрта.

— Вряд ли стёрта, — постарался утешить её я, — ты же говорила, что твой отец её любил.

— Именно поэтому он мог её убить. Я была уверена, что убил. Потому что я бы лучше убила. Мне хочется убить её сейчас, чтобы не видеть того, что из неё сделали. Ты не представляешь себе, глупый старик, что значит день за днём смотреть на механизированное чучело матери! Это невыносимо!

— Бедная девочка, — я обнял её за плечи, прижал, преодолев сопротивление, к себе, и она вдруг разрыдалась. Зло и неудержимо, с подвыванием и обильными слезами, намочившими мне свитер.

Впервые вижу её плачущей.

— Простите, Док, — отстранилась она, прорыдавшись. — Я не должна.

— Ничего, иногда надо. Пойдём наверх.

— Подождите, сейчас.

Она отвернулась, сделала несколько глубоких вдохов, протёрла глаза, помассировала лицо.

— Скажите, а правда, что вы… — говорит, не поворачиваясь, лица не вижу, но спина напряглась.

— Я что?

— Мне Алька сказала… Что вы… Ну… Не были таким старым. Что это… из-за меня. Это правда?

— Да. Ты умирала, я спешил, спешка обходится дорого.

— Зачем вы это сделали? Вы не были обязаны, вам никто не заплатил. Я вам никто. Я вам не нравлюсь. Вы считаете меня заносчивой дурой, я знаю. Почему?

— Потому что мог.

— И всё?

— А что ещё нужно? Так было правильно. Таков был референс.

— Спасибо, — Калидия повернулась и клюнула меня сухими

губами в щёку. — Я не забуду.

Чёрта с два я ей поверил. И всё равно — было приятно. Проклятая старческая сентиментальность.

* * *

Багха взвыл так, что меня подбросило на кровати. Я думал, раньше было громко? Нет, «громко» — это сейчас.

Топот босых пяток, дверь — прыжок на кровать. Нет, это не Багха, разумеется. Это Нагма решила, что со мной безопаснее, чем с мамой. «В случае появления чудовищ разбудить дедушку Дока».

— Мне страшно!

— Не бойся, холодноножка. Внутрь ему не попасть. Ты чего босиком по каменным полам? Давай сюда свои ледышки.

Зажал холодные ступни в ладонях, согревая, почувствовал, как они дёрнулись, когда Багха взвыл снова. В голосе его сегодня какая-то обида и протест. Недоволен чем-то наш котик.

— Он во дворе, Док, — в комнату вошла Анахита. — Иблисов Багха прямо у нас во дворе!

— Так пойдёмте и почешем его за ушком, — сказал я с преувеличенной бодростью.

Я не столько боюсь Багхи, сколько не хочу вылезать из тёплой постели в остывшую к ночи комнату.

— Подождите меня! Я оденусь! — Нагма в одной старой футболке ускакала по коридору.

Только что тряслась от страха под одеялом — и такой энтузиазм.

На крыльцо с фонарём вышел не без некоторого душевного напряжения. Логично предположить, что если Багха управляется из замка, то его обитателей он жрать не должен. Но, с другой стороны, — все ли живущие в замке пройдут опознание системой «свой-чужой»?

В свете фонаря двор заполнили резкие контрастные тени, и когда из них нарисовался Багха, это выглядит… Впечатляюще.

— Уиииии… Я хочу это нарисовать! — пискнула сзади Нагма.

— По памяти нарисуешь! — сказала Анахита, задвигая её за спину.

Скорее всего, когда-то это было крупное кошачье. Пластика движений и этот безжалостный, оценивающий взгляд… Если бывают кошки ростом с небольшую лошадь. Но чем бы это существо ни было от природы, оно послужило лишь основой для сумрачной фантазии на тему боевой кибернетики. На внешних поверхностях существа/конструкта больше твёрдых плоскостей и острых граней, чем живой ткани. Это немного похоже на оболочку Калидии, но всё же другое, не такое чуждое. Тоже жуткое, но по-другому. И красивое. Понимаю Нагму, Багху хочется рисовать. Желательно — с безопасного расстояния. Сверяясь с оригиналом через прицел противотанковой пушки.

Багха вышел в круг света, остановился, красуясь блестящей чёрной шкурой, переходящей в блистающую чёрную броню, разинул пасть, похожую на промышленный измельчитель, и обиженно заорал.

У меня чуть сердце не встало. Вблизи это не просто громко, а ОЧЕНЬ громко, и инфранизкие частоты, не заглушённые стенами, дали по нервам так, что Анахита сползла на подогнувшихся ногах на ступеньки. Её-то этой бабайкой с детства пугали.

А вот Нагма стоит, разинувши рот, и глаза горят от восторга. Багха настолько же ужасен, насколько красив, и я не знаю, что больше парализует его жертв — ужас или восхищение.

— Проект «Кикатта», — сказала синтетическим голосом оболочки Калидия, выходя из здания.

Они с Багхой просто созданы друг для друга — не только общей эстетикой, но и в инженерном смысле. Девушка подошла, провела рукой по голове — и легко шагнула, усаживаясь на спину. Багха поднялся, демонстрируя, что всадница сидит на нём, как влитая, — ноги Калидии скрылись в специальных, незаметных ранее выемках, а сама она держится как будто во встроенном седле. В два прыжка оказалась у стены, третьим — на стене, и дальше чёрный, как дырка в ночи, силуэт канул за стену.

— Уау! — выдохнула Нагма. — Ы-ы-ы!

— Офигеть, — подтвердила сзади дрожащим голосом Алиана. — Кали просто супер.

— Интересно, куда её понесло? — спросил я сам не знаю у кого.

И никто мне, разумеется, не ответил.

* * *

— Это то, чего нашему дому удалось достичь в исследованиях оболочки, — объясняет Калидия. — Побочный результат.

Она вернулась под утро. Багха влез на высокую стену замка без малейших проблем и сейчас лежит у крыльца, свернувшись, как нагулявшийся котик.

— Я не знала, что от проекта «Кикатта» что-то осталось, официально его объявили провалившимся. В некотором смысле это так и есть — новые оболочки создать не удалось, но внедрить их элементы подопытным животным, как видите, получилось, — девушка уселась на бок лежащего Багхи и погладила его по твёрдой жуткой башке.

Я всерьёз ожидал, что он замурлыкает — но нет, никакой реакции.

— У нас теперь есть психическая кавалерия, — задумчиво сказал я. — Жуткая, как матросы на зебрах.

— Кикатты — боевые компаньоны носителей оболочек. Когда я на ней, мы одно целое, когда она рядом — как третья рука и вторая пара глаз. Взаимодействие оказалось естественным, как с собственным телом.

— Тогда почему проект закрыли?

— Думаю, дело в политике. Дом Креона и так слишком силён… Был силён, — поправилась она. — Решили не пугать другие дома. Но это только мои предположения. Может быть, это

единственная существующая кикатта. Вместо того, чтобы утилизовать экспериментальный образец, оставили её тут.

— Так это самочка? — удивился я.

— Была до преобразования, — пояснила девушка. — Женский организм более выносли́в. Не думаю, что ей сохранили фертильность.

— Да уж, такое как по весне загуляет… — понимающе кивнул я.

— Кстати, — сказала она, поднимаясь на ноги, — за замком следили с ближней горы. Они думали, что Багха не сможет зайти в пещеру.

— А она смогла?

— Я смогла, — пожала она равнодушно плечами. — Мне надо отдохнуть и съесть много сладкого.

— Э… — у меня появилась куча вопросов, но она уже ушла.

Я подошёл к Багхе и почесал ей шею. Киса лениво дёрнула ухом и дрыгнула задней лапой, но не проснулась. Интересно, на складе есть кошачий корм?

* * *

Нагма временно потеряна для учёбы, а в рисовании поглощена исключительно кибер-анимализмом. Рисует Багху. Стоящую, лежащую, бегущую, скачущую с Калидией на спине. Отвлечь невозможно. В историю про девочку-из-горного-поселка срочно внедрён кибер-котёнок.

— Только, дедушка Док, чтобы он потом вырос! И защищал девочку!

Что поделать — кикатта полностью захватила её воображение, приходится идти навстречу. Новый опыт — рисуем не то, что видим, а то, что воображаем. Это неожиданная концепция, и девочка долго не могла поверить, что так можно.

Нагма хочет рисовать маленьких кибер-котят для нашей героини, их не существует, приходится придумывать. Я показал пример, набросав ей киберкотиков разной степени няшности, и теперь ребёнка за уши не оттащить от скетчбука. Прилив художественного воображения перехлестнул плотину реализма и превратился в селевой поток, сметающий наши ресурсы карандашей, красок и бумаги. Я думал, что найденного на складе запаса нам хватит надолго…

Я ошибся. И не только в этом. Возможно, никакого «надолго» у нас нет.

* * *

Днём с дежурной ослодоставкой снова пришёл Абдулбаки.

— Это последний раз, — предупредил он, грустно перебирая скромные дары.

— Это ещё почему? — спросил я строго.

— В кыштак пришли люди. Их много, они очень злые. Мы успели уйти, пока они не перекрыли тропу, но после того, как вернёмся, нас больше не выпустят.

— Что за люди?

— Много таких, как ты, — он ткнул пальцем последовательно в разгрузку, шлем и автомат. — Есть такие, как твоя жена-демон, только это мужчины-демоны. Очень страшные. Зарезали много баранов, выпустили кровь, бросили туши. Зачем им кровь? Я не знаю. Может быть, демоны питаются кровью? Может быть, когда бараны кончатся, они выпьют кровь у нас?

Я молча слушаю.

— Но больше всего тех, кто не живой и не мёртвый. Похожи на человека, но как будто железные. Очень страшные, стоят и не шевелятся, только головами крутят. И ружья у них большие, стреляют сильно. Собака кинулась на такого, он выстрелил — только хвост, уши и брызги на дороге.

— Сколько их всего? — спросил я.

— Кто знает? Они приходят, уходят, пастухи говорят, что видели в горах ещё. И с ними Хайрулла — он их привёл. Говорит, что они его слушаются, но врёт. Они никого не слушаются, они же демоны. Но Хайрулла теперь главный в кыштаке, никто не смеет его тронуть. Но ты не посылай за ним Багху, владетель!

— Почему?

— Если Багха будет драться с демонами в кыштаке, что останется от нас?

— Не могу обещать тебе, Абдулбаки. Если у вас есть куда уйти — уходите.

— Мы уйдём на горные выпасы, — вздохнул старейшина, — но там нет домов, в которых можно пережить зиму.

— Демоны пришли за нами, и, чем бы ни кончилась наша битва, она будет недолгой, — сказал я.

Глядя вслед возвращающемуся в кыштак Абдулбаки, подумал, что уж в этом-то я точно прав. Долгой осады нам не выдержать.

Глава 7. Ужас, летящий на крыльях ночи

— Где наш пушистый котёночек? — спросил я, оглядывая двор в поисках Багхи.

За пару дней я привык, что жутковатый кототрансформер валяется у крыльца, служа для Нагмы моделью, подстилкой и креслом. Милейшая киса с зубками в детскую ладошку. Можно тискать, можно гладить, можно съезжать по спине, как с горки, а можно просто лежать. На улице холодно, а она тёплая. Девчонка от неё не отлипает. Калидия заверила, что ничего с ребёнком не случится, потому что Багха не ест людей. Брезгует или программный запрет — не уточнял.

— Отправила на охоту, — сказала Калидия. — Понадобится много энергии этой ночью.

Багха — самый крутой хищник в горах, ни один горный козел не может считать себя в безопасности. Киса со стальными когтями залезет куда угодно. За два дня она сожрала у нас шесть бараньих туш, так что и я за свободный выпас питомца.

— Тоже хочешь поохотиться?

— Лучше я, чем они, — кивнула девушка.

Третий день рассуждаем на эту тему, откладываем неизбежное. Как ни крути, Калидия — наша единственная боевая единица. Меня, палящего со стены из автомата, в этом качестве рассматривать всерьёз смешно. Что им мои шесть магазинов 5.45? Киборгам и носителям оболочек на пули плевать, а наёмники и сами стрелять умеют. Причём получше меня.

До сих пор наездница Багхи ограничивалась преимущественно разведкой, контрразведкой и индивидуальным террором. Атаковала по ночам малые разведгруппы, прощупывающие подходы к замку. Враги ведут себя осторожно, видимо, переоценивая наши силы. Нас даже не взяли в осаду,

только наблюдают издали. Дорога через перевал открыта, можно свалить. Может быть, на это они и рассчитывают. Но нам идти некуда.

Штурмовать не спешат. Возможно, им и в голову не приходит, как нас мало — не зря я не пускал за ворота аборигенов, не давал оценить наши силы. Может, считают, что тут Креон с основным отрядом. Откуда им знать, что только женщины, дети и один дряхлый старикашка?

Калидии надоело щипать их по мелочи. Нападающие не дураки — потеряв несколько разведгрупп, стали оттягивать их на ночь в кыштак. Местные жители его покинули, уйдя в пастушеские летние времянки, и теперь котовсадница хочет навестить эту базу, устроив там хороший погром.

Тактически это может сыграть, стратегически… Ладно, сильных стратегических ходов у нас нет. Несильных тоже. Вообще никаких способов удержать замок наличными силами я не вижу. Такими силами только дверь в сортир удерживать. Но сдаваться тоже не вариант — в живых нас не оставят, это не в обычаях владетелей. И даже лёгкую смерть нам не заслужить. В общем, терять нечего, а атака, может быть, отложит наш печальный финал на какое-то время. А может, и наоборот. Тут не угадаешь.

У меня душа к этой затее не лежит, но не из военных, а из этико-эстетических соображений. Юная красивая девушка в амплуа ночной стелс-мясорубки? Понимаю, что переживать по этому поводу глупо и поздно, но всё равно переживаю. Маразм близок?

Алька вся издёргалась. Каждый раз не спит, ждёт, пока любимая вернётся из ночного рейда. Требует, чтобы я её отговаривал. А как её отговоришь? Я вообще удивляюсь, что дочь владетеля ко мне хоть как-то прислушивается, а не шлёт сходу лесом, как её папаша.

Все претензии Алиана отложила на потом. И то верно — какой смысл выяснять отношения, если нам жить, может быть, осталось дня три? Уж лучше провести их с удовольствием. Ночью сидит со мной на посту — мы теперь несём караул на стене, я беру на себя ночные вахты, потому что сплю плохо. Алька составляет компанию — рассказывает какая Кали хорошая, какая умная, какая красивая, сколько всего знает. Говорит, как с ней хорошо, как она, наконец, нашла человека, который ей по-настоящему дорог, без стеснения хвастается, как прекрасно им в постели. А сама прислушивается, не заскрежещут ли по стене когти Багхи. Кидается к вернувшейся Калидии, ощупывает, проверяя, цела ли. Тащит в комнату, закрывает дверь — и чем они там дальше заняты, никого не касается. Каждый день как

последний.

Нагма скачет вокруг Багхи, записывает историю нашей выдуманной девочки, расширяя словарный запас, учится умножению и делению. Мы вместе рисуем, и у нас выходит всё лучше и лучше. И у неё, и у меня, и когда один рисует рукой другого. В этой девчонке столько жизни и таланта, что хватает на двоих.

Анахита смотрит на дочь и тихонько плачет, пряча слезы под платком. Страшно представить, каково ей. Даже мне, всего лишь названному дедушке, и то тяжело думать, что ребёнок может погибнуть с нами.

За себя не переживаю вовсе. Терять-то мне, собственно, уже нечего — впереди только артрит, склероз и недержание мочи. Надеюсь, когда начнётся штурм, я хотя бы успею расстрелять бэка и не зря сдохну.

И только Берана ходит с вечным покерфейсом, и хрен её поймёшь, понимает ли вообще происходящее. Начнётся штурм — дам ей лом, пусть треснет кому-нибудь по башке. Если это предусмотрено прошивкой, конечно.

— Мне не нужно ваше разрешение, — сказала Калидия.

Стемнело, мы стоим на стене, укрываясь за каменным зубцом. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь меткий с хорошим тепловиком отстрелил бы нам сейчас бошки. Это вам не местный охотник с дульнозарядным штуцером, у этих ребят техника найдётся.

— Да я тебя и не отговариваю, — вздохнул я. — Мне это не нравится, да, но мне всё не нравится. Алька, конечно, прогрызёт мне мозг, но что поделаешь.

— Вам не нравится, что я их убью. Почему?

— Мне не нравится, что их убьёшь ты.

— Вы боитесь за меня? — удивилась девушка.

— Это тоже. Но куда больше мне не нравится то, что война делает с людьми. Она сделала это с многими, включая меня, и это не то, что должно происходить с девушками.

— Я дочь владетеля, — пожала она плечами.

— Это мне тоже не нравится.

— Почему?

— Потому что это тебя ограничивает. Дочь владетеля — это меньше, чем Калидия, а не больше, как ты думаешь. Калидия может быть кем угодно и какой угодно, а дочь владетеля только дочерью владетеля. Не человек, а функция. Калидия свободна, дочь владетеля — перчатка на руке отца. Насажена жопой до самого локтя, до его пальцев в мозгу.

— Фу, ну у вас и сравнения, — хмыкнула Калидия. — Но я поняла, о чём вы. Да, вы в чём-то правы. Но я не выбирала, кем родиться, и я такая, какая есть.

— Ты ещё не знаешь, какая ты есть.

— Может, и не узнаю! — она отмахнулась и пошла к лестнице. — А может, там и знать нечего. Я за оболочкой. Багха, просыпайся! Пора нанести пару визитов!

— Ушла? — Алиана пришла на стену, как только Багха со всадницей канули в кромешную темноту осенней ночи.

Сегодня небо затянуто тучами, нет даже света звёзд. Не видно вообще ничего, тем более, с моим стухшим зрением. Большого смысла сидеть тут — нет. Но вовсе не выставлять постов, когда замок в осаде, тоже как-то неправильно. Хотя бы какая-то иллюзия контроля. Может быть, когда нас начнут штурмовать, атакующие наступят в говно, выругаются, и я пальну на звук. Багха поназакапывала за стенами изрядно, не местность, а кошачий лоток. Во дворе ей Калидия гадить запретила. Слушается — в оболочке она полная хозяйка.

— Ускакала, — ответил я Алиане. — Наш всадник без головы.

— Почему без головы? — обиделась за подругу не владеющая контекстом Алька.

— Просто выражение. И да, с башкой у неё так себе.

— Она умная!

— Одно другому не мешает. Поствладетельский паттерн саморазрушения её однажды достанет.

— Я не поняла, — вздохнула Алиана, — вы иногда говорите

слишком сложно.

— Калидия всю жизнь пытается доказать себе — а точнее, «внутреннему отцу», — что она владетель. Полноценный, а не полукровка не того пола. Получить признание и одобрение в этом качестве. Чтобы Креон однажды сказал: «Прости, я недооценивал тебя, дочка. Не нужен мне никакой «настоящий наследник», ты справилась, ты лучшая, вот теперь я тебя люблю». Но Креон, способный такое сказать, существует лишь в её голове.

— Да, отец у неё жуткий, — согласилась Алиана.

Она забралась в моё импровизированное гнездо — Берана принесла в угловую башенку небольшой диванчик, а одеял я уже сам натаскал. Ночами прихватывают заморозки, утром на крышах иней. Залезла, прижалась плечом. Тёплая, мягкая, хорошо пахнет молодой девушкой. Теперь мне на девушек только любоваться, но всё равно приятно.

— Дело не в том, что он жуткий, а в том, что она с детства пытается добиться от него подтверждения собственной ценности, и не получает его. Калидия была готова отказаться от себя, стать мальчиком и умереть — лишь бы стать для отца значимой. Но даже тут я её обломал.

— Поэтому она на вас постоянно злится?

— Да, хотя и не отдаёт себе в этом отчёта. За это, а ещё за то, что не дал героически погибнуть, оставив за собой последнее слово в споре с отцом. Теперь он где-то там делает свои важные дела, восстанавливает Дом, ждёт ребёнка — нового настоящего наследника, — а она ошивается в жопе мира, пытаясь защитить замок, который Креону, судя по всему, не особо-то и нужен.

— Она же не наделает глупостей? — встревожилась Алиана.

— Обязательно наделает, — вздохнул я. — Будем надеяться, что не летальных. Потому что в глубине души её тянет не столько к победе, сколько к героической гибели. Паттерн саморазрушения, как я сказал.

— Но почему?

— Потому что она недостаточно верит в себя, чтобы верить в победу. Отец никогда не принимал её всерьёз, и она не может принять себя сама. Пытается доказать, что достойна, но любое её достижение обесценивается внутренним отцом. Любое — кроме смерти. Её не оспоришь.

— Михл, вы ужасный человек, — сказала Алиана с осуждением, но не отодвинулась. — В вашем препарировании людей совсем не остаётся места любви.

— Хочешь, чтобы я объяснил, почему ты влюбилась в Калидию?

— Ни в коем случае! Не лезьте в это своими холодными

медицинскими руками!

— Руки у меня мёрзнут, потому что я старый, — сказал я примирительно. — Кровообращение не очень.

— Простите. Я понимаю, что вы на самом деле не злой. Наверное, у вас тоже было в жизни много боли. Но я верю в любовь. Я люблю Калидию, она любит меня, мы справимся. Главное, чтобы она не пострадала.

— Увы, нам остаётся только ждать и надеяться. Помочь мы ей не в силах. Хочешь чаю? У меня тут термос.

— Давайте.

Я налил горячий сладкий чай в крышку термоса, и мы отхлёбываем из неё по очереди.

— А вы правда можете вот так же препарировать мои чувства к Калидии?

— Что, — усмехнулся я в темноту, — синдром Синей Бороды?

— Я опять вас не понимаю!

— Всё время забываю про культурный багаж. Это старая страшная сказка из моего мира. Пересказывать не буду, но мораль в том, что женское любопытство порой заводит туда, куда лезть не стоило.

— Ну да, — вздохнула Алиана и прижалась плотнее, — я понимаю, что это знание не сделает меня счастливее. Скорее, наоборот. Но теперь меня гложет — а вдруг со мной что-то не так?

— С тобой куча всего не так, и ты это сама прекрасно знаешь. Ты сирота, выросла в атмосфере высококонкурентного моногендерного коллектива со стайной моралью, ты подвергалась постоянному психологическому и физическому унижению, а также сексуальной эксплуатации. Для такого анамнеза ты просто поразительно нормальная девушка.

— Правда?

— Клянусь. Твоей психической устойчивости можно позавидовать. А ещё твоей способности принимать решения и добиваться своего.

— А я думала, что неудачница…

— Ты-то? Ты прогрызла себе дорогу в дом Родла, преодолев жесточайший отбор среди высокомотивированных соперниц. Приз сомнительный, но других не было, и ты его добилась. Потом ты разглядела во мне человека другого мира и использовала этот шанс на сто процентов. Ты встретила Калидию, влюбилась в неё — и добилась взаимности дочери владетеля. Ты достойно проявила себя в первом бою, хотя он оказался крайне неудачным. Ты спасла любимую девушку, когда шансов на это почти не было.

— Это вы её спасли.

— Я не ушёл с основной группой только потому, что ты кинулась за Калидией. Если бы не ты, она бы погибла. Потом ты выхаживала её, стойко вынося говнизм мучающейся от беспомощности владетельской дочки. Теперь поддерживаешь изо всех сил, не давая пасть духом, а главное — не падаешь духом сама, хотя понимаешь, что положение наше паршивое.

— Вы меня совсем захвалили, — смущённо сказала Алиана.

— Ты сильная девушка, Алька. Кто-то должен был тебе это сказать, пусть буду я. Не давай Калидии доминировать, на самом деле ты сильнее, умнее и упорнее. Если вы не разругаетесь, то однажды в вашей паре лидером станешь ты.

— Хотелось бы вам поверить… — ответила она с сомнением.

Молча пожал плечами — мол, хочешь — верь, хочешь — нет.

Я к ним семейным психологом не нанимался. Почувствовал, что чай требует выхода — увы, у стариков и тут не всё просто.

— Посиди, я сейчас.

Подошёл к краю стены и избавился от избытков жидкости. Если там и крались лазутчики-диверсанты, то они никак не выдали своего недовольства. Признаков простатита пока нет — чёртова сраная старость, всё время прислушиваешься к организму: что там ещё у нас отказало?

Едва успел застегнуть ширинку, как по стене заскрежетали когти, и через край перемахнул ужас, летящий на крыльях ночи — у Багхи, оказывается, тоже глаза светятся в темноте красным.

— Вы на нас чуть не написали! — возмущённо сказала Калидия синтетическим голосом.

— Думаю, оболочка не размокла бы.

— Кали, ты как? Ты цела? — кинулась к ней Алиана.

— Ты во мне сомневалась? — заявила дочь владетеля типичным дочьвладетельским тоном.

Мол, как вы смели, жалкие людишки. Ну-ну. Оболочка заметно сдвигает ей крышу.

Калидию аж трясёт от восторга. Избавившись от симбионта и велев Беране оттащить Багхе баранью тушу, рассказала о результатах вылазки.

— Это была просто резня! — вещает девушка гордо. — Они не могли понять, что их убивает! Выскакивали из домов, ничего не соображая спросонья, в одних трусах! Я рубила их с разгона, пролетала посёлок как ангел смерти, разворачивалась — и летела обратно! Багха — это просто чудо! Они стреляли во все стороны, не видя нас, не успевая заметить — и я отрубала им руки, отрубала головы! Кровь, кровь, кровь повсюду! Моя оболочка питалась ей, я чувствовала её радость! Я бы убила их всех, но они стали прятаться по подвалам, а Багха начала уставать. Но я ещё вернусь туда и закончу! Завтра! А сейчас, Алька, пойдём в комнату. Ты мне нужна!

Выражение лица Алианы далеко не такое восторженное, но она встала и пошла без возражений. Судя по звукам, целоваться они начали ещё в коридоре и в дверь ввалились уже раздеваясь. Адреналин стимулирует.

— Мы победили? — спросила осторожно Анахита.

Она вышла из спальни на голос Калидии. Стоит в длинной рубахе и шерстяных носках, ночами в замке прохладно.

— Хочешь чаю? — предложил я. — Поставил девушкам, но они не дотерпели.

— Давай, всё равно проснулась. Так мы всех победили или нет?

— Если Калидия не преувеличивает, то она нанесла заметный ущерб живой силе противника.

— Но это не победа? — уточнила Анахита.

— Даже не близко, — вздохнул я. — Их слишком много, и они, судя по всему, хорошо мотивированы. Просто не ожидали нападения — на весь лагерь несколько сонных часовых, которые к тому же не представляли, с чем могут столкнуться. Если у них командуют владетели — а это, скорее всего, так и есть, — то они слишком уверены в себе и не имеют боевого опыта. Стычки кланов — это вам не война в горах.

— И что будет дальше?

— Они перегруппируются, подтащат резервы — в кыштаке были далеко не все.

— Откуда ты знаешь?

— Калидия порубала там в салат кучу народу, но среди них не было ни владетелей в оболочках, ни киберов. А Абдулбаки их видел. Значит, что?

— У них есть ещё один лагерь, — догадалась Анахита.

— Вот именно. Калидия его не нашла, он может быть где угодно, и там может быть что угодно. Например артиллерия, чтобы снести наши стены, или авиация, чтобы скинуть нам на головы десант.

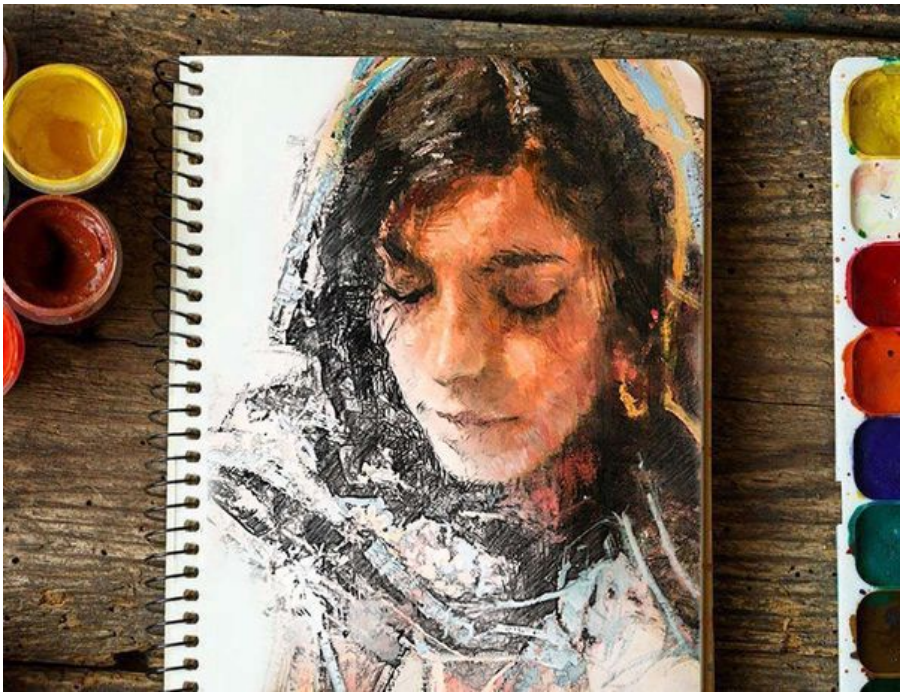
— Ты серьёзно? — испугалась она.

— На самом деле, вряд ли. Авиацию тяжело пропихнуть через кросс-локус. Судя по тому, что они не спешат, он небольшой, с малой пропускной способностью, и накопление сил занимает много времени. А вот с артиллерией не так однозначно — сейчас полно носимых пехотных средств усиления, которыми можно ломать укрепления. Миномёты, РПГ…

— То есть, ничего не закончилось, да?

— Прости, но это так.

— Извини, что поднимаю эту тему… — вздохнула Анахита. — Если со мной что-нибудь случится, ты позаботишься о Нагме?



— Как о родной внучке, — заверил я.

Скорее всего, если что-то случится с ней, то оно случится со всеми. Но она и сама это понимает.

— Мне так страшно, Док… — сказала она.

По щекам текут слезы.

— Я понимаю, — обнял Анахиту, прижал к впалой старческой груди.

Утешитель из меня теперь так себе.

Нагма единственная в нашем коллективе полна позитива.

— Дедушка Док, ты отвлекаешься! — упрекает она меня. — Ты обещал рассказать, как девочка из горного села спасла своего котика! А сам сидишь и молчишь!

— Прости, задумался. На чём мы остановились?

— Котик погнался за птичкой, которая прикинулась раненой, чтобы увести его от гнезда! И увела так далеко, что он заблудился! Теперь он сидит и плачет! А девочка волнуется! И ищет его!

— А как она его ищет?

— Она ходит и кричит: «Кыс-кыс-кыс»!

— Какая умная девочка! Итак, идёт она по дороге и кричит: «Кис-кис-кис! Мой котик! Где ты! Отзовись!» А навстречу ей — коза. «Здравствуйте, уважаемая коза, — вежливо говорит девочка. — Не видели ли вы моего котика?»

«А каков из себя твой котик?»

«Мой котик рыж, но нос его розов, а воротник бел».

«Когда я шла с пастбища, то встретила такого котика. Он был голоден, но я напоила его молоком».

«Спасибо тебе, уважаемая коза! А куда он пошёл дальше?»

«Я не знаю этого, девочка. Не благодари меня, ведь накормить голодного должен каждый. Иди по тропе, может быть, вы встретитесь».

— Вот такая каза? — Нагма рисует чуть ли не быстрее, чем я рассказываю.

— Да, очень похожа. Наверное, вы знакомы.

— У меня много знакомых коз. У них смешные казлята. У этой казы, наверное, тоже казлята, раз есть молоко. Но она поделилась им с котиком!

— Потому что это добрая коза. А теперь бери карандаш и пиши: «У козы козлята». Нет, через «о». И коза, и козлята пишутся через «о»…

Потом мы рисуем. Рисовать Нагма готова бесконечно. Багха опять свалила искать пропитания, но нам удалось изловить Берану. Кибернетированная мать Калидии постоянно чем-то занята: качает воду, таскает уголь, топит печь и плиту, убирает в комнатах. Только готовить ей Анахита не даёт. Не доверяет: «У неё же души нет, как она может делать плов? Плов без души не бывает…» Шутит, наверное.

Но если изловить Берану в паузе между занятиями и попросить просто посидеть на стуле — она сидит. Лицо её бесстрастно, глаза равнодушны. Поэтому она красива, но

парадоксально непривлекательна. На неё не хочется смотреть, как будто чувствуешь какой-то скрытый дефект — не можешь точно сказать, что именно не так, но раздражает. А вот Нагму, наоборот, привлекает в ней именно это.

— Хочу нарисовать её не такой, какая она, а такой, какой её Аллах хочет видеть.

Идея рисовать не то, что видишь глазами, а то, что видишь в голове, сначала поразила Нагму, но теперь она чаще даёт волю фантазии. Рисует придуманных животных, кибернетических котиков, удивительные города. Удивительные тем, что ни одного города она в своей жизни не видела, но однажды нарисовала улицу, на которой был мой кабинет «врача-прыщолога», да так точно, что Алька её сразу узнала. После этого я уже не удивлялся, увидев на бумаге город, в котором я встретил жену, город, в котором её похоронил, и вид с той крыши, где нас раскатали ракетным ударом наёмники.

Её отец — проводник между мирами, её мать, будучи беременной, постоянно таскалась туда-сюда через кросс-локусы. Мультиверсум оставил на ней свой отпечаток, и нам ещё предстоит понять, какой именно.

— У меня не получается, — жалуется Нагма, перепачкав нос чёрной крошкой угля и цветной крошкой пастели.

— А как по мне — неплохо, — я рассматриваю набросок. — С руками только у тебя пока не очень, смотри, на этой руке все пальцы одной длины. Надо бы тебе потренироваться рисовать руки.

Честно сказать, я вряд ли нарисовал бы лучше. Руки и мне не очень хорошо даются, а с цветом Нагма и вовсе работает прекрасно.

— Нет, дедушка Док, она должна быть не такая.

— А какая?

— Настоящая. Можешь порисовать со мной? Я так лучше вижу.

— Только не очень долго. Ты отсиживаешь мне ноги своей костлявой худой попой, вертлявица. Надо попросить маму Анахиту, чтобы она тебя получше кормила.

— Я могу подложить подушечку!

— Ладно уж, садись.

Я усаживаюсь на стул напротив Бераны, Нагма залезает ко мне на коленки, берёт скетчбук, открывает новую страницу. Я не смотрю, что чертит её стремительный карандаш, я смотрю на Берану. Я смотрю, она рисует. Рисует, не поднимая глаз, как будто смотрит мной. Два полхудожника. Боюсь об этом думать, но когда мы так рисуем, я почти вижу референс. Почти.

Берана, какой ты должна быть? Какая ты настоящая? Какой тебя «хочет видеть Аллах»? Какой тебя видел Креон? Какой тебя пытается, но не может забыть Калидия? Ты была красивой женщиной, ты и сейчас красива странной, неживой красотой-без-возраста. Наверное, ты была умной — вряд ли Креон женился бы на дуре. Думаю, характер у тебя тоже был — дочка твоя весьма упёртая барышня. Где это всё? Стёрто насовсем или заархивированно в какой-то внутренний бэкап? Можно ли перезагрузить тебя, изменив загрузочную запись? И нужно ли? Может быть, тебе лучше так — без мыслей, эмоций, страданий? Наверное, нелегко было быть женой Креона. Хотела лучшей судьбы для Калидии и терпела ради неё? Ведь, казалось бы, что может быть лучше судьбы дочери владетеля? А когда поняла, что ответ на этот вопрос: «Да что угодно, блин!» — было уже поздно. Креон умеет превращать окружающих в больных неврастеников. Вон, хоть дочь вашу взять… Но с тобой, Берана, ему пришлось постараться, и ещё не факт, что он выиграл. Что было бы, если б он не нашёл повод забить тебе в голову гвоздь? Ты не сдалась. Не стала тенью, которую он отбрасывает на дочь. Проводником его сраной эгаломании. Он ведь ненавидел твою улыбку, да? И в конце концов стёр её с твоего лица. Какой она была, Берана? Твоя улыбка?

Женщина резко встала со стула, развернулась и быстро

вышла, разрушив магию момента.

— Чего это она, дедушка Док? — разочарованно спросила Нагма.

— Кто ж её поймёт? — я смотрел вслед Беране, пытаясь понять, — это был инсайт? Почти забытый референс? Или просто фантазия разыгралась?

— А у меня только стало, наконец, получаться! — расстроилась девочка. — На, посмотри!

На странице скетчбука пока только набросок. Но улыбка там именно такая, как я её себе представлял. Улыбка той Бераны, которую я только что видел внутренним взглядом.

Нагма, детка, неужто ты видишь референс?

Глава 8. Головокружение от успехов

— Это очень плохая идея, — говорю я, глядя, как Калидия надевает оболочку.

Слово «надевает» плохо подходит для этого процесса. Обнажённая девушка прижимается грудью к броне, как будто пытаясь её обнять, та раскрывается в ответ и не то втягивает её в себя, не то растекается по ней… В этом зрелище есть что-то отвратительно-привлекательное, извращенно-сексуальное. Совершенное юное тело и чёрная гадкая хрень — как на средневековой фреске «Соитие со диаволом». Стоящая рядом Алиана начинает глубоко дышать, не сводя глаз, а я стараюсь игнорировать.

— Вы и в прошлый раз так говорили, — возражает Калидия уже не своим, а искусственным голосом.

Мне периодически кажется, что оболочка за неё не только говорит, но и думает. Эта штука любит кровь. Чтобы в этом убедиться, достаточно увидеть, как жадно она поглощает попавшие на неё капли. Может быть, поэтому владетели предпочитают мечи? Башка долой, кровища фонтаном, просто праздник какой-то…

— Один известный в нашем мире человек написал статью «Головокружение от успехов». Так вот, у тебя сейчас именно оно. То, что тебе удалось вчера устроить резню, не означает, что этот фокус получится повторить.

— Врага надо уничтожать!

— Врага не надо считать глупее себя.

— Они просто наёмники!

— Напомню, — сухо сказал я, — что всего месяц назад одни «простонаемники» играючи смешали с говном гвардию самого крутого владетеля Креона, а другие «простонаемники» вытащили его самого и его семью, не дав им сдохнуть. Вчера эти ребята

облажались, но будь уверена, урок усвоили.

— Ты старый трусливый старик! — разозлившись, привычно перешла на «ты» Калидия. — Не мешай мне и, может быть, уцелеешь.

— Кали, дорогая, ты несправедлива, — сказала осторожно Алиана. — Михл старый, но совсем не трус. И он знает, о чём говорит. В конце концов, он и сам наёмник.

— Наёмники просто товар.

— Я стажёр-медик в частной военной компании, — напомнила Алька. — То есть, наёмник.

— Поэтому, девочка, твоё мнение ничего не стоит. Оставь войну тем, кто для неё рождён!

Развернулась и пошла наверх, будить Багху.

— Ну, ну, не плачь, — обнял я Алиану. — Всем нахамила, всех обидела, топнула ножкой и свалила — в этом вся Калидия. Но сейчас за неё говорила оболочка.

— Вы так думаете?

— Нет, просто тебя утешаю.

— Я серьёзно спрашиваю.

— Если серьёзно, не знаю, насколько сильно они влияют друг на друга. Симбионт — древняя могущественная штука. Но насколько разумная? Он определённо подталкивает носителя к выгодным для себя выборам, но мне кажется, выгоду он понимает примерно на уровне клеща: «Крови, хочу крови!» Может быть, более опытный и психически цельный носитель, вроде Креона, контролирует оболочку лучше, но Калидия и себя-то не контролирует. Я на стену, ты со мной? Или слишком обижена и пойдёшь реветь в подушку?

— Я обижена, и, может быть, пореву немножко, — вздохнула Алька. — Но я с вами.

— Возьми на кухне термос с чаем, — сказал я. — Во избежание обезвоживания.

* * *

— Знаете, Михл, — сказала Алиана, — сегодня я готова слушать про свою любовь к Калидии. Настроение отвратительное, хуже уже не станет.

Мы устроились на моём караульном диванчике, замотались в одеяла, девушка успела немного намочить слезами мою разгрузку.

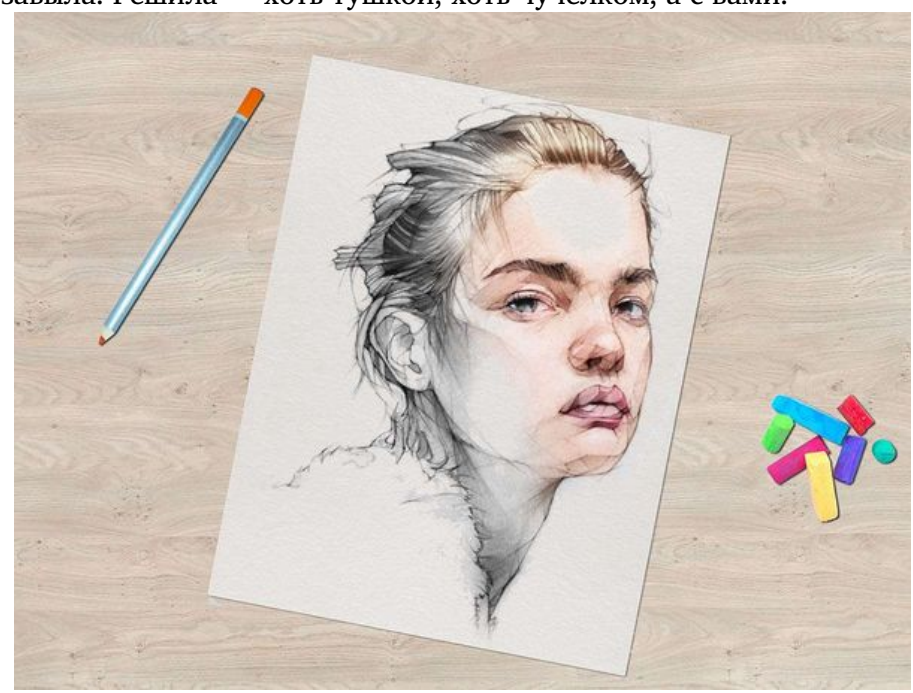
— Тут нет никаких откровений, — признался я. — Всё довольно очевидно, если подумать. Первое — критический

дефицит любви. Это общее для всех сирот. Чем меньше любви получает ребёнок в детстве, тем более он уязвим для манипуляций любовью потом. Готов, как бездомный щенок, бежать за каждым, кто его погладит. Та ёмкость души, которую должны были заполнить своей любовью родители, пуста, а природа пустоты не терпит. Ты даже в меня вцепилась, помнишь?

— Вы были добры ко мне, — вздохнула Алиана. — Не травили, не обижали, не были равнодушны. Разговаривали, интересовались, рисовали… Впервые кому-то было не наплевать на то, что я думаю, на то, какая я есть. Теперь-то я знаю, что это просто часть лечения, но тогда…

— Не зная твою биографию, не учёл этот момент, — повинился я. — Поэтому у тебя возник импринтинг. Ты в меня, можно сказать, почти влюбилась.

— Да, — вздохнула Алька, — наверное, вы правы. Но я вообще об этом не думала. Когда поняла, что вы уходите в другой мир навсегда, меня вдруг такая тоска охватила! Хоть с крыши прыгай. Как будто единственного близкого человека лишаюсь. Как представила, что дальше будет только «отчим Родл», чуть не завыла. Решила — хоть тушкой, хоть чучелком, а с вами.



— Это и есть импринтинг, — кивнул я. — Так птенцы некоторых птиц принимают за маму первый движущийся объект, который увидят, вылупившись из яйца. А ты вцепилась в первого, кто просто отнёсся к тебе по-человечески. И промахнулась.

— Промахнулась?

— Тебе семнадцать, возраст сильных и ярких чувств, за которыми надо обращаться не к пожилому циничному мужику, а к сверстникам. И тут появляется Калидия.

— Ну да, — вздохнула Алька и шмыгнула носом.

— Она идеальный объект. Во-первых, очень красивая — ей легко восхищаться. Во-вторых, очень несчастная — её хочется поддержать. В-третьих, сильная и гордая, девушка-воин, девушка долга, готовая пожертвовать собой ради великой цели. Такой ты в мечтах видела себя, верно?

— Да, пожалуй, — согласилась Алиана. — У нас в истории есть легендарная девушка-полководец, которая возглавила городское ополчение, когда напали враги. Я, пока была маленькая, думала: вырасту — буду как она! Калидия даже похожа на портрет из учебника.

— Надо полагать, кончила она плохо? — предположил я.

— Да. Стала слишком популярной, её обвинили в попытке мятежа и казнили.

— Обычная концовка для таких историй. С выживаемостью у «сильных гордых женщин» так себе. Но вернёмся к Калидии. Всё совпало — она твой идеал женщины. Ты травмирована сексуальным принуждением и не хочешь быть с мужчиной, при этом у тебя высокий гормональный уровень и хочется секса. Ты выросла в женском подростковом коллективе и наверняка сталкивалась с однополыми отношениями.

— Да, некоторые девочки… Это было запрещено, но случалось.

— Все хотят любви и находят её, где могут. В общем, ты была обречена влюбиться в Калидию, просто потому что ты была готова к любви, а она оказалась единственным подходящим объектом в пределах досягаемости.

— Это звучит как-то…

— Цинично?

— Да.

— Извини. Ладно, она действительно умна, красива и доминантна. То, что нужно для такой девушки, как ты. Восхищаться, подчиняясь, — твоя модель отношений. Она сформирована воспитанием, стыдиться тут нечего. Если бы ты могла восхититься Родлом, он не знал бы любви вернее твоей.

— Фу, скажете тоже! Он противный, толстый и плохо пахнет! А ещё, как я теперь понимаю, не очень умный.

— Калидия умнее?

— Да, — твёрдо сказала Алька. — Её иногда заносит, но она умная.

— Иногда? — скептически уточнил я.

— Часто. Часто заносит. Но я верю, что мы с этим справимся. Просто вы не всё про неё знаете. Она… Разная. Бывает очень грубой, но потрясающе нежна в постели. Говорит обидные гадости — а потом плачет и просит прощения. Может сутками дуться и не говорить ни слова, а может часами рассказывать интересные истории, от которых не оторваться.

«Биполярные формы депрессивного расстройства», — припомнился мне заголовок из учебника. А ещё: «Интроективные варианты депрессии, при которых человек считает себя недостойным любви и уважения». Я не специализировался на психиатрии, но базовый курс педиатрам читали, потому что подростки по депрессивным расстройствам группа риска.

— Она отталкивает тебя не потому, что считает недостойной, — сказал я неохотно, — а потому, что считает недостойной себя. Это называется «депрессия истощения». Когда кладёшь жизнь на то, чтобы доказать себе и другим, что достойна, то психической энергии на любовь не хватает. У неё нет сил, чтобы ответить полной взаимностью, и она отталкивает, как бы говоря своим поведением: «Брось меня, я плохая, злая! Смотри, смотри, какая я злая!»

— Правда? Вы уверены?

— Нет. Я не психолог, просто рассуждаю, опираясь на жизненный опыт. Запомни — даже если я прав, она не отдаёт себе отчёта в мотивах. Поэтому разговоры «о чувствах и отношениях» не помогут.

— И что же нам делать?

— Честно? Понятия не имею. Чаще всего такие «союзы двух неврозов» протекают бурно, но не долго. И заканчиваются разрывом, тяжёлым для обеих сторон. А иногда и трагедией. Я, собственно, поэтому и завёл разговор — не выясняй отношения, когда Калидия в оболочке. Она потом ужасно раскается, но тебе это уже не поможет, а я, увы, исчерпал лимит на оживление мёртвых девочек.

— Вы говорите ужасные вещи, Михл!

— Потому что я старый злобный мудак? Циничная сволочь, которую никто не любит? — припомнил я с усмешкой наш давний разговор.

— Нет, простите. Вы правда хотите помочь. Но я справлюсь.

— Ты сильная девушка, — согласился я. — Но это редко приносит счастье в личной жизни. Ладно, поставим разговор на паузу до прояснения обстоятельств. Надеюсь, что предмет беседы ещё существует — Калидии давно пора бы вернуться…

* * *

Калидия не вернулась. Мы просидели до утра — Алька засыпает, пригревшись на моём плече, тревожно подскакивает, проснувшись:

— Ещё нет?

— Нет, спи.

— Я не сплю! — и засыпает снова.

Может быть, пару раз задремал и я, но старикам надо меньше сна. Когда окончательно рассвело, мы признали, что всё плохо.

— Калидия убита или попала в плен, — сказал я Анахите. — Не знаю, что хуже.

— А Багха? Как же моя Багха? — заволновалась Нагма.

— Багха тоже не вернулась.

— Мы должны её найти! — решительно заявила она. — Как девочка, которая искала котика!

Калидия её волнует меньше, Нагма её не очень любит и упрямо называет «худая-вредная», хотя девушка уже вернулась к нормальному весу.

— Я тоже за разведку, — сказал я. — Боевая единица из меня сомнительная, но хотя бы попробую выяснить, что случилось.

— Я с вами! — тут же заявила Алиана.

— Ни в коем случае, — решительно осадил её я. — У меня хотя бы боевой опыт, а ты будешь балластом.

— Я знаю горные тропы! — сказала Анахита. — Могу проводить.

— Прекрасно, постарайся описать их словами или попроси Нагму нарисовать. Но со мной ты не пойдёшь, у тебя дочка, ей нужна мать.

— Знаешь, — сердито сказала Анахита, — дедушка ей тоже пригодится. Ты за месяц сделал для неё больше, чем… неважно кто за всю её жизнь.

— За меня не волнуйтесь, я старый, а значит, осторожный. Прогуляюсь, посмотрю и обратно. Если она в плену, может быть, удастся её спасти. Обменять, например.

— На что? — скептически спросила Анахита.

— Понятия не имею. Но что-то же им тут надо? И дело тут не в дочери Креона, потому что владетелю на неё плевать. Она не годится для торга или шантажа, поэтому её ценность относительна. В крайнем случае, сдадим им замок.

— Замок, за девчонку? — удивилась Анахита.

— Нам его не удержать, так что это вариант. Надеюсь, они ещё не узнали, какая тут инвалидная команда засела. Кстати, кто-нибудь видел Берану? Если у неё есть способ командовать Багхой, может быть, есть и способ её найти?

Стали вспоминать, кто, когда и где видел мать Калидии —

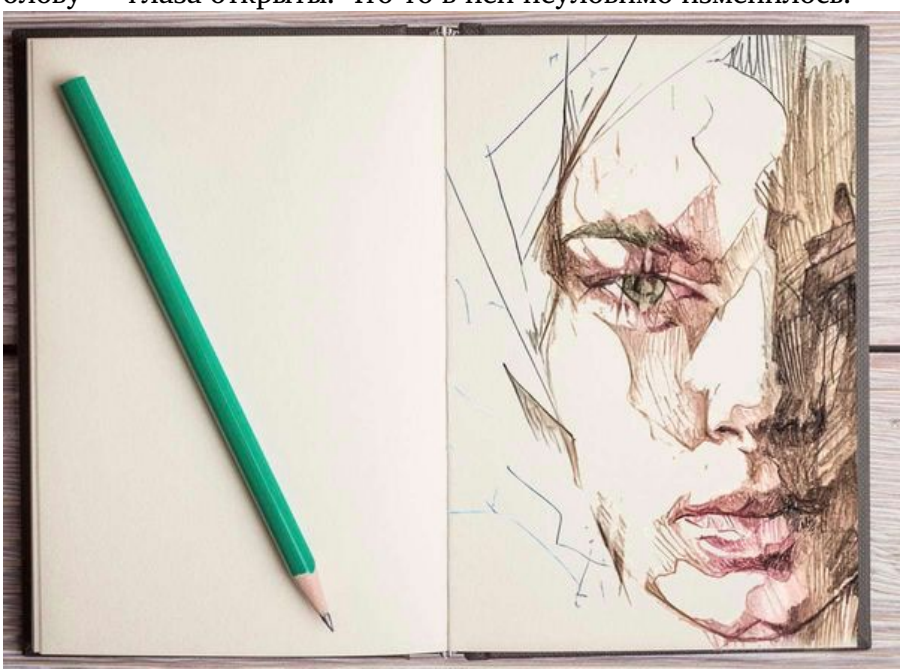
оказалось, что последними были мы с Нагмой. После того, как она стремительно свалила с нашего портретного урока, никому на глаза больше не попадалась. Анахите пришлось самой и качать воду, чтобы помыть дочку, и притащить из подвала уголь для печки.

Все согласились, что это странно, — Берана всегда была где-то рядом.

Нашлась она в своей комнате, где просто лежит на кровати, глядя в потолок.

— Берана, ты не спишь? — спросил я, чувствуя себя весьма неловко.

Не знаю даже, она вообще спит? Женщина повернула ко мне голову — глаза открыты. Что-то в ней неуловимо изменилось.



— Берана, я не могу приказывать, я не владетель и вообще тебе никто, но Калидия попала в беду. Не знаю, значит ли она что-то для тебя, и что вообще такое теперь «ты», но, если можешь чем-то помочь, — я прошу тебя, помоги. Она ушла с Багхой, я собираюсь её искать. Сможешь подсказать, где? Может, на кисе есть маячок?

Женщина встала и принялась молча одеваться. Сбросила домашний наряд, продемонстрировав, что кибернетизация не испортила фигуру, надела защитного цвета штаны, майку с длинным рукавом, тёплую кофту, куртку, натянула высокие ботинки. Всё это со склада, я там видел походное шмотьё. Не думал, что Берана запаслась.

Я направился за ней, следуя вниз по лестнице. На складе

женщина открыла один из «невскрываемых» сейфов — просто потянула за ручку, и он открылся. Я не успел подробно разглядеть содержимое, но кажется, там оружие. Вытащила два шлема. Один напялила себе на голову, другой протянула мне.

— У меня свой есть, — сказал я, но она сунула его мне в руки таким настойчивым жестом, что я не стал спорить. Может, у них по уставу так положено — всем в одинаковых касках ходить.

Берана закрыла сейф и уставилась на меня с ожиданием.

— Чего?

Женщина постучала себя пальцем по шлему. Я вздохнул и надел тот, что она выдала мне. На прозрачном забрале ярче проступили контуры предметов, стало лучше видно в тенях, а ещё на лестнице появилась стрелка вверх.

— Так ты собираешься со мной в горы? — догадался я наконец.

Берана молча пошла по ступенькам. Я подёргал ручку сейфа — опять закрыто. Вот чёрт.

Я зашёл к себе в комнату за разгрузкой, бронником и автоматом, потом на кухню — собрал сухпай и взял воду, надел тёплую куртку, тоже взятую из складских запасов. В общем, провозился прилично, но, когда вышел на улицу, увидел, что Берана терпеливо ждёт меня во дворе.

* * *

Первую пару километров я бодрился, несмотря на нарастающую боль в ногах, но потом плюнул на своё абсурдное джентльменство и отдал рюкзак женщине. То есть, киборгу, конечно. Женщине было бы некрасиво, а киборгу как бы и ничего.

Берана прёт в гору, как реактивный трактор, а у меня мышцы ног превратились в ноющий кисель уже на втором подъёме. Сердце колотится, в глазах темнеет.

— Да стой ты, горный локомотив, — не выдержал я, — мне надо передохнуть. Я старенький, я ж кони двину.

Женщина остановилась, огляделась, села на камень.

— Не простудишь себе чего-нибудь? — я пощупал камни, они ледяные после ночи, только что иней сошёл.

Я-то предусмотрительно прихватил с собой каремат-поджопник. Берана, разумеется, ничего не ответила, да я и не ждал. Уселся, достал блокнот, карандаш, стал набрасывать скетч портрета. Надо отдышаться минут двадцать.

— Может быть, тебе там и нечего простуживать, — говорю с ней, как с сидящей кошкой, не ожидая ответа. — И очень, кстати,

жаль, потому что женщина ты красивая. И дочке твоей, если мы её найдём, очень бы пригодилась мать. Потому что таращит её уже совсем не по-детски, комплекс на комплексе сидит и психозом погоняет. И куда они её загнали прошлой ночью — один Ктулху знает. Ктулху и, я надеюсь, ты. Что скажешь, женщина-паровоз, ты знаешь, куда мы идём, или наугад меня в горы тащишь?

На визире моего шлема зажглась стрелочка, показывающая направление. Кстати, отнюдь не на кыштак.

— О, ты меня понимаешь, отлично, — кивнул я. — И далеко нам ещё?

Стрелочку сменила карта. Очень схематичная и крупная, но привязаться к местности можно.

— Спасибо, сразу бы так. Моим темпом долго ковылять, но не так далеко, как я боялся. Вряд ли ты сможешь объяснить, откуда тебе известны координаты, да?

Карта погасла, на её месте проявилась простенькая картинка со злым шипящим котиком.

— Ого, тут и стикеры есть? — удивился я. — А, стоп, торможу. Это же Багха, да?

Надо же, у нас есть канал коммуникации. Слабенький, но лучше, чем ничего. Философский вопрос «А с кем именно я сейчас коммуницирую» оставим на потом. Надеюсь, это настоящая Берана подаёт мне сигналы в узкую щёлку, которую удалось проковырять в блокировке. Но вполне может быть, что это какой-нибудь резервный технический протокол обмена для киберов, как-то совмещённый с интерфейсом шлема.

— Значит, я был прав, в ней маячок. Логично. Животное редкое, уникальное, краснокнижное. Дорогое, опять же, наверняка. За ней глаз да глаз нужен.

Я разговариваю и рисую, но референс не всплывает. Такое ощущение, что в рисунке не хватает чего-то важного. Увы, я все ещё бесполезен. Печаль.

— Прости, Берана, — вздыхаю я. — Мироздание перестало смотреть моими глазами, и я его понимаю. На кой черт ему глаза подслеповатого старика? Так что пойдём потихоньку дальше. Будем делать, что можем, и будь что будет.

Сложнее всего встать, разогнуться, сделать первые пять шагов. Икроножные и бедренные мышцы как будто били палками до онемения, и вот это онемение отходит, и приходит боль. Но если её перетерпеть, то втягиваешься и идёшь дальше. Шаг за шагом. Тогда ноги отпускает, и начинает болеть спина. Бронежилет как будто весит тонну, мышцы постоянно напряжены, компенсируя вес боекомплекта в нагрудных карманах нагрузки,

автомат перекашивает набок. Раньше я так мог идти весь день, а теперь пара километров — и всё. Пульсация в голове нарастает, каждый шаг отдаётся в затылок…

Хреново быть старым.

— Стоп, Берана, надо передохнуть, — останавливаю я неутомимую киборгессу. — Идти осталось немного, но лучше мы… То есть я, придём отдохнувшими, а не падая с ног. Вдруг война, а я устамши?

Неизвестно, где именно Багха, что с ней, рядом ли Калидия. Вдруг их удерживают в плену? В этом случае мне лучше быть хоть в какой-то форме.

Мы снова уселись на камни — я на каремат, женщина просто так. Достал блокнот, карандаш — отвлекусь от боли в ногах. Только нацелился продолжить, она решительно отвернулась.

— Что-то не так, Берана? Не рисовать тебя?

Женщина кивнула.

— Ладно, в гробу отдохну, пошли.

* * *

Багху нашли в пещере. Она глухо рыкнула на меня, но, увидев Берану, посторонилась и пропустила нас внутрь.

Калидия в оболочке — значит, жива. Лежит в выемке каменного пола, рядом несколько мёртвых горных козлов. Горла

их разорваны, на полу следы крови. Умная киса поливала оболочку, чтобы та не сожрала носительницу, которая, видимо, без сознания. Сама Багха тоже выглядит пострадавшей — ссадины на шкуре, приволакивает левую заднюю лапу, вмятины на сегментах брони. Похоже, вляпалась наша штурмовая кавалерия. Одна из козлиных туш объедена, значит, кошечка как минимум не потеряла аппетит. Это хороший признак.

Девушку кое-как закрепили на Багхе. Сидеть она не может, просто перекинули через спину, как мешок. Кикатта осторожно выползла из пещеры, аккуратно встала на ноги, захромала за нами. Обратно тащились ещё дольше, чем туда, я вымотался окончательно и еле дошёл. Берана отнесла дочь в спальню и как-то уговорила оболочку раскрыться.

Я ожидал невесть чего — но кроме нескольких больших синяков, уже почти рассосавшихся, заметных травм нет. Похоже, оболочка, получая внешнее питание, лечила носителя. Когда её сняли, девушка почти сразу пришла в себя.

— Ну, что, рад? По-твоему вышло? — это я получил вместо «спасибо». — Ну, давай, скажи своё «Я же говорил»!

— Я же говорил, — повторил я за ней без всякого энтузиазма, осторожно пальпируя травмы.

Гневный пафос несколько смазан тем обстоятельством, что девушка лежит передо мной голая. В этой позе сложно доминировать, хотя она честно пытается.

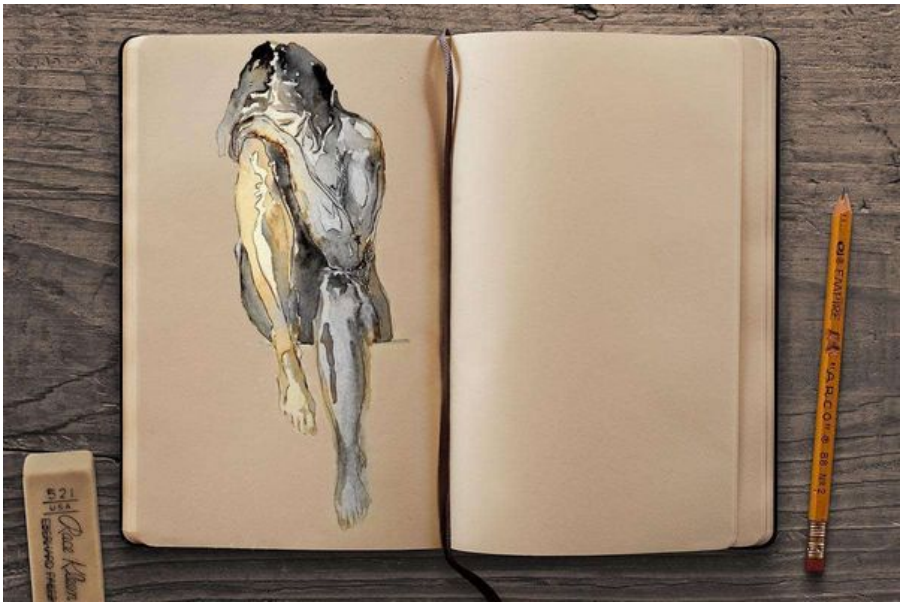
— Кали, дорогая, как я рада, что с тобой всё в порядке! — суетится рядом Алиана. — Я так волновалась! Я боялась, что ты уже не вернёшься!

— Никто из вас в меня не верил! Неудивительно, что так вышло… — буркнула Калидия.

Ага, это мы виноваты. Кто б сомневался.

— Кали, перестань, — укоризненно сказала Алька.

— Что «перестань»? — подскочила на кровати девушка и, отпихнув меня, прикрылась одеялом. — Конечно, я никчёмная полукровка, в меня вообще никто никогда не верил! Все ждали, что я сдохну при слиянии! А я доказала, что могу выдержать! Я что угодно выдержу!



— И зачем? — спросил я спокойно. — Сиди смирно, не крути башкой.

Посветил фонариком в глаза — реакция зрачков нормальная. Возможно, обошлось без серьёзных травм головы, хотя шишка на затылке есть.

— Что «зачем»?

— Зачем доказывать? Кому доказывать?

— В первую очередь — себе! — заявила она решительно. — Владетель должен постоянно доказывать, что он достоин править!

— Херово, получается, быть владетелем, — посочувствовал я, надевая ей на руку тонометр. — Да не дёргайся ты, посиди спокойно, вон, пульс скачет. Не живёшь, а только право доказываешь. Пока доказал, глядь — уже вперёд ногами несут. Следующий пожалуйте доказывать. Говно, а не жизнь.

— Вам не понять! — гордо заявила Калидия.

— Ну, не понять так не понять, — согласился я. — Голова не кружится, не тошнит?

— Нет! — заявила она слишком резко для того, чтобы это было правдой.

— Как скажешь. Можешь отдыхать. Насколько я определяю в пределах доступных мне методов диагностики, ты практически здорова. Небольшое сотрясение, несколько ушибов мягких тканей. Рекомендую покой, калорийное питание, пить побольше воды, поменьше нервничать и говниться.

— Отстаньте! Не вам меня поучать! — огрызнулась девушка.

До отчёта о боестолкновении Калидия снизошла только вечером. Как я и предполагал, наёмники оказались не дураки и

устроили ей ловушку. Когда она прискакала на Багхе в кыштак, никто не стал выскакивать в трусах и палить в темноту. Зажглись прожектора, и из каждого окна открыли огонь. Оболочка выдержала, но пулемёты и гранаты — даже для неё чересчур. Чем-то тяжёлым прилетело в затылок — и, если бы не Багха, то всё. Но киса вытащила потерявшую сознание наездницу из-под огня и уволокла в пещеру. Хорошая киса, умница. Не зря её Нагма гладит и обихаживает во дворе. Вся изнылась: «Багхе сделали больно, бедная Багха, дедушка Док, давай её полечим!» Нашла, блин, ветеринара.

Выдали кошечке баранью тушу и тем ограничились. Надеюсь, само заживёт.

— Калидия злая, — сообщила мне Нагма, устроившись на кровати для вечернего урока.

— Она тебя обидела?

— Меня — нет. Но она на тебя грубо говорит. Разве можно грубо говорить на старых? А с мамой моей вообще не говорит, как будто её нету. Ни «здрасьте» ей не скажет, ни «спасибо». А мама её кормит! У мамы же вкусный плов, дедушка Док?

— Отличный плов, — соглашаюсь я.

— Чего она тогда, как будто невкусный? Ест, а у самой лицо злое. А ещё красавица! Разве так бывает, дедушка Док?

— Как, почемучка?

— Чтобы красивая — и злая. Вот мама красивая — и добрая. Алька — красивая и добрая. Берана красивая и тоже добрая. Наверное. Мне так кажется. Я думаю, дедушка Док, её просто кто-то заколдовал.

— Берану?

— Да. Как в сказке. Я в детстве читала, пока мулла книжку не сжёг. Там какое-то колдунство случилось, я плохо помню, но у кого-то стало ледяное сердце. А у неё как будто наоборот — все ледяное, а где-то внутри сердце. Настоящее. Я, когда рисую, то его чувствую немножко. Но она сказала, что не надо её пока рисовать.

— Сказала? — удивился я.

— Ну, не то, чтобы сказала… Просто я поняла, что она не хочет. Но не поняла, почему.

— Боится стать бесполезной.

— Как человек может быть бесполезным? — удивилась Нагма. — Даже ты, совсем старый, и то полезный. Учишь меня. А она ещё не очень старая и такая сильная! От неё много пользы — она воду качает, уголь носит. Люди не могут быть бесполезными! Они же люди! Если Аллах дал родиться, то это не зря, потому что Аллах ничего зря не делает.

— Надо бы это Калидии рассказать, — улыбнулся я. — А теперь берись за блокнот, попробую тебе объяснить про умножение…

Глава 9. Стрельба и истерики

— Ты точно не видела ни киберов, ни владетелей в оболочках? — допрашиваю я Калидию.

— Нет, только наёмников. И я им покажу, как нападать на владетелей!

— Они и сами в курсе…

Безумная девица хочет снова рвануть в ночной рейд и отомстить обидчикам, но я её не пускаю. Для этого пришлось прибегнуть к насилию — без оболочки она всего лишь девушка весом меньше полцентнера. Её бы это не остановило, я не в лучшей форме для спаррингов, но внезапно выяснилось, что Берана закрыла склад. Как Калидия на неё ни орала, как ни топала ножками и ни трясла кулачками, мать просто игнорировала этот поток сознания, глядя мимо с лицом спокойным и безмятежным. Драться с ней девушка не стала — то ли потому, что мать, то ли потому, что кибер, — но запоздалое подростковое «Я тебя ненавижу!» прозвучало.

Под горячую руку огребла Алька, которая вместе со мной осторожно пыталась отговорить любимую от самоубийственного рейда. Как назло, Калидия выбрала самую оскорбительную формулировку, почти дословно совпавшую с тем, что однажды сказал Алиане «отчим Родл»:

— Что ты себе позволяешь, грелка постельная! Не тебе говорить, что мне делать, а что нет!

Алька дёрнулась, как будто её ударили, окаменела лицом, побледнела, на щеках зажгись пунцовые пятна, в глазах выступили слёзы. Развернулась и молча вышла.

Калидия стоит и мрачно смотрит ей вслед. Поняла, что перегнула палку, но уже поздно.

— Если ты сию секунду не побежишь за ней и не попросишь прощения, — сказал я, — вашим отношениям конец.

— Иди к чёрту, старый трухлявый козёл! — промаршировала

в комнату и дверью хлопнула.

«Состояние у тебя истерическое, скушай, доченька, яйцо диетическое…» — процитировал я ей вслед, но она меня, конечно, не услышала.

— Вот же бестолочь, — сказал я стоящей молча Беране. — А ведь взрослая, практически, барышня. Я всё понимаю, но знаешь, мне кажется, ей сейчас очень не хватает матери.

Женщина молчит, смотрит вдаль, лицо её пусто. Ну и ладно.

Альку нашёл на стене, в моём караульном гнезде. В горах окончательно стемнело, на улице похолодало, пошёл мелкий редкий снег.

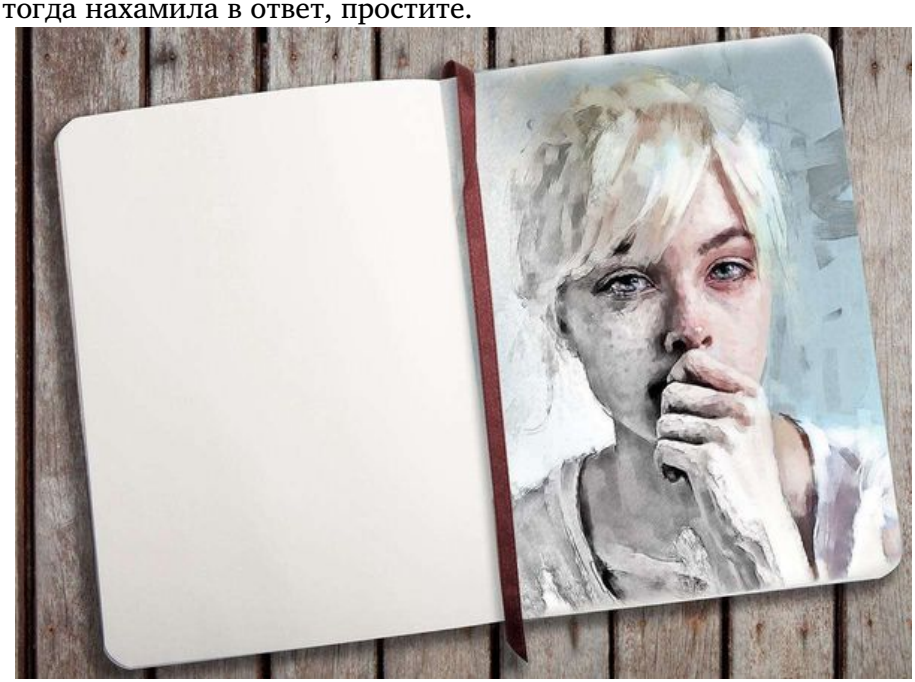
Я сел рядом, замотал нас одеялами в общий кокон, налил из термоса горячего чая.

— А вот и зима начинается, — сказал я ей, подавая кружку.

— Да, первый снег. Вы были правы, Михл.

— В чём?

— Вы как-то сказали, что Кали однажды станет мне вторым Родлом. И это будет куда больнее, потому что я её люблю. Я вам тогда нахамила в ответ, простите.



— Не извиняйся, я предпочёл бы не быть правым.

— Вы сейчас скажете, что она ляпнула в сердцах, что вышло не специально, что она не могла знать, да?

— Нет, Алиана, не скажу. То есть, это, в общем, так и есть, но всё равно — дело не в подборе слов. Она поступила отвратительно. Сорвала злость на том, кто не может ответить. На человеке, который её любит. Это поступок слабого.

— Она же ненавидит слабость! Презирает слабых!

— Потому что в глубине души считает слабой себя. Калидия ненавидит и презирает Калидию. Это предельно саморазрушительный внутренний конфликт, который убил бы её уже сегодня — если бы Берана не заперла оболочку на складе. То, что она сказала тебе, говорилось себе самой.

— И что же, — саркастически спросила Алька, — мне её простить? Опять? Принять во внимание, пожалеть, утешить, ждать следующего раза? И что будет в следующий раз? Она меня ударит? Или сразу мечом рубанёт?

— Нет. Не надо её прощать.

— Нет? Вы сказали «нет»? Я думала, вы пришли спасать наши отношения, наводить порядок и поднимать моральный дух в гарнизоне. Мы же на войне, да?

— Мы на войне, Алька, но я вам не командир, вы мне не гарнизон, у нас нет боевой задачи, мы просто ждём, когда нас убьют. Я пришёл, чтобы ты не грустила одна. Чай вот принёс. С травками и горным мёдом, Анахита заваривала.

— Спасибо, Михл. Мне очень больно сейчас. Мне много раз делали больно, но никогда — так сильно.

— По-настоящему больно может сделать только близкий человек.

— Что мне делать? Скажите, Михл, вы умный — что мне делать? Я ведь её люблю. Понимаю, что надо расстаться, плюнуть и забыть, что будет только хуже… Но как только представлю себе: «Всё, Алька, дальше живём без Кали. Словно её не было», — сразу заливаюсь слезами. Как будто надо своими руками сердце себе вырвать.

Девушка всхлипнула и прижалась ко мне плотнее.

— Я не знаю, что делать, — признался я. — Хорошего решения нет, придётся выбирать из плохих. Видишь ли, проблема отчасти в том, что хотя вы одного возраста, на самом деле ты старше.

— Почему?

— Ты выросла в среде, которая ускоряет взросление, а она — наоборот. Твоя обида и боль — реакции взрослого человека, которого жестоко и незаслуженно оскорбили. Её поведение — идиотский саморазрушительный протест подростка. Она кричала матери: «Я тебя ненавижу», — но Берана не может ответить. Тогда она оскорбила тебя, потом меня, но сделать больно при этом пыталась себе. Когда подростки кричат на родителей, то наказывают не их, а себя. Добиваются, чтобы их ударили, наорали в ответ — хотя бы так дали понять, что им не всё равно. Что ребёнок для них существует.

— Вы опять её оправдываете, Михл.

— Нет, Алька. Я не оправдываю и не обвиняю. Я показываю причины, чтобы ты поняла следствия.

— И какие, по-вашему, будут следствия?

— Она погибнет. Скорее всего, в героически-ненужном бою. Чтобы доказать, что чего-то стоит. С неосознаваемым посылом «Вот буду лежать такая красивая и мёртвая, тут-то они зарыдают!».

— Детский сад какой-то, — буркнула Алиана.

— Детство с нами навсегда.

— И что, я должна её простить и утешить, чтобы этого не случилось?

— Нет. Ты ей ничего не должна. У тебя своя жизнь. Я хочу, чтобы ты поняла — ваши отношения не партнёрские, и не будут таковыми. Но не потому, что ты сирота, а она дочь владетеля, а потому, что это отношения «взрослый-ребёнок», и в роли взрослой оказалась ты. Она выливает на тебя негатив — и одновременно требует одобрения, ждёт безусловной поддержки — но при этом категорически отрицает твою ценность, обижает — и жаждет в ответ любви. Это коммуникация подростка и родителя, а не партнёров.

— Я что, должна её удочерить? — фыркнула Алька.

— Из этого не вышло бы ничего хорошего. Отношения родитель-ребёнок заканчиваются тем, что ребёнок уходит. Ты хочешь нянчиться с Калидией, принимая всё это, чтобы потом она сказала: «Спасибо тебе, теперь я выросла и мне пора. Буду иногда заходить в гости, поплакаться, если что-то в жизни пошло не так. Кстати, познакомься — это Вася, я выхожу за него замуж…»?

— Какой Вася? — растеряно спросила Алиана.

— Любой Вася. Или Петя. Или Маша. Кто-то, с кем она попробует выстраивать взрослые отношения, а не родитель-ребёнок. Ты в этом качестве рассматриваться по определению не будешь.

— Отличная перспектива, Михл. Вы как всегда позитивны.

— Напомню — несколько минут назад, на этом самом месте, ты признала, что мой прогноз был верным.

— Я помню, — вздохнула она. — И не спорю. Наверное, вы правы и сейчас. Но мне от этого не легче. Неужели нет способа разрушить этот дурацкий замкнутый круг?

— Может быть, и есть, — признал я неохотно. — Если вернуть ей мать, то она с ненулевой вероятностью переключится со своими запоздалыми подростковыми проблемами на неё. Может быть — именно «может быть», — это освободит в ней возможность для нормальных, нетоксичных отношений с

партнёром. И ещё одно «может быть» — может быть, этим партнёром будешь ты. Уверенности в том, что все эти вероятности совпадут, сама понимаешь, никакой.

— Это лучше, чем ничего, — грустно сказала Алиана. — Но вы же всё равно не знаете, как вернуть ей мать?

Я не ответил ни «да», ни «нет». Мироздание больше не хочет смотреть моими глазами, но, кажется, я знаю, чьими хочет.

* * *

Калидия пришла, когда мы допили чай, и Алька, прорыдавшись мне в разгрузку, уже начала задрёмывать. Девушка соткалась из темноты и сказала мрачно:

— Док, вы не могли бы нас оставить?

— Нет, — сказал я спокойно. — Это караульный пост. По уставу я должен спросить «Стой, кто идёт», а потом пристрелить тебя нахрен. Это решило бы кучу проблем морально-психологического свойства.

— Так почему вы этого не делаете?

— Патронов мало.

— Понятно. Алиана, отойдём поговорить?

— Не хочу, — решительно ответила девушка. — Тут тепло, а там снег идёт. Да и говорить нам не о чём. Что за разговоры с постельной грелкой?

— Аль, ну что ты начинаешь! — сморщилась Калидия.

— Я не начинаю, Кали. Я закончила.

— Мы что, при нём будем отношения выяснять? — Калидия невежливо ткнула в меня пальцем.

— Нам нечего выяснять, — упрямо сказала Алиана. — Нет у нас никаких отношений, спать иди. Сама себе постель нагреешь.

— Ах, вот как, да? Это всё он, твой драгоценный Михл? Наговорил тебе про меня гадостей, а ты уши развесила? Может, и постель ему греть будешь?

— Захочу — и буду! Тебя это уже не касается! Он тебе, кстати, жизнь спас!

— Я его об этом не просила! И тебя ни о чём не просила! Хотела извиниться, а теперь не буду! Сама дура! Я думала, ты со мной, а ты вон какая! Предпочитаешь противных стариков, да? Так возвращайся к своему Родлу! Соси его мерзкий член, чтобы он смог в тебя его засунуть! Дрянь! Дрянь! Дрянь!

Девушка зарыдала и убежала в темноту, а мы несколько минут сидели молча.

— Никогда не думала, что она меня этим попрекнёт, —

сказала, наконец, Алька. — Однажды рассказала ей… Тьфу. Меня, кажется, сейчас стошнит. Как можно быть такой бессовестной?

— Реакция обиженного ребёнка, который пытается ударить маму посильнее. Он не понимает, что может сделать ей больно, потому что она уже взрослая.

— Простите, что вам пришлось это выслушать, Михл. Мне почему-то очень за неё стыдно.

— Реакция взрослого, — улыбнулся я.

— Хватит с меня на сегодня психологии. Я спать пойду. Или рыдать в подушку — ещё не решила. Останетесь здесь?

— Посижу ещё. Не спится.

— Спасибо вам, — сказала она и ушла.

* * *

— Эй, дедушка Док, ты живой?

Проснуться от того, что в тебя тычут палочкой, — странное ощущение.

— Ты скажи, живой или нет, — настаивает Нагма, — а то я мертвецов боюсь.

— А если я говорящий мертвец? — проскрипел я, пытаясь понять, есть ли у меня ещё тело, или после сна сидя от него осталась только фантомная боль в спине.

— Таких не бывает! — рассмеялась девочка. — А чего ты на стене спишь? Я пришла сказать, что завтрак, а тебя нету.

— Я есть, — пришёл я к выводу, попробовав подвигаться.

Страдаю — значит, существую. Patior ergo sum.

— В комнате тебя нету! — уточнила Нагма.

— Уснул, вишь, на посту, — признался я. — Старость не радость.

— Ничего, — утешила меня девочка, — враги не напали. Наверное, ты, дедушка Док, их своим храпом напугал.

— Я храпел?

— Как шайтан! Нет, как два шайтана!

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, Нагма. Максимум — как полтора. Помнишь, мы проходили дроби?

— Да, полтора — это один и ещё половинка. А разве половинка шайтана может храпеть?

— Если это верхняя половинка. Если нижняя — то только пукать.

К лестнице иду под заливистый девичий хохот. Шутки про жопу неизменно успешны.

* * *

— Дедушка Док! А что это там такое летит?

— Ложись!

Люди, никогда не бывшие под обстрелами, не умеют реагировать на команду «Ложись!» правильно. Правильная реакция одна — в ту же секунду упасть мордой вниз, и только потом думать, куда ты упал, что под тобой, что над тобой, что случилось и случилось ли вообще что-нибудь. Потому что в этом случае у тебя будет чем думать, во всех прочих — не факт. Однако правильная реакция вырабатывается только у тех, кому повезло пережить неправильную. Тот, у кого такого опыта нет, непременно сначала спросит что-нибудь умное, типа «Что случилось?», потом покрутит головой, оглядываясь вокруг, потом посмотрит под ноги — не слишком ли там грязно, потом осторожно опустится, сначала на колени, потом подставив руки, до самого конца сомневаясь, а стоит ли… Если тревога не была ложной, закончить эту процедуру будет уже некому.

Поэтому одновременно с криком: «Ложись!» — я уже летел по стене, сшибая с ног Нагму и накрывая её собой. Осколок от сдетонировавшего об башенку НАРа, — или что там было — клюнул меня в наспинную пластину бронежилета. Пробил или нет — с перепугу не понял. Не слушая испуганный писк придавленной девочки, поднялся на колено, поймал удаляющийся беспилотник коллиматором, высадил вслед три коротких очереди.

Не попал. Аппаратик мелкий, стрелок я средний, руки от адреналина трясутся. Пощупал спину, сунув руку под броник — вроде сухо, крови нет. Мелкий был осколочек, но Нагме хватило бы. Вот бляди.

— Ты как, цела?

— Ты меня придавил! Синяки будут!

— Синяки — не самое страшное, — ответил я, нервно ощупывая девочку.

Вроде бы не пострадала, повезло. Но какая тварь? Ладно бы по мне, но видели же, что ребёнок рядом! Это не владетельская штука, это из нашего мира аппарат. Лёгкий разведывательно-ударный БПЛА. Какой именно — не опознал, далеко. Да и до чёрта их сейчас, все не выучишь.

— Что это было, дедушка Док? — спросила Нагма, разглядывая след от взрыва на башенке.

— Это нас, егоза, убить хотели.

— Зачем? Мы же хорошие.

— Может быть, именно за этим. Не нравятся им хорошие. А может, ночной визит Калидии им не понравился, и они вот так выразили неудовольствие…

Башенка, надо сказать, от ракеты почти не пострадала. Так, небольшой закопчённый скол на камне. Крепко сложено, да и ракета была небольшая, противопехотная фугаска, с боевой частью чуть мощнее гранаты. Стены такими не развалить, но дело ведь не в стенах. Те, кто запустил по нам БЛА, проверили позицию на наличие ПВО, убедились, что оно отсутствует, а значит, нас можно просто запереть в помещениях. Если беспилотников у них хотя бы штуки три, устроят «каруселька» — будут сменять их для заправки, держа один всё время в воздухе над замком. Как кто выйдет на крыльцо до ветру — бац, ракета. Может быть у них три аппарата? Да хоть тридцать. Такой килограммов десять всего и весит без подвески. Дурак я — прикинул, что вертолёт в кросс-локус не просунуть, и успокоился, а про БПЛА и не подумал вовсе. Десант с него не высадишь, но если нас на стены не выпускать, то десант и не нужен — заходи, кто хочешь, бери, что хочешь…

На самом деле, оно всегда так было, при нашем-то куцем гарнизоне, но теперь этот факт стал известен противнику. Надо Багху со двора отослать, слишком крупная мишень.

— Не буду я отсылать Багху! — упёрлась Калидия. — Если бы вы не помешали, я бы им…

— Ты им уже, — перебил я девушку. — А мы потом тащили тебя по горам, полудохлую. Сиди уже, кавалеристка.

— И что ты предлагаешь? Сдаться?

Калидия злится. На несговорчивого меня, на не разговаривающую с ней и отселившуюся в отдельную комнату Альку, на игнорирующую её Анахиту, на равнодушно молчащую Берану, даже на маленькую, но ехидную Нагму. Но больше всего на себя, конечно. Так и тянет барышню учинить какую-нибудь суицидальную хрень.

— Предлагаю не делать очевидных глупостей. При наличии воздушной разведки ты не сможешь напасть внезапно, а без фактора внезапности они возьмут плотностью огня.

— И что? Сидеть и ждать пока они полезут на стены? — не унимается Калидия. — Я знала, что окружена трусами!

— Заткнись, — сказал я грубо, — достали твои истерики. Берана, надежда только на тебя. Я не могу тебе приказать, и не уверен, что ты понимаешь просьбы. Но если ты можешь нам чем-то помочь, то самое время.

Берана сидит молча, смотрит в стену, но я не сдаюсь:

— Они же убьют нас всех. Не знаю, какие директивы у тебя в прошивке, может быть, тебе наплевать. На меня наплевать, на себя, на всех остальных. Но вот твоя дочь. Тебе стоило бы вернуться к её воспитанию, пока она тут всех не перекусала, но с этим можно подождать. А вот если её убьют, это уже не исправишь.

Женщина молча встала, подошла ко мне. Я слегка напрягся — а ну, как программа требует устранить раздражитель, призывающий выйти за рамки алгоритма? Сейчас оторвёт мне башку, очень даже запросто. Сил хватит. Но Берана протянула руку к моей груди, и безошибочно вытащила из разгрузки блокнот.

— Уверена? — спросил я.

Ответа не последовало, но, когда я, зацепив за шиворот растерявшуюся Нагму, отправился в нашу импровизированную студию, она пошла за нами. Калидия смотрит нам вслед молча, сверлит спину злым взглядом. Но броник осколком не пробило, а взглядом тем более не просверлишь.

— Садись на колени, — сказал я Нагме. — Будем рисовать портрет.

— Мы ведь уже рисовали, много раз, — удивилась девочка.

— В этот раз ты будешь моими глазами, а я твоей рукой.

— А получится, дедушка Док?

— Обязательно получится. Не думай об этом. Вообще ни о чём не думай — смотри на Берану, смотри на лист, постарайся увидеть, что на нём должно быть нарисовано.

— Как что? Немая-странная! Мы же её рисуем!

— Какой именно она должна получиться? Задумчивой?

Весёлой? Хитрой? Расстроенной?

— Расстроенной, наверное… Знаешь, дедушка Док, мне кажется, ей всё время грустно. Просто она забыла, как плачут. Наверное, у неё внутри полно слёз, которыми она не умеет плакать, поэтому она такая странная.

— Представь, что это ты рисуешь, но не бери карандаш. Положи свою руку поверх моей. Нет, не пытайся её вести, просто представляй картинку.

Я быстро набрасываю контур — абрис головы, плечи, шею. То, на что рука набита. Лицо — пока пустым овалом. Линии, по которым потом появятся глаза, нос и рот. Это ещё не рисунок, это разметка под него. Берана сидит идеально неподвижно, смотрит мимо нас. Я не пытаюсь поймать референс, как делал всё это время, выматывая себя и Нагму. Меня тут нет, я просто карандаш в руке. Карандаш, рисующий линию за линией. Карандаш не видит объект, карандаш не видит бумагу, карандаш — просто инструмент. Я инструмент в руке Нагмы, она рисует мной так, как ещё не умеет сама. Может быть, это тупая идея, но других у меня нет.

Я вижу бумагу, но не смотрю на неё. Я вижу, как ложатся штрихи, но не смотрю на результат. Мне вдруг стало очень легко, как, наверное, легко падающему в пропасть со стены замка. Легко — и страшно. Во что я втянул этого ребёнка? Как я буду смотреть в глаза Анахите?

— Наверное всё, дедушка Док, — сказала неуверенно Нагма, разглядывая рисунок. — Знаешь, в этот раз я, кажется, сумела. Но получилось почему-то грустно.

Женщина на портрете печальна, женщина на стуле плачет. Не лицом, одними глазами. По щекам бегут мокрые дорожки. Не заржавела бы.

Берана встала и молча вышла.

— Пойдём-ка за ней, Нагма, — предложил я. — Что-то мы с тобой натворили.

— Дедушка Док, а что это было? Что я видела, а ты рисовал?

— Я называю это «референс», зеленоглазка. Но ты можешь называть как хочешь. Нет правильных слов, потому что некому их придумать. Раньше я думал, что я один так умею, потом я разучился, а ты, вот, научилась.

— А ты совсем разучился? — спрашивает любопытная Нагма, пока мы спускаемся по лестнице за Бераной. — Разве так бывает, чтобы умел-умел — и разучился?

— Иногда бывает, как видишь. А совсем или нет — я не знаю. Вместе у нас что-то выходит.

— Я увидела, но не знаю, что. Это было очень странно, немного страшно, но приятно. Как будто Аллах моими глазами смотрел.

— Понимаю тебя, — вздохнул я. — Знакомое ощущение. Мне будет его не хватать.

— Не грусти, дедушка Док. Может, он ещё твоими посмотрит. Аллах добрый.

Берана спустилась в подвал, прошла тёмным коридором, подошла к стене, та открылась. На этот раз она не стала её закрывать, просто пошла дальше, поднимаясь по узкой крутой лестнице. Когда замок захватят, здесь можно принять последний бой. Этакие Фермопилы устроить. Жаль, патронов мало. Но, может, у Бераны ещё есть? Может, тут арсенал?

Оказалось, не арсенал.

— Это центр боевого управления, — сказала Калидия.

Я и не заметил, как она за нами просочилась. По лестнице уже поднимаются Алиана с Анахитой, в помещении становится тесно. Тёмная цилиндрическая комната внезапно осветилась — стены как будто растаяли, превратившись в один сплошной виртуальный экран с круговым обзором. Судя по ракурсу, мы в башне основного здания. Ну, или камеры, транслирующие изображение, в ней, а мы где-то ниже. Я бы так и сделал, башня — слишком очевидная мишень. Отсюда виден двор, дремлющая Багха — Анахита с Нагмой соорудили для неё навес с подстилкой, кошечка теперь устроена с комфортом. Видны стены с угловыми башенками, видна дорога и горы. Отличный обзор.

Берана сидит в кресле, откинув голову на подголовник, и на первый взгляд ничего не делает. Потом я замечаю, что её руки

двигаются — пальцы как будто трогают невидимые нити, сдвигают их, сплетают, связывают…

— Я же говорила — она кибер-хранитель, — сказала Калидия. — Не понимаю только, как вы смогли её активировать без ключа.

— Твоя мать сама себя активировала, — ответил я. — Мы, кажется, немного расшатали её заглушку, она получила чуть-чуть собственной воли.

— Так она стала собой или нет?

— Скорее нет, чем да, — пожал я плечами. — Но, если у нас будет время, мы с Нагмой, возможно, справимся.

— С Нагмой? — спросили одновременно Калидия и Анахита.

— Долго рассказывать, — отмахнулся я. — Потом. Смотрите, смотрите!

К моему облегчению все переключились на картинку. Берана, перебирая пальцами лежащей на подлокотнике кресла руки, как будто подтянула к себе фрагмент изображения — со стороны гор к замку летит беспилотник. Он заполнил собой фрагмент с увеличением — барражирующий ударный БПЛА, моноплан с толкающим винтом. Под килем корпуса подвешена небольшая ракета. Небольшая-то она небольшая, но мало не покажется.

— Там же Багха! — заволновалась Нагма. — Она же там одна! Они её обидят!

Девочка уже наладилась бежать во двор, спасать кошечку, но я её ухватил за плечо и удержал.

Беспилотник огибает замок по дуге, держась на приличной высоте, — передаёт картинку, ищет цели. Не электрический, видны срезы выхлопных патрубков. Поршневой мотор, не экофрендли, зато автономность большая. Может летать далеко и долго, может круги нарезать — ждать, пока появится мишень, на которую не жалко ракеты. Хорошо, что Багха прикрыта навесом.

Кто-то не пожалел денег и имеет хорошие связи — это военный аппарат, не переделанный гражданский. Он и дорогой, и продадут его не всякому, и оператор нужен обученный. У Слона не получилось в своё время купить такой. Он, конечно, изображал, что не больно-то и хотелось, но расстроился. Потому что злейший конкурент его смог. Не он ли это, часом, в горах засел? Кажется, мы это скоро узнаем.

На картинке ближних гор замерцали несколько оранжевых квадратиков. Ими система обзора выделила движение. Получив картинку с беспилотника, осаждающие выдвинули к замку штурмовые группы. Они пока далеко, приближения следящих камер не хватает, чтобы их толком разглядеть. Небольшие пешие отряды с лёгким вооружением. Скорее всего, одна или две группы попытаются залезть на стену под прикрытием БПЛА, чтобы,

оказавшись внутри, открыть ворота. Стены высокие, но, если закинуть верёвку с крюком, опытный человек влезет. При отсутствии организованного сопротивления даже одного хватит. Скинет верёвочную лестницу, будет прикрывать подъём остальных, те закрепятся и перекроют сверху двор, отправят группу к воротам — и основные силы войдут, как к себе домой.

О, вот и условная «группа Альфа» — команда прорыва периметра. Шесть человек в тактическом снаряжении вырвались вперёд, направляясь к стене бегом. А, нет, пять человек — и кибер. Мощный парень, железа больше, чем тела. У Креона были такие же юниты — туповатые, но сильные. Смотрю, наладили-таки взаимодействие между наёмниками и гвардией владетелей. То-то не торопились идти на штурм — небось боевое слаживание отрабатывали. Кибер и без верёвки на стену залезет, на одной дурной силе. И остальных вытащит — причём одной рукой, второй отстреливаясь. От кого? Да хоть от меня.

— Пойду, поприветствую гостей, — сказал я мрачно.

Шансов у меня почти никаких, но сдать замок без единого выстрела тоже не дело. Попробую сначала шугануть беспилотник, потом пережить ракету, которой он в меня пальнёт в ответ, а потом скинуть со стены этого железного болвана. Пока будет лезть, руки у него будут заняты, а снизу стрелять по мне неудобно, угол крутой. Вероятность примерно один на миллион или что-то вроде того, но надо же что-то делать.

— Вы тут запритесь, что ли… — попросил я Калидию.

— Не спеши, — сказала она. — Смотри, что сейчас будет.

Берана сделала несколько резких движений пальцами, и стальные люки на стене раскрылись, выплюнув вверх вертикальные цилиндрические тумбы с толстыми стволами. Первая разродилась короткой очередью по беспилотнику — всё произошло так быстро, что его оператор не успел отреагировать. Крылья в одну сторону, хвост — в другую, корпус развалился в воздухе, ракета упала на землю вместе с ним. Не взорвалась. Кто сказал, что у нас нет ПВО? Оказывается, есть.

И не только ПВО. Турели оказались универсальные. Расположенные на площадках небольших, прилипших к стене машикулей, они могут вести фланкирующий огонь, чем и занялись. Первым разобрали на запчасти туповатого кибера, остальные члены «группы Альфа» отреагировали на изменение оперативной обстановки и кинулись врассыпную.

Не помогло. Боеприпас турели явно рассчитан на поражение более прочной, чем человек, цели — киберов, техники, владетелей в оболочках. Наёмников в бронежилетах попадание рвёт пополам и расшибает в брызги. Я развернул и прижал лицом к себе Нагму, не надо ей на это смотреть.

Турели переключились на дальние мишени — группы наступающих, ожидавшие захвата стены. Но те оперативно откатились за перелом склона. Понесли ли потери — не разобрал. Надеюсь, что да. Я не злой, но и они нам не добра желают.

— Всё закончилось? — жалобно спросила Анахита. — Можно глаза открыть?

— Можно, — разрешил я.

Турели развернули стволы вверх, втянули их в цилиндрический корпус и всосались обратно в люки.

— Забери Нагму, — попросил я Анахиту. — Нечего ей тут делать.

— Я пойду обед приготовлю, — вздохнула женщина. — Берану не беспокоить, да? Ладно, сама притащу уголь.

— Я помогу тебе! — вскинулась Алька.

Ей тоже не слишком нравится смотреть на разбросанные по склону ошмётки тел. Остались мы с Калидией — и Берана, всё так же сидящая в кресле и внимательно смотрящая в видеостены.

— Ты в курсе, как это работает? — спросил я Калидию.

— Очень приблизительно, — ответила она. — В самых общих чертах.

— Тут есть какая-то автоматика, которую можно включить и не париться? Чтобы оно само все цели отстреливало?

— Конечно, есть! — удивилась вопросу девушка.

— И где она?

— Да вот же, в кресле сидит!

Глава 10. Пульт управления

Сделать из человека пульт управления — обычнейшее дело. Для владетелей. Никакого искусственного интеллекта, никакого программирования, никаких алгоритмов. Зачем? Есть люди, у них есть мозги. Да, несовершенные, перегруженные малозначимыми задачами, склонные отвлекаться и рефлексировать, но это как раз несложно исправить. Заглушка — вживляемый аппаратно-программный комплекс, разделяющий мозг на несколько раздельно функционирующих отделов. Один занят функционированием тела носителя и заодно служит интерфейсом управления имплантами. Чистая физиология. Добыть еду, съесть еду, приготовить еду, если она того требует. Помыться, одеться, отдохнуть. Изолированно расположенный бэкап личности — отключённый от всего разум носителя, спящий всё время контракта. Совсем немного места, оказывается, занимаем в нашем мозгу собственно мы, полно ресурсов остаётся свободными. Вот их-то и используют в интересах заказчика.

Избавленный от рефлексий на тему смысла жизни, размышлений «Почему меня, такого хорошего, никто не любит», попыток вспомнить, выключен ли утюг и прочих фоновых системных процессов, наш мозг способен на многое. А если не принимать во внимание износ и не экономить энергию — то поразительно на многое. Мало кто из сдающих себя в аренду понимает, что мозг изнашивается так же, как тело. Арендатора тем более не волнует, что будет с исполнителем после завершения контракта.

— Не знаю, — не разделила моего любопытства Калидия. — Если и есть статистика по постконтрактным расстройствам психики, то не в общем доступе. Интеллектуальный найм считается престижным. Продать себя в вычислители или управляющие киберы — большая удача. Никакого физического

труда, никакой опасной работы, никакой сексуальной эксплуатации, хорошая оплата. Заснул нищим умником, проснулся состоятельным членом общества.

— Но уже не таким умным? — спросил я.

— Да не знаю я! Никогда не интересовалась. Кибераренда — системообразующий бизнес, одна из социально-технических основ нашего общества, мало кто вникает в технические детали. В вычислители арендуют тех, у кого подходящие параметры мозга. Но умные они или идиоты с пустой башкой, я не знаю. Берана — кибер-хранитель, фактически технический оператор. Её мозг сейчас объединяет в одно целое датчики движения, камеры, радарные и какие там ещё есть системы, турели и так далее. Она является автономным модулем управления замком. Голосовым интерфейсом, если угодно. Владетель приказывает, замок обороняется или атакует.

— Он и атаковать может? — заинтересовался я.

— Да откуда мне знать? — уже злится Калидия. — Меня, знаешь ли, к этому не готовили! Для всего важного в нашей семье был наследник, мой безвременно сдохший старший братец. Он наверняка знал, что тут к чему и зачем, имел права доступа, знал кодовые слова для активации хранителя. Вот, смотри, опять лезут!

Пока мы препираемся, нападающие предприняли две осторожные попытки продвижения вперёд, которые закончились для них печально, и одну попытку разведать нас с маленького высоколетящего дрона, которая закончилась печально для дрона. Берана реагирует лёгкими движениями пальцев, турель выскакивает, палит и прячется до того, как в неё успевает влепить пулю засевший где-то на обратном склоне снайпер с крупнокалиберной винтовкой. Для точного выстрела ему нужно угадать, какая турель выдвинется, иначе он не успевает прицелиться. Но и Берана никак не может на него навестись, потому что после каждого выстрела снайпер меняет позицию. Его не видно из-за гребня, пока не выстрелит, а потом он прячется быстрее, чем наводится турель. Такая вот весёлая игра. Ставлю на Берану — будучи кибером, она не устаёт и не ошибается. Кроме того, турелей много, а снайперу достаточно зазеваться один раз.

Нападающие выдвинули из кустов кибера с белым флагом.

— Не стреляй! — рефлекторно крикнул я, не думая, слушает ли меня Берана.

Оказалось — слушает. Выскочившая из люка турель спряталась обратно. Кибер стоит неподвижно, держит флаг. За ним осторожно высунулся один наёмник, затем другой — без оружия. Идущий первым активно жестикулирует.

— Можешь приблизить? — спросил я Берану.

Вокруг людей нарисовался оранжевый квадрат, который тут же вырос, растягивая изображение.

— Кажется, хотят забрать тела убитых. Пусть забирают, но не подпускай их ближе.

Берана не отвечает, но и турели не выскакивают. Значит, поняла сказанное.

— Как тебе удалось заставить её слушаться? — спрашивает ревниво Калидия. — Я все перепробовала, она меня игнорирует. Хранитель подчиняется только тем, кто прописан у него в списке доступа. Исключений нет и быть не может.

— Я не приказываю ей. Просто прошу.

— Не поняла.

— Я не взломал список допущенных к управлению лиц, как ты, может быть, думаешь. Но она может приказать себе, а я её попросить. Точнее, твоя мать, Берана, может приказать кибер-хранителю, который квартирует в её мозгу. Всё, что я сделал — это пробудил её личность. И не спрашивай, как.

— Твои фокусы с рисунками, да? Так и знала, что уроки для девочки — только прикрытие!

— Знала — и знай себе дальше, — решительно прекратил разговор я.

Не хочу, чтобы Калидия узнала про Нагму. Это на меня где сядешь, там и слезешь, а ребёнок — привлекательный объект для манипуляций. Не хочу рисковать. И так неловко перед Анахитой, что втянул её дочь неизвестно во что.

— В общем, логично, — рассуждает вслух Калидия. — Хранителей убежища всегда много. Чтобы не зависеть от одного кибер-слуги, эту прошивку делают нескольким, наравне с основной. Моя мать… Пока ещё была моей матерью, — поправилась девушка, — входила в список лиц, допущенных к управлению, и могла отдавать приказы хранителю убежища. Любому из хранителей. То есть, как ни странно, и себе самой. Если штатно отключить заглушку, то раздел её мозга, в котором прошивка, будет отформатирован, и она не сможет управлять системами замка. Значит, ты её не отключал, а сделал что-то другое…

Девушка задумалась.

Я не знаю, что увидела Нагма в Беране. Девочка понятия не имеет обо всех этих сложностях, и объяснять ей я не возьмусь. Просто «Аллах посмотрел», что бы это ни значило. Я предпочитаю говорить: «Мультиверсум дал мне референс», — хотя это, наверное, одно и то же. Неисповедимы пути Мультиверсума.

Ребята под белым флагом собрали убитых и небольшой

группой выдвинулись к замку. Берана, видимо решив исполнить мою просьбу «не подпускать их ближе» буквально, шевельнула пальцами. Выскочила турель.

— Нет! Не надо! — заорал я.

Наёмники попадали на землю — видимо, турель им видна. Кроме кибера — этот так и стоит со своей тряпкой.

— Они без оружия и под белым флагом, — пояснил я Беране. — Пусть подойдут.

Турель провалилась в люк, упавшие поднялись с земли, отряхнулись, но идти вперёд уже опасаются. Стоят, руками машут, пытаются донести до нас, что это не атака.

— Я выйду на стену, — сказал я. — Спрошу, что им надо. Информации нам чертовски не хватает.

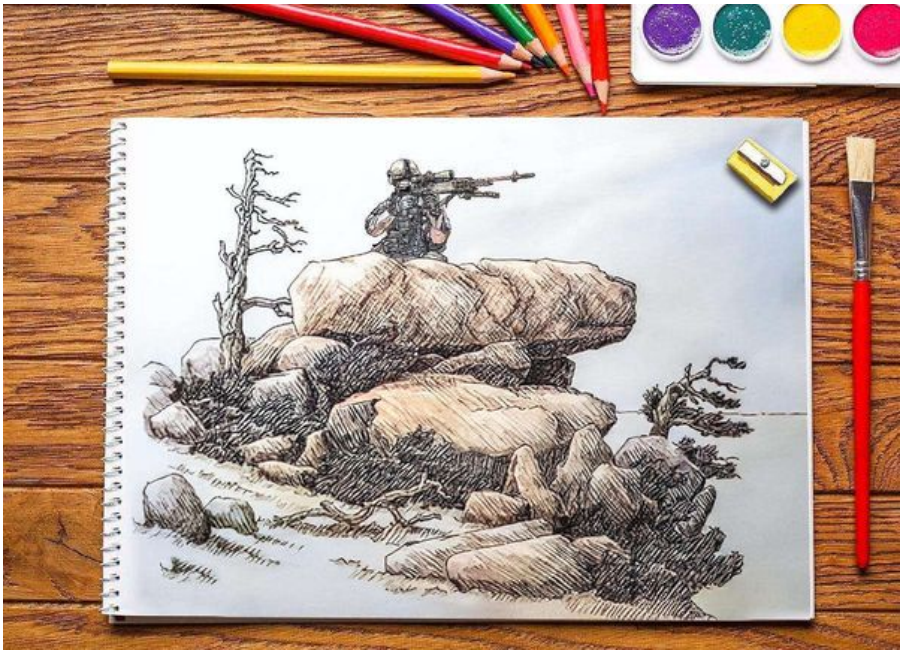
— А если тебя снайпер застрелит? — спросила Калидия.

— Будет у тебя праздник. Но это вряд ли, потому что удрать они тогда не успеют, и знают это.

— Как скажете, — мрачно согласилась девушка.

* * *

Поднявшись на стену, я помахал рукой. Думаю, меня сейчас рассматривают в сильную оптику, причём, скорее всего, поверх длинного ствола. Но пусть любуются. Стараюсь дышать ровно, не сутулиться, не показывать, что у меня после лестницы колени ходуном ходят. Седая башка спрятана под шлемом, морщинистая, поросшая седой бородой харя скрыта глухим забралом. Надеюсь, выгляжу стильно и загадочно. Вызываю трепет, а не жалость и мысли о бренности бытия.



— Эй, на стене! — крикнул один из пришедших. — Могу я поговорить с владетелем Креоном?

— Нет, — ответил я кратко.

— А с моим старым другом Слоном?

— Нет.

— А с кем могу?

— Со мной.

— А вы, простите, кто, уважаемый? Не могу узнать в этом ракурсе…

— Я тот, кто стоит на стене. Говори.

Это же тот мудак, из рации. Командир группы наёмников, которая разнесла нас в резиденции Креона. Как бишь его? Добряк? Добрыняк? А, Добрынюк, кажется. По имени не знаю, он не представился.

— Я Добрый, позывной такой, — сообщил наёмник. — А вас как называть?

— Никак. Чего надо?

— Так Слона нету? Надеюсь, он жив ещё? У нас бывали разногласия, но и взаимное уважение присутствует.

— Последний раз спрашиваю — зачем атаковали замок?

— Он нам нужен!

— Занято. Проваливайте.

— Что значит «занято»? — картинно обиделся Добрый. — Это же не сортир. Наши наниматели считают, что имеют на него право. Мы документов, признаться, не спрашивали, мы ж не риелторы. Но они нам заплатили, и неплохо. А вам кто заплатил?

Креон?

Я промолчал. Не его дело.

— Может, обсудим отступные? Как наёмник с наёмником. Вы же наёмник? Я вижу, что наёмник… Свояк свояка видит издалека! Сколько вам заплатили, если не секрет?

Я стою и молчу. Пусть говорит, авось что интересное ляпнет.

— Ну, не упрямьтесь! Может быть, наш наниматель предложит больше! Зачем вам бессмысленно гибнуть за чужие интересы! А ведь вы погибнете. Вам удалось нас удивить, даже дважды — и ночной налёт был хорош, и турели вы придержали до последнего. Мы, признаться, уже решили, что у вас к ним нет доступа. Но теперь шутки кончились, карты раскрыты, мы возьмёмся за вас всерьёз. Не знаю, сколько вас, но явно мало. Причём ни Слона, ни Креона тут нет — что один, что другой не послали бы на переговоры кого-то, кроме себя. Не хотите говорить, где они? Понимаю, уважаю. Но это ничего не меняет. У нас большие силы и почти бесконечные резервы. Нам некуда спешить. Мы возьмём замок. Сегодня погибли хорошие ребята, остальные сильно на вас злы, пленных брать не будут. Зачем вам жертвы? Оставьте эту груду камней и уходите! Обещаю, мы выпустим вас! Сопроводим до кросс-локуса, если хотите, — и валите на всю бесконечность Мультиверсума! Ну что, как предложение? Подумайте, уважаемый, — большие деньги и свобода или кровавый штурм и гибель?

Ну да, так я тебе и поверил. Выходим мы такие красивые из замка — дряхлый старик, три девчонки и две бабы. И тут же нам бабла во все карманы и ковровую дорожку до выхода. Очень убедительно.

На забрале шлема замерцали два оранжевых кружочка. Один обвёл что-то на гребне склона, второй — движется по небу. Первый, наверное, снайпер. Мне даже не надо гадать, куда он целится. Второй, видимо, дрон с камерой, даёт ему общую картинку.

— Снайпера сами уберёте, или мне убрать? — спросил я небрежно.

— Извините, простая предосторожность! — Добрый что-то буркнул в рацию, оранжевый кружок пропал.

— Берана, сбей дрон, — сказал я тихо. Уверен, она на связи.

Турель выпрыгнула как чёртик из коробочки, пальнула в сторону горизонта и спряталась. Кружок в небе погас.

— Чёрт, ну вот зачем вы так? — выругался наёмник. — Дорогая же вещь! Тащили, опять же, издали… Видимо, это означает «нет». Не договорились, значит. Приношу соболезнования вашей будущей вдове и детям-сиротам, если вы

женаты и завели детей. А чи ни — то ни! — закончил он с неожиданно прорезавшимся малороссийским говором.

Развернулись и потопали обратно. Пристрелить бы их, но белый флаг, неловко. Успеем ещё.

Если они не успеют раньше.

* * *

Я ушёл со стены вовремя — едва спустился во двор, в неё что-то шарахнуло с неслабым взрывом. Это не хилая ракетка с беспилотника, это что-то посущественней. ПТУР, например. Почему нет? Штука нетяжёлая, мобильная, при этом вполне канает за артиллерию.

В ответ захлопали турели.

— Чем это по нам шарахнули? — спросил я Калидию, поднявшись в пункт управления.

То есть сначала отдышался, потом спросил. Набегался по лестницам, колени ночью спать не дадут.

— Не разбираюсь в вашем подлом оружии, — брезгливо ответила девушка.

Ну да, раз вы до ракет не додумались, так все теперь должны саблями друг дружку в жопы тыкать. Иначе нечестно.

— Стена цела?

— Целились в консоль турели, но не попали. Стены тут крепкие.

На моих глазах на гребне полыхнуло, к замку метнулся дымный след управляемой ракеты, но в этот раз Берана оказалась готова — одна выпрыгнувшая турель сшибла ракету на лету, вторая — врезала очередью по точке пуска. Попала ли в оператора — отсюда не разобрать, но вероятность неплохая. Ракета разлетелась в клочья с белым дымом на половине дистанции — у нашей наводчицы отличная реакция.

— Жаль, что нет миномётов или гаубиц, — сказал я задумчиво. — Насыпали бы им за обратный скат.

Выскочила турель, пальнула во что-то, спряталась. Я не успел понять, во что именно, но Беране виднее.

— И долго она так может? — спросил я Калидию.

— Берана? Долго. Но не бесконечно.

— Надо принести ей еды, чего-нибудь сладкого и калорийного, — забеспокоился я. — У неё сейчас мозг в турборежиме.

Турель снова подскочила, выстрелила и спряталась. Осаждающие прощупывают оборону, проверяют реакцию.

Надеюсь, у нас режим «бесконечные патроны». Или их, по крайней мере, больше, чем у врага. Наёмникам приходится тащить свой БК через горы, пропихивая боеприпасы в кросс-локус, так что у них патроны точно не бесконечные.

Выскочила-выстрелила-спряталась. Как долго мы можем играть в эту игру? А они? Вот, снова.

Мы сидим в помещении, нам тепло, у нас много еды и нас защищают стены. Они на мёрзлой земле и холодных камнях, под переходящим в снег дождичком. Будем надеяться, им надоест раньше.

Если у нас миномётов нет, то у осаждающих нашёлся — один и не очень мощный, скорее всего, 82 миллиметра «Поднос» или что-то аналогичное. Не заломало же их такую тяжесть по горам переть? Преимущество миномёта — стреляет навесом с обратного ската горы, ответить мы не можем. Недостаток — толку от обстрела чуть. Стены им не развалить, окна после первого же взрыва закрыли выдвижные металлические ставни, а чтобы попасть миной в турель, требуется фантастическое везение. Эффект в основном психологический — девушки (кроме Калидии) сильно перепугались, пришлось их успокаивать. Калидия, наоборот, взбесилась и рвётся в бой, но Багха со двора свалила. Один прыжок на стену, другой вниз — и унеслась в горы. И правильно сделала — не в дом же её прятать от обстрела. Заодно поохотится, не будет наши запасы подъедать.

Больше всего меня сейчас беспокоит Берана — профиль у неё заострился, глаза ввалились, склеры покраснели, лицо побледнело, губы пересохли. Калидия даёт ей пить витаминный напиток, сладкий до приторности, но видно, что надолго её не хватит. Так что, когда воцарилась тишина, я попросил Берану отключиться и отдохнуть.

— Мины они расстреляли, — убеждаю я её, — чтобы назад в кыштак не тащить. Уже темнеет. Значит, оставят наблюдателей с ночной оптикой и оттянутся в располагу. Будут думать, что с нами делать дальше. Может, ночью попытаются подойти скрытно и проверить, как у нас с ночными караулами дела обстоят. Искренне надеюсь, что камеры имеют ночной режим, но в любом случае попытка будет ближе к утру, и ты нужна нам свежая и отдохнувшая. Сходи в туалет, прими душ. Притащим сюда пару матрасов, поспишь на них, пока будем по очереди дежурить. Управлять этой машинерией мы не умеем, но если что-то зашевелится, то тебя разбудим. Договорились?

Берана встала с кресла и пошла к лестнице, её место заняла Алька.

— Удивительно, но она вас слушает, — сказала удивлённо

Калидия.

— Твоя мать — умная женщина, — согласился я.

— Вы вернёте её окончательно? Нарисуете, заболтаете, или как вы это со мной делали?

— Может быть, — ответил я уклончиво. — В любом случае, это процесс небыстрый, а у нас есть более срочные задачи.

— Смотрите! — подскочила в кресле Алиана. — Что-то движется!

Я беспомощно оглянулся на лестницу — Берана ещё не вернулась, — но Калидия успокоила:

— Это Багха. Я вниз, за оболочкой.

— Уверена?

— Даже не пытайтесь меня остановить! Эти твари напали на замок!

— Кали… — сказала тихо Алиана.

— Что? — резко развернулась к ней девушка. — Не делай вид, что тебе не плевать!

— Мне не плевать, — упрямо ответила Алька.

— Правда? — спросила Калидия неожиданно тихо.

— Да. Ты меня очень обидела, но я тебя люблю.

Кали внезапно рухнула на колени перед операторским креслом и уронила голову на колени Алиане.

— Прости меня! Я дрянь и дура! Прости! — и зарыдала в два ручья, как будто не дочь владетеля, а обычная семнадцатилетняя девчонка, запутавшаяся в себе, людях и отношениях.

Я посмотрел, как нежно Алиана гладит её чёрные волосы и тихо вышел. Надеюсь, ближайшие полчаса на нас никто не нападёт.

* * *

Наша ночная кавалерия — Калидия верхом на Багхе — канула в ночь. Мы с Алькой сидим в центре управления — она в кресле, вглядываясь в зеленоватое изображение с ночных камер, я — рядом, на принесённом из гостиной стульчике. В четыре глаза наблюдаем за подходами, готовые разбудить ровно дышащую во сне Берану. Анахита не просто принесла ей матрас, она организовала целое спальное место — с вышитыми подушками и одеялами в местном цветастом стиле. Надеюсь, пока рабочая часть мозга киберженщины во сне дефрагментируется, или что там положено делать фоновым процессам, сама она спит спокойно и беззаботно. Заслужила.

Привычная к тусклому освещению Нагма села, поджав ноги,

прямо на пол и рисует её спящую.

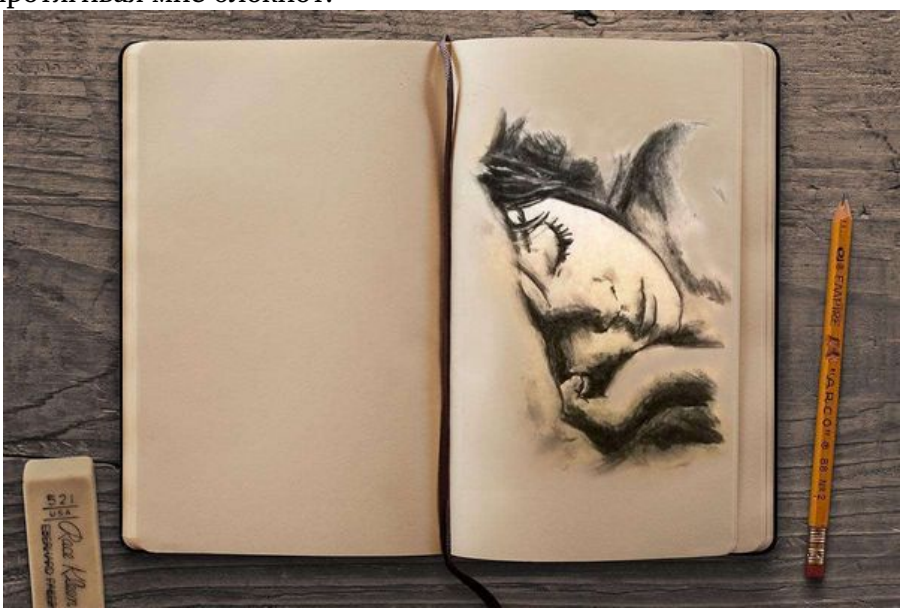
— Подушку подложи, — сказал я. — Попу застудишь. А лучше спать иди. Дело уже к полуночи.

— Боюсь в комнате, — вздохнула девочка. — Посижу с вами, можно?

— Сиди, конечно. Но подушку возьми.

Нагма взяла подушку и устроилась на ней. Если бы я так ноги завернул, то назад бы уже не вывернул. Пришлось бы в сидячем гробу хоронить. А ей хоть бы что. Хорошо быть молодой.

— Без тебя не то, дедушка Док, — вздохнула девочка, протягивая мне блокнот.



Я посмотрел на тщательно вырисованный карандашами набросок.

— Да ладно, неплохо вышло. Очень похоже.

— Вот именно, — вздохнула она. — Очень похоже. Но это то, что есть, а не то, что я вижу. Аллах не смотрит моими глазами, когда я рисую одна.

— Может, он спать пошёл? Устал, как твои бедные глазки.

— Аллах не может устать, — Нагма передвинула подушку поближе к моему стулу и положила растрёпанную головёнку мне на колени. — Он же Аллах.

Я пригладил ей тонкие мягкие волосы, она в ответ прижалась щекой и обняла мои ноги. В тот момент мне вдруг стало тепло и хорошо внутри. Сенильная сентиментальность, надо полагать.

Нагма уснула головой на моих коленях, да так крепко, что не проснулась, когда я переложил её под бок к Беране. Обняла во сне тёплую киберженщину и засопела дальше. А по зеленоватому

экрану тёмной тенью метнулась Калидия на Багхе — вернулась наша верховая ДРГ.

— Никого нет, — с глубоким разочарованием в голосе доложила она. — Даже наблюдателей не оставили!

Деточке не дали пустить кровушки, деточка переживает. Зря сходила, в общем.

— Кыштак превратили в крепость, — продолжила она. — Куча часовых, какие-то электронные штуки, новые стены. Видимо местных заставили строить — их согнали всех в один большой двор, оставили под открытым небом, а дома все заняты военными. Я решила не лезть, слишком опасно.

— Правильно сделала! — горячо согласилась обнимающая её Алька.

Неужели у нашей кавалерист-девицы внезапно включился мозг?

— Мне кажется, они чего-то ждут, — сказала Калидия убеждённо.

Я мысленно с ней согласился. Нас прощупали, проверили на «слабо», убедились, что с наскока не взять, понесли небольшие, но чувствительные для группы потери. Думаю, теперь будут ждать подхода основных сил. В конце концов, ни владетелей, ни их гвардии мы пока так и не видели. Так, пара киберов — говорить не о чем. А ведь они где-то есть! Но мы не знаем, где, и чем заняты. И это меня очень сильно беспокоит.

* * *

До утра так ничего и не случилось. Алька, устав, ушла с Калидией в их комнату — снова общую. Надеюсь, они там всё же немного поспят, а не только помирятся. Сам я досидел, зевая, как гиппопотам, до восхода, полюбовался на багрово-алые облака и уступил пост. Берана проснулась, сходила в ванную, позавтракала и уселась в нагретое мной кресло, а я, не найдя в себе сил на все эти хлопоты, завалился на её матрас и вырубился под уютное сопение Нагмы.

Проснулся от пинка и вопля.

— Нет! Не стреляй! Скажи ей, пусть не стреляет!

— Какого хрена! — подскочил я, остро жалея, что спал не в бронежилете. — У меня только что ребра зажили!

— Скажи ей! Она меня не слушает! Нельзя стрелять! — Калидия беснуется перед креслом, в котором сидит Берана.

— Стоп, что бы вы там ни делали, — быстро сказал я. — А теперь объясни, что за истерика.

— Она чуть не расстреляла владетелей!

— Ну и что? — не понял я. — Чёрта нам в них?

— Он вызывает меня! — девушка возмущённо ткнула пальцем в виртуальную стену-экран.

На дороге, ведущей к замку, стоит фигура в оболочке. Мужская, это всё, что можно про неё сказать. С мечом, поднятым вверх и влево, как будто в пионерском салюте. На владетеля навелись поднявшиеся из люков турели, но выстрелить не успели, Берана меня послушалась.

— И по какой-такой причине мы не можем разнести его в фарш? — спросил я недовольно, примерно понимая, что услышу в ответ.

Угадал.

— Это вызов владетелю! Никто не смеет ответить на него, кроме владетеля!

Я не стал спрашивать: «Ну и что?» — потому что ответ очевиден. Что-то вроде покрытия себя несмываемым позором во веки веков. Возможно, даже в три слоя с грунтовкой. Объяснять, что это не Олимпийские игры, бесполезно хотя бы потому, что Калидия о них понятия не имеет. Да хоть бы и имела — когда её накрывает вот этим владетельским безумием, то башню клинит намертво. Не дай Ктулху, кто-то подумает, что она недостаточно владельская владетельница!

— И что, вы теперь непременно должны потыкать друг в друга саблями? — спросил я мрачно.

— Это не обязательно дуэль, — отмахнулась она. — Возможно, просто переговоры. Но я здесь единственный владетель, значит, выйти к нему должна я!

— Одна?

— Конечно, одна!

— Альке это не понравится… — скривился я, ощупывая ребра. — Чёрт, опять синяк будет…

— Простите, я случайно. И я вас очень прошу, Док, объясните Алиане, что я иначе не могу!

— А сама что? Язык не повернётся?

— Боюсь. Она начнёт меня удерживать, я могу не сдержаться и наговорить такого, о чём потом пожалею. А мы только что помирились! Ну пожалуйста, она вас слушает!

— Ого, — удивился я, — ты меня просишь? Не приказываешь, не велишь, не исходишь на говно?

— Я много думала, Док. И прошу у вас прощения.

Видно было, что ей тяжело это далось. Хватит этого раскаяния на… Да ни на сколько не хватит. И чёрт с ней, поболтать с этим придурком нужно. А если всё пойдёт плохо,

разрешу Беране его пристрелить. Извинюсь потом, скажу, что случайно вышло, ах как жаль.

— Уговорила, иди общайся. Но учти, если тебя зарежут, я смогу максимум нарисовать портрет на могилку. Старость — не радость, ещё десяти лет в уплату за твою жизнь нет.

— Я понимаю. Спасибо, — и умчалась по лестнице. Одеваться, надо полагать.

Алиана прибежала, когда Калидия уже идёт по дороге к владетелю. Тот, кстати, так и простоял с мечом в салюте всё это время. Надеюсь, у него рука затекла, и это поможет нашей самке самурая, если дело дойдёт до рукопашной.

— Зачем вы её отпустили! — девушка вцепилась в меня и начала трясти, так, словно ожидает, что с меня яблоки посыплются.

Но из меня давно уже сыплется только песок. В фигуральном, разумеется, смысле.

— Прекрати, — сказал я, — мои бедные рёбра!

— Простите! Но как вы могли…

— Во-первых, — оборвал я её, — Калидия мне не подчиняется. Во-вторых, надо же узнать, зачем он припёрся.

— А если он её убьёт? — завопила Алька.

— Значит, не повезло, — пожал я плечами. — Дело военное. Но это вряд ли. Кали та ещё дура пафосная, но он-то вряд ли. Наверняка понимает, что, если зарежет девочку, то никакого резона оставлять его в живых не будет. Нам на аристократические распальцовки срать вприсядку, врежем с пулемётов — и полетят клочки по закоулочкам. Так что угомонись уже, не мешай кино смотреть.

Калидия между тем подошла к гостю и симметрично отсалютовала мечом. Теперь держит его в том же салюте.

— Берана, мы можем их слышать?

Тишина. Видимо, нет. Зря, я бы какие-нибудь микрофоны предусмотрел. Значит, будем немое кино смотреть.

Две фигуры в оболочках, одна с сиськами, другая без, синхронно вскинули мечи верх. Я уже было напрягся, но они так же одновременно убрали их за спины. Надо полагать, драки не будет. Поговорить, значит, пришёл.

— Берана, по сторонам поглядывай. Вдруг он внимание отвлекает, а к нам какие-нибудь ниндзи крадутся…

Женщина ничего не ответила, да я и не жду. Она и сама, небось, знает, что делать. Точнее, программа в ней.

Немое кино оказалось неинтересным — две чёрных фигуры постояли друг напротив друга минут пятнадцать, потом отсалютовали друг другу мечами, заставив Альку дёрнуться и вцепиться мне в локоть, и разошлись.

— Что ему было надо? — спросил я, когда Калидия вышагнула из оболочки, оставшись перед нами в естественной наготе.

Алька подала ей халат, в который девушка, к моему секундному сожалению, завернулась. Да, я старый, но это не значит, что мне не хочется смотреть на красивое.

— Он сообщил решение Совета Домов, — Калидия мрачна и сурова, как зимние горы за окном.

— Надо полагать, это не было решение извиниться и возместить ущерб, нанесённый резиденции?

— Дом Креона низложен. Мы больше не владетели. Совет забирает наши оболочки.

— Забиралки коротки, — отмахнулся я. — Если бы они могли нас взять штурмом, то не приходили бы пугать.

— Ты не понимаешь… — о, мы опять на «ты». Я снова что-то не то сказал?

— И чего именно я не понимаю?

— Все оболочки, активированные в Чёрной Цитадели, могут быть деактивированы оттуда, — голос Калидии сухой и безжизненный, как пожухшая трава. — Где бы они ни находились.

Через два часа Совет Домов отзовёт наши права, моя оболочка свернётся в спору, а я стану никем. Моя жизнь закончится.

— Стоп-стоп, что значит «закончится»? — вскинулся я. — Снова начнётся отторжение интерфейсов?

— Наверное. Какая разница? Я не знаю. Такого решения Совет не принимал сотни лет, а может, и вовсе никогда. Это даже не смерть, а хуже смерти. Я больше никто, меня нет…

— Ты вот она, тут стоишь, — напомнил я, — так что кончай истерику. Если проблема в интерфейсах, то я уже один раз тебя вытащил, может, снова получится…

— Да причём тут это! — закричала на меня Калидия. — Мне нет смысла жить!

Она пнула ногой лежащую на полу оболочку, отпихнула меня с дороги и выскочила из комнаты.

— «Графиня изменившимся лицом бежит к пруду», — процитировал я мрачно. — Алька, дуй за ней и не спускай глаз. Целуй, бей, трахай, щекочи, высмеивай — что хочешь делай, но объясни девочке, что жизнь продолжается. Нам только суицидов в гарнизоне не хватало!

— Вы же спасёте её, Михл?

— По крайней мере попробую, — сказал я, не испытывая ни малейшей уверенности. — Но для этого она должна прийти в себя хоть немного. Давай, вперёд. Сейчас Калидия нуждается в тебе, как никогда в жизни ни в ком не нуждалась. Даже если будет кричать: «Убирайся прочь!»

— Она будет, — кивнула серьёзно Алька. — Но чёрта с два я её послушаю!

Глава 11. Не годен к строевой

— Мы будем рисовать её, дедушка Док?

— Ты что, колбаса, подслушивала?

— Вы так кричали… Ну ладно, громко разговаривали. Дедушка Док, а ты, правда, когда рисуешь, людей лечишь?

— Откуда ты знаешь?

— Белая-красивая говорила, что ты худую-вредную рисовал и вылечил. А потом просто вылечил, а не рисовал, и стал старый. Как в сказке.

— Да ты, я смотрю, не только глазастая, но и ушастая! — восхитился я. — Всё слышишь!

— На меня никто внимания не обращает. Что же мне теперь, уши затыкать?

— Не надо затыкать. В этом нет никакой тайны. Да, я раньше мог менять людей, когда их рисую. Видел не то, что есть, а то, что должно быть, и рисовал это. Иногда получалось, чтобы правдой стало нарисованное, а не то, что было. Иногда не получалось.

— А теперь не можешь?

— Нет. Как ты говоришь: «Сломался».

— Аллах перестал смотреть твоими глазами?

— Можно сказать и так. Теперь твоими смотрит, зелёными. Наверное, ими лучше видно.

— Знаешь, я иногда думаю, что ты мне на самом деле папа. Белая-красивая говорит, что ты, когда спас худую-вредную, сразу постарел на тыщу лет. А до этого ты был не такой старый. Скажи честно, ты мой папа? Мы похожи — я тоже умею рисовать, и Аллах иногда смотрит моими глазами. А ещё ты со мной возишься, как будто я тебе родная. С чужими детьми никто не возится, кому они нужны? Ты скажи, я не буду сердиться, что тебя так долго не было. Я буду радоваться, что ты вернулся. Я маму спрашивала, но она не хочет ничего говорить.

Девочка глядит на меня такими глазами, что никакого Аллаха в них не нужно. Хочется сказать: «Да, я твой папа», — чтобы увидеть свет, которым они зажгутся. Но это был бы краденый свет.

— Нет, егоза, я тебе не папа и даже не дедушка. Извини. Я был бы не против, но нет.

— Но я же рисую как ты!

— Ты рисуешь не как я, а как ты. Лучше меня рисуешь, просто надо больше тренироваться. А что Аллах, как ты говоришь, смотрит твоими глазами — такими красивыми глазами кто угодно посмотреть не откажется.

— И ты тут совсем-совсем ни при чём?

— Не совсем-совсем, — вздохнул я. — Немножко при чём, наверное. Понимаешь, в тебе дремал талант. Умение ощущать фрактал Мультиверсума и слышать мир. Если бы тебя воспитывал твой… Какой-нибудь проводник, то ты бы, наверное, смогла открывать кросс-локусы. Но в тот момент, когда твой талант начал пробуждаться, рядом оказался я, и он принял вот такую форму. Умение строить референс.

— А ты по правде хотел бы, чтобы я была твоей внучкой?

— По правде, — ответил я серьёзно.

— Тогда я буду, — сказала Нагма. — Так ведь можно? Например, если родители умирают, то ребёнка берёт брат отца или сестра матери, и они становятся ему родители. А у меня, вот, дедушка умер — я же могу взять тебя дедушкой?

— Думаю, вреда от этого не будет, — улыбнулся я.

— Я бы тебя взяла папой, — доверительно сказала девочка, —

но ты слишком старый.

— Ты совершенно права, — кивнул я.

— Вот и хорошо, дедушка Док, — Нагма подошла к креслу и поцеловала меня в щёку. — Я тебя буду любить, как родного, обещаю.

— И я тебя, — ответил я как мог серьёзно.

Надо же, меня только что… удедушкили? Удедили? В общем, взяли в дедушки. Это было… Трогательно, пожалуй. Хотя ровным счётом ничего не значит — дедушкой она меня и так звала, а в наследство мне оставить ей нечего.

— Аллах ещё посмотрит твоими глазами, я знаю, — деловито сказала Нагма.

Решив для себя проблему родственных связей, она перешла к текущим вопросам.

— Будем рисовать вместе, раз ты сам не можешь. Странную рисовать будем, чтобы не была такая странная. И Багху, чтобы у неё быстрей ранки зажили. Даже худую-вредную будем, хотя она и вредная. Если заболеет.

— Хорошо, договорились, — согласился я. — Но учиться надо всё равно. Кувшин видишь?

— Ладно, — вздохнула девочка. — Пусть будет кувшин… Но Аллах не хочет смотреть моими глазами на кувшины!

— А на что хочет?

— Ты не будешь ругаться, дедушка Док?

— А должен?

— Ну, я, в общем… Вот.

Девочка, покраснев и потупившись, вытащила из-под кофты один из моих блокнотов. Так вот куда он делся!

— А я уж думал, потерял! — сказал я укоризненно. — Могла бы и попросить.

— Прости, дедушка Док, я хотела, но сначала забыла, а потом застеснялась… Ты не сильно сердишься?

— Вообще не сержусь… — сказал я рассеянно, разглядывая содержимое.

Это толстый дорогой скетчбук с отличной бумагой, одинаково годящейся как для карандаша, так и для акварели, и Нагма прошлась по нему и тем и другим, добавляя по вкусу пастель, маркер и даже гелевую ручку. То-то я эту ручку давно не видел…

Много портретов. Больше всего — Алианы, Нагма к ней неровно дышит, считая очень красивой. Из-за светлых волос, в основном, она от них млеет. Калидии, впрочем, тоже хватает, и некоторые портреты очень хороши — не столько по технике, сколько ухваченной сутью характера. Есть достаточно

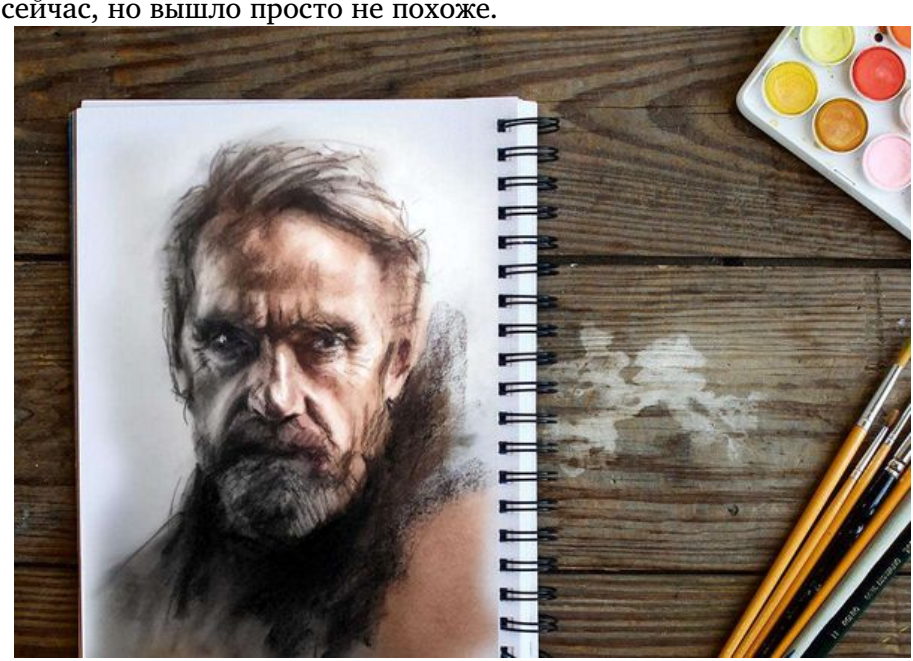
проработанные наброски Бераны, несколько разной удачности портретов матери — на мой вкус, слишком идеализированных. Пара автопортретов, сходство довольно формальное. Себя она пока видит и понимает плохо, это возрастное. С удовольствием отметил, что мои уроки не прошли даром — наброски сделаны по сетке, с разметкой, а не просто нарисованы абы как. Но интереснее другое — для этих портретов никто не позировал. Они нарисованы по памяти, без модели. Не без технических огрехов, но хорошо. У девочки есть умение правильно видеть. Это талант, остальное даётся практикой.

Перевернул страницу…

— Не обижайся, дедушка Док! — заторопилась Нагма. — Я пыталась смотреть на тебя глазами Аллаха, но он не захотел. Получилось… Ну, вот так.

— Вижу, — кивнул я.

Девочка честно попробовала нарисовать меня моложе, чем я сейчас, но вышло просто не похоже.



— Это так не работает, глазастик. Ты пыталась нарисовать то, чего нет, а не то, что должно быть. Не знаю, как лучше объяснить…

— Аллах не видит тебя молодым, да?

— Что-то в этом роде. Я и сам на этом попадался — думал, нарисую так, как хочу я, и станет по-моему. Но нет, мир не даёт рисовать что угодно, референс не строится. Это начинаешь чувствовать через некоторое время.

— Да, дедушка Док, я уже поняла, как будто карандаш не

хочет. А если заставляешь, то картинка получается неправильная.

— Умничка. Мне много лет понадобилось, чтобы это понять.

Перелистнул ещё пару страниц — горы, Багха в разных ракурсах, замок…

— Нагма, откуда?.. — со страницы скетчбука на меня смотрит Змеямба.

Молодая, тут ей лет тридцать, не больше. Волосы без седины, причёска по плечи, решительный взгляд густо карих глаз — такой она была, когда мы познакомились. Отлично передано выражение лица — с равной готовностью улыбнуться другу или прищуриться в прицел. С улыбкой теперь у неё сложности, прищур оставил морщинки под глазами, но тогда она была хороша. Красивая и ещё молодая тётка, резкая, открытая, искренняя, слегка без башки. Я бы влюбился в неё, наверное, если бы не был женат. В неё многие влюблялись, но без толку — в постель путь был открыт, в сердце — нет.

— Я не знаю, дедушка Док. Аллах показал мне эту женщину. Я её никогда не видела, но, наверное, увижу. А ты её знаешь?

— Знал, — вздохнул я. — Сейчас она старше.

Увидев на следующей странице Слона, даже не удивился. Нарисованный в несколько цветов, быстрыми мазками с потёками краски, он тоже выглядит моложе. Отлично передано выражение лица — жёсткое, с досадливой складкой у губ, немного брезгливое и недовольное. Что-то не по плану пошло, видать.

— Мне кажется, он не злой, — сказала Нагма.

— Не злой, — задумчиво согласился я, разглядывая рисунок. — Просто для него задача важнее человека. Даже если этот человек — он сам.

— Ты его тоже знаешь?

— И весьма неплохо, зеленоглазка.

На следующей странице человек в капюшоне с почти не прорисованным лицом — оно скрывается в тени и похоже на маску.

— Этого я боюсь, — призналась Нагма. — Хотя он тоже не злой. Он… Как будто весь из железа и муравьиного яда.

— Из окаменевшего говна он, — буркнул я. Креон узнаваем даже без личного сходства, на одних ощущениях.

Я продолжил листать скетчбук, вглядываясь с лица на портретах, но больше никого не узнаю. Вот этот молодой человек, изображённый в разных ракурсах, кажется смутно знакомым — но нет, не вспомню. Его портретов несколько, некоторые в странном интерьере, наверное, он чем-то важен, но, как ни стараюсь, не приходит на ум. Старость не радость.

Ещё один человек встречается несколько раз — приятный лицом, но какой-то невдалый мужчина средних лет. Навскидку я бы сказал, что он пьющий, запущенный, потерянный и несчастный. У Нагмы отлично получается передавать характер. Его я точно не встречал, но он как будто на кого-то отдалённо похож.

Чем дальше, тем её рисунки становятся страннее — женщина, похожая и непохожая на Алиану, из которой рвутся на волю чёрные птицы; черноволосая девушка, истекающая чёрным дымом; Калидия — а может, и не она, потому что лицо залито кровью и закрыто руками… Мда, лучше бы эта девочка и дальше овечек на стене мелом рисовала.

— И какой сюрреалист тебя покусал, милое дитя? — мрачно спросил я.

— Меня не кусал никакой сурлист, дедушка Док! Но иногда, когда мне не спится, я лежу с закрытыми глазами и вижу всякие вещи. Если их сразу нарисовать, то не так страшно. Из бумаги они не вылезут!

Похоже, я не угадал. Девочка видит не референсы. Но что?

* * *

— Михл, Михл! — Алька стоит перед одетой в оболочку Калидией, перегородив узкую лестницу, и орёт, как потерпевшая. — Михл, скажи ей!

— Я всё равно пройду, не заставляй делать тебе больно, — бубнит синтетический голос.

— И куда это ты собралась? — интересуюсь я. — Пока оболочка на тебе, авторизация не слетит, что ли?

— Нет, — раздражение в голосе чувствуется даже через синтезатор, — если я в этот момент буду в ней, то она меня убьёт.

— И к чему тогда этот перфоманс?

— Я хочу использовать её возможности, пока могу, и погибнуть в бою, как и полагается владетелю.

— Многие хотели красиво сдохнуть, но никому не удалось, — констатирую я. — Потому что сдохнуть — это в принципе не красиво. Кровь, кишки, мухи, черви… Фу.

— Пропустите меня!

— Чёрта с два! — смело заявляет Алиана. — Хочешь, как

дура, погибнуть? Давай, переступи через меня!

— Меня это не удержит! — заявляет Калидия, но стоит на месте.

Лестница узкая и крутая. Устроив силовой прорыв, легко повредить хрупкую девушку. И я ещё тут стою. Но мной она как раз пренебрежёт. Может быть, даже с удовольствием по стене размажет. Никто не любит тех, перед кем ощущает моральный долг. Хуже, чем денег занять, ей-богу.

— Калидия, не дури, — сказал я. — Вылезай из этой штуки. Справиться с отторжением интерфейсов вполне реальный шанс. Абсолютное большинство людей живут без этой дряни и не парятся, ты тоже привыкнешь.

— Ты ничего не понимаешь! Я владетель!

— Ты уже практически труп владетеля! — я посмотрел на часы. — Даже не успеешь доскакать до позиций противника. Только Багху бедную зря подставишь.

— Это всё она! — чёрный острый палец указал на Алиану. — Не давала мне одеться!

— По крайней мере, вы хорошо провели время, — пожал плечами я.

Я отодвинул Алиану и спустился. Постучал оболочку по плечу.

— А теперь, гондон штопаный, выплюнь из себя нашу девочку.

Экзосимбионт, разумеется, не послушался.

— Пропустите меня, — сказала Калидия, но уже без прежнего напора.

— Пятнадцать минут! — постучал я пальцем по стеклу наручных часов. — Если эти ненатуралы не соврали и не отзовут авторизацию раньше. Я бы так и сделал — чтобы ты ринулась в последнюю атаку и — сюрприз. Ты очень предсказуемая, знаешь?

— Они владетели! Владетели так не поступают!

— Они и оболочки раньше не отзывали. Как видишь, всё меняется.

— Тебе не понять!

— Да где уж мне. Надо, наверное, считать, сколько раз ты мне это сказала. Если за каждый раз, когда я окажусь потом прав, давать тебе щелбан, может быть, постепенно вколотим в твою тыкву немножко ума.

— Идите быстрее наверх! — закричала с лестницы Анахита. — Там такое!

— Ещё такее, чем тут? — усомнился я, но всё-таки побежал за ней.

Мать Нагмы привела нас в центр управления. Берана сидит в

кресле, вид у неё усталый, но, как всегда, спокойный.

— Смотрите сюда!

По дороге к перевалу что-то движется. С такого расстояния я бы сказал, что это несколько автомобилей.

— Берана, приблизь, пожалуйста, — попросил я.

Транспортные средства обвелись оранжевым квадратом, который растянул их в полстены.

— О, чёрт, это её/мой отец! — сказали хором Анахита и Калидия.

«Её» принадлежало Анахите, «мой» прозвучало синтетическим голосом оболочки.

Креона я и сам вижу — он стоит в оболочке в открытой машине, идущей в колонне второй. Висящая неподвижно рука — характерный признак, вряд ли много инвалидов носят оболочки. Вот уж кого не ждал.

— Он же не знает! — вдруг подхватилась Калидия. — Док, сколько времени осталось?

— Десять минут, — сообщил я.

— Он не знает, что оболочки отзовут! Он погибнет!

— Только что тебе это казалось кончиной, достойной владетеля, — напомнил я, но Калидии с нами уже нет. Умчалась.

Где женщины и где логика.

— Это пикап моего… В общем, отца Нагмы, — мрачно сообщила Анахита.

— Если за столько лет он не наторговал на новый, — проницательно сказал я, — бизнес у него идёт не очень.

Пикап большой, с двойной кабиной и здоровенным кузовом, скорее, небольшой полноприводный грузовичок тонны на полторы. Вид у него, и правда, весьма потасканный.

Но меня интересует не он, и не открытая шестиколёсная платформа, на которой гордо возвышается в окружении киберов Креон. Мне интереснее, кто едет следом на трёх внедорожниках. Уж больно у переднего стиль знакомый — пафосный, блестящий, тонированный в ноль драндулет на вычурных дисках. Знаю я одного любителя таких машин.

На картинке с общим планом мелькнула всадница — Калидия верхом на Багхе перемахнула стену. Киса помчалась длинными прыжками к автомобилям, я посмотрел на часы — ну что же, надеюсь, пяти минут им хватит. Вряд ли они станут тратить время на обнимашки.

— Берана, следи за периметром, — сказал я. — Пойду встречать гостей.

* * *

— Док, что с тобой?

— А с тобой, Зме?

Змеямба выглядит как на картинке Нагмы из отжатого у меня скетчбука. Ей и тридцати не дашь.

— Простите, некий Док не приходится ли вам внуком? — спросил почти всерьёз Слон. — Докище, ты что с собой сотворил?

Слон тоже слегка помолодел и вообще держится огурцом, но не так, как Змеямба. Будь у меня дочь, годилась бы ей в матери.

— Так сложилось, Слон, — отмахиваюсь я. — Боюсь, к строевой я больше не годен.

А сам смотрю, как с платформы невозмутимо спускается Креон — всё так же в оболочке. Я глянул на часы — карете пора бы превратиться в тыкву, но нет, Калидия тоже при владетельском параде. Правда, вид у неё, несмотря на оболочку, какой-то… Невесёлый, что ли. Спрыгнула с Багхи, молча пошла в здание, на отца даже не оглянулась. Неужели за пять минут посраться успели? Эти могут. Та ещё семейка.

— Ты… Здесь? — послышалось за спиной. — Я думал…

— Ты думал, что меня забили камнями, за то, что я ношу ребёнка, да? Этого ты хотел? Радикальный такой аборт, раз на обычный я не согласилась?

Я его сразу узнал — Нагма талантливая художница. Разве что в жизни её папаша выглядит ещё более потасканным и никчёмным. Человек-лузер.

— Обломись, Петя, мы выжили. Я и моя дочь. А ты можешь убираться туда, откуда пришёл. Торговать говном по задворкам!

— Меня наняли провести машины… — жалобно заблеял он. — Я не знал…

Мне стало неловко слушать чужой скандал, и я пригласил Слона со Змеямбой пройти внутрь. Зме пошла, Слон остался.

— Надо приглядеть за разгрузкой, — сказал он. — Молодёжь такая бестолковая!

Из машин выпрыгивают люди с оружием, все сплошь молодые-незнакомые. Споро выгружают из грузовичка-пикапа характерные ящики со знакомыми маркировками. Кажется, к нам прибыло нечто вроде той самой кавалерии-на-помощь.

* * *

— Да, ты прав, — сказала Змеямба, — Слон выделил мне ихора.

— Теперь ты вечно юная богиня Мультиверсума?

— Нет, что ты, — засмеялась она. Я уже и забыл, как хорошо она смеялась в молодости. — Креон выделил нам одну дозу за всё про всё. Слон, я думаю, рассчитывал отжать остальное, но обстоятельства были против. Там, куда мы ушли, у владетеля серьёзные силы, а нас осталось всего ничего. Не в нашу пользу расклад, не залупишься. Пришлось Слону сдуть хобот и сделать вид, что он за честную оплату. Так что ихор разошёлся микродозами — большую часть просто продали, чтобы расплатиться.

— Расплатиться за что? — удивился я.

— Команда почти вся легла, Док. Их долю и компенсацию пришлось выплатить указанным в контракте наследникам. Я знаю, ты Слону не сильно доверяешь, но, надо сказать, он повёл себя правильно — лично принёс соболезнования, отдал всё до

копейки, полностью оплатил лечение раненых, купил крутейшие киберпротезы инвалидам, выдал по капле ихора тем, кто был совсем плох, и медицина не вытаскивала. На остаток закупили снарягу и наняли пополнение.

— Он же в отставку хотел?

— Не с голой же жопой, — улыбнулась Зме. — Не заработал он себе на пенсию, как рассчитывал. Пришлось отложить. В общем, в результате осталось ихора хрен да ни хрена. И две трети он отдал мне: «Ты, говорит, девочка, тебе нужнее. А я ещё заработаю».

— Нифига себе. Не ожидал от Слона.

— Ты к нему пристрастен, Док. Бывает, его заносит, но, в целом, он нормальный.

— Или он увидел куш побольше.

Змеямба не особо меня убедила.

— Может быть, и так. Креон обещал быть щедрым, если мы продолжим с ним работать.

В это мне верилось охотнее — Слону нужна полная доза, и он достаточно продуманный, чтобы поступиться меньшим ради большего. Лояльность ветеранов того стоила. Впрочем, я ему не судья.

— Если бы мы знали, что с тобой такое, — вздохнула она, — я бы половину своей дозы тебе оставила. Но мы были уверены, что ты погиб. Там никто не выжил.

— Забей, Зме. Зато ты роскошно выглядишь. Совсем как раньше, аж не верится.

— Правда? — она покрутилась передо мной. — Я красивая?

— Не кокетничай, знаешь же, что да. Ладно, скажу вслух: «Ты ослепительно хороша, Зме!» Оно того стоило.

— Это тело всё ещё в твоём распоряжении, Докушка.

— Ты мне теперь во внучки годишься.

— Преувеличиваешь! В поздние дочки может быть. Мог же ты обзавестись дочерью лет в сорок? Я не против поиграть в инцест, если тебя это возбуждает…

— Боюсь, Зме, даже твоё несравненное искусство здесь бессильно.

— Так плохо? — посерьёзнела она.

— Увы. Я старик, и талант мой сгорел.

— Дай угадаю… Ты снова вытащил кого-то с того света? Небось, ту надменную дурочку, Креоновскую дочь?

— Ты всегда была догадлива, Змейса.

— Господи, ну зачем? Да на неё даже родному папаше насрать в кустах! Он за всё время про неё даже не вспомнил — «помер Максим, да и хер с ним». Оболочку жалел, да — она

какая-то особенная, не как у всех. А сама дочка… Короче, на премию не рассчитывай.

— Зме, я не спросил цену. Увидел, что могу, и сделал.

— Да знаю я, — досадливо отмахнулась она. — Я тебя хорошо знаю, Док, лучше, чем ты сам, наверное. Ты никогда цену не спрашиваешь, потому жизнь свою в говно не ставишь, в этом-то и проблема. И это не комплимент, не думай. Знаешь, мне ведь Слон всё рассказал. Мы ж думали, что ты помер, и все секреты кончились. Я узнала цену своей жизни, Док. И это хуёвая цена. Зря ты не посмотрел ценник.

— Прости, Змейса.

— Простила. Я же не знаю, как было до, не помню сына. Решила — если ты всё-таки выжил, заставлю заделать мне нового. Раз уж я опять молодуха. И на дочку не соглашусь — будешь пробовать, пока сын не получится! Ладно, не пугайся, шучу. Хотя была и такая мысль, правда.

— Увы, с этим ты опоздала.

— Да вижу, — покачала она головой сочувственно. — И каково быть старым, Док? Я-то теперь нескоро узнаю.

— Как будто постоянно болен. Чувствуешь в себе все органы, как пособие в анатомичке. Любое действие требует специального усилия. В общем, представляешь себе марш-бросок в полной выкладке на десяточку-полторы?

— Давно мы так не развлекались, — засмеялась Змеямба, — но припоминаю.

— И вот, когда ты добежала и рухнула, не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже автомат с плеча стянуть сил нет, тебе говорят: «Подъём, боец, надо ещё пятёрку пробежать, враг догоняет!»

— Какой ужас, — всплеснула руками она.

— Так вот, когда ты всё-таки заставишь себя подняться, то примерно почувствуешь, каково встать утром с кровати старику. Старость — это усталость, которая никогда не проходит. А смерть — самая окончательная усталость.

— Звучит говённо, Док.

— «Лив фаст, дай янг», — процитировал я.

— Дедушка Док, дедушка Док! — ворвалась в комнату Нагма.

— Дедушка Док? — вопросительно подняла брови Змеямба. — Как многого я о тебе не знаю, оказывается…

— Долгая история, Зме. Что случилось, егоза?

— Здравствуйте, — девочка увидела Змеямбу и вспомнила про вежливость. — Я вас знаю, я вас рисовала. Похоже ведь вышло, дедушка Док?

— Очень, глазастик. Так где пожар?

— Он говорит, что он мой папа! — возмущённо заявила Нагма. — Он не может быть моим папой! Я не хочу такого папу! А мама говорит: «билохически». Не хочу «билохически»! Он противный и пахнет плохо! А сам обниматься лезет! А я его пнула! И убежала!

— Сильно пнула? — деловито спросила Зме.

— Не очень.

— Надо тренироваться, — серьёзно сказала Змеямба. — Напомни потом, научу. Точный пинок — лучший друг девушки.

— Я же его вижу, я его тоже рисовала, — пояснила она Змейсе. — Он трусливый и врёт. Ничего я ему не нужна, он хочет, чтобы меня не было, а сам приотворяется. Он хочет маму забрать, чтобы она ему помогала, потому что у него без неё жопа, а я чтобы куда-нибудь делась! Простите за «жопу», это не я, это он так думает! И ещё другие слова думает, когда на маму смотрит, но я не буду их говорить. Я не хочу, чтобы он с мамой то, что он думает, и папу такого не хочу!

— Какая интересная девчушка, — прокомментировала Змеямба задумчиво. — И много ты всякого «видишь»?

— Иногда, — кивнула Нагма, — Аллах смотрит моими глазами, когда я рисую. Особенно, если дедушка Док помогает. Но и без него тоже. Вот, я вас рисовала и теперь вижу.

— И что же ты видишь, милое дитя? — вкрадчиво спросила Зме.

Нагма посмотрела на неё, потом на меня, потом опять на неё…

— Вы не хотите, чтобы я это сказала, — покачала она головой. — Вам будет неловко.

— Ладно, не говори, — быстро согласилась Змеямба. — Это не важно. Так что там за проблема с папой, который не папа?

Папа-непапа сидит в гостиной. Перед ним стоит стакан и бутылка, видно, что он себе не раз уже подливал, и что пить одному ему привычно. Мы вошли тихо и услышали конец разговора:

— Нагма! Ты даже назвала её Нагма! Почему не нормальным человеческим именем, Анна?

— Я не Анна, я Анахита!

— Эти дикарские имена! Ты программируешь ребёнка на то, чтобы она всю жизнь доила коз, как ты!

— Ты! Ты обрёк нас на эту жизнь, бросив здесь!

— Аня, я виноват, — заговорил он тоном проникновенным и страстным. — Я не отрицаю! Но ты не знаешь всех обстоятельств! Я хотел вернуться, я пытался вернуться, но случилось ужасное, ты себе не представляешь, что мне пришлось пережить!

— Он врёт, — сказала мрачно Нагма. — Не слушай его, мама.

— Доченька, ты ещё мала… — начал он.

— Никакая я тебе не доченька. А ты бросил маму, потому что у тебя появилась другая женщина, богатая, ты думал, что она даст тебе деньги на торговлю.

— Девочка, что ты такое говоришь! — возмутился этот коммерсант. — Это всё неправда, Аня!

— Правда, — подтвердила Нагма, — её ещё звали смешно, как ягоду. Малиной.

— Милена? Так это была Милена? — голос Анахиты прозвучал тихо, но с такой интонацией, что неказистый нетрезвый мужичонка за столом моментально сбледнул с лица.

— Что ты! Я бы никогда… — забормотал он, с ужасом глядя, как женщина кладёт руку на рукоять пчака, которым разделывала баранину для плова.

Анахита дюжину лет выживала в кыштаке. Одна, с ребёнком, заставив бояться себя толпу исламских фундаменталистов. Если дойдёт до рукопашной, я на этого дятла и юбилейный рубль не поставлю.

— А Малина эта денег ему так и не дала, — сказала громко Нагма. — Выгнала и всё. Говно ты, сказала, дурак и пьяница. Не нужен мне такой папа, мам. Обойдусь. Лучше иблисовым выблядком буду, как раньше.

— И кому из этих двоих ты приходишься папашей? — шепнула мне на ухо Змеямба. — А, «дедушка Док»?

— Не подъёбывай, Зме, — так же тихо ответил я. — Это просто ребёнок.

— Ох, как не просто это ребёнок! — сказала она загадочно.

— Не надо, Аня! — взвизгнул «билохический».

Анахита с горящими от ярости глазами идёт к нему с ножом, он пытается отползти от неё на тяжёлом стуле, но только скребёт ногами по полу.

— Но-но, гражданочка! — моментально срисовал обстановку вошедший в гостиную Слон.

Голос у него громкий и внушительный, заставляет прислушиваться.

— Этот мелкий поц у нас на контракте. Пока контракт не закрыт — он нам нужен. Знаете, как непросто было найти проводника, который знает сюда дорогу? Отработает аванс — отрезайте у него, что хотите, я его для такой прекрасной дамы с удовольствием подержу. Но сейчас — извините, он наш с потрохами.

Анахита с досадой бросила нож на пол, тот звякнул и отлетел в сторону. Сплюнула, окатила торговца презрительным взглядом, подхватила Нагму за локоть и вышла. В гневе она чудо как хороша, оказывается.

— Как зовут эту энергичную девушку? — спросил Слон в пространство.

— Анахита, — сказал я.

— И такую мамзель ты бросил тут с ребёнком, Петя? — укоризненно покачал он головой, обращаясь к торговцу.

— Тоже мне, сокровище… — буркнул тот, нервно звякнув пустым стаканом. — Козопаска немытая. Да ещё с прицепом! Я её из этой забытой Аллахом овечьей задницы в Мультиверсум вывел, а она ножом! И вообще, ещё неизвестно, от кого эта шалава нагуляла свою спиногрызину!

— Чёрт, — сказал я с чувством, тряся рукой. — Ебучий остеопороз! Кажется, я сломал вторую пястную. Старость, блин, не радость.

— Эка ты его, Докище! — Слон с интересом рассматривает улетевшего в нокаут торговца.

— Извини, Слоняра, я знаю, что контракт и всё такое…

— Говно вопрос, дружище, можешь ещё и по яйцам его пнуть, — великодушно разрешил командир. — Вижу, есть за что. Толку от него, между нами, чуть. Достал своим нытьём и бухает постоянно. Говно человек.

Я обдумал идею насчёт яиц, но решил, что пока он в нокауте, не интересно. Вот придёт в себя — вернусь к этой мысли.

— Пойду поищу аптечку, — покрутил я правой кистью.

Опухает прямо на глазах. Зря я без тактических перчаток-то.

— Провожу тебя, — сказал Слон решительно. — Помогу забинтовать, а то правую неудобно.

Глава 12. Аллах смотрит твоими глазами

— Слушай, у меня тут вопрос внезапный возник, — сказал Слон в коридоре, дружески приобняв меня за плечи, — у тебя с этой…

— Анахитой?

— Да, с ней. Никаких там шур-мур?

— Понравилась?

— Очень, — признался он. — Но товарищу дорогу не перейду, не по-пацански.

— Слон, посмотри на меня. Какие шуры-муры? Мне, сука, только фасон белых тапочек выбрать осталось.

— Серьёзно, Докище? Ты правда такой старый пень? Я думал, может, просто так выглядишь.

— Нет, я выгляжу ровно так, как себя чувствую.

— Херово ты, должно быть, себя чувствуешь, — сказал Слон, посмотрев на меня внимательно.

— Физически мне лет семьдесят пять. И никаких скидок. И никаких талантов. Я не шучу, Слон — я просто старик, который еле ноги таскает и нихрена не видит вблизи без очков, которых у меня, кстати, нет.

— Куча разных очков валяется в остатках товара у того мудня, — махнул рукой Слон, — он такой жадный, что ничего не выбрасывает.

— Хорошая новость! — воодушевился я. — Сейчас, руку замотаю, и пойду, пороюсь. Достала эта пресбиопия, сил нет. Но тебе ведь что-то ещё надо? Кроме разрешения хоботом помахать?

— Да, Докище. Мне нужен ты.

— Нахрена, Слон? Я не шучу и не кокетничаю — мой талант ушёл, а в бою меня можно разве что мишенью выставить. Чтобы

враг патроны зря потратил.

— Слушай, блин, нас, первого состава осталось трое — я, ты и Змейса. Без тебя всё будет не то…

— Не гони, Слоняра, — поморщился я. — Не изображай романтика. Я не Змеямба, я не поведусь.

— Креон тебя хочет, аж кушать не может, — неохотно признался Слон.

— Нахрена?

— А я знаю? Он ещё на базе ко мне подъезжал: ах, мол, как жаль, что ваш колдун помер, не знаете ли вы, где ещё такие водятся?

— Он же меня сам лесом послал, — удивился я. — Меня потом дочка его нанимала, вспомни.

— Так-то оно так, — кивнул Слон, — но есть, сука, нюансец. Пока мы на его базе сидели, к нему какие-то шаманы таскались. И спрашивал он их, в том числе, про твои таланты — что, да как, да почему, и через какое коромысло работает.

— И что ему сказали шаманы?

— А вот без понятия, — вздохнул он. — Они мой жучок на второй день спалили. Так что вопрос у меня есть, а ответа нет. Но как он его получил, так вокруг меня и забегал — вынь да положь ему ещё одного Дока.

— И ты начал крутить хоботом? — догадался я.

— А что, надо было сказать «нет»? Я высказывался предположительно. Теоретически. И гипотетически. В сослагательном, мать его, наклонении. Ежели, мол, чего, так вот вам и пожалуйста. А ежели нет — то не извольте, барин, гневаться…

— То есть, — резюмировал я, — кормил его говном.

— Но ведь я был прав! Вот он ты! Живой! Да он тебе больше, чем дочке обрадовался. На дочку он так, косяка даванул, сказал что-то и дальше покатил. Она сразу кочан глазастый повесила, да так и потрюхала сзади, как обоссанная. Хотя коник у неё знатный, я б не отказался.

— Знатная. Это самочка. Багха зовут.

— Буду иметь в виду. Мало ли, будет вязка, возьму котёночка…

— Слон.

— Что сразу «Слон»?

— Я тебе русским языком говорю — нет во мне больше никаких талантов. Я бесполезный старик.

— Но Креон-то об этом не знает!

— Так ведь узнает!

— Знаешь, однажды Ходжа Насреддин обещал падишаху научить ишака читать.

— И?

— Так вот, он обещал это сделать за восемь лет. И когда его спросили: «Ходжа, но что ты будешь делать через восемь лет?» — он ответил: «За восемь лет помру либо я, либо ишак, либо падишах. А плату я взял авансом!»

— Ты хочешь кинуть Креона? — удивился я.

— Докище, — мы как раз дошли до дверей моей комнаты. Слон остановился, развернул меня лицом к себе, и сказал твердо, — ещё как хочу!

* * *

Ящик с очками обнаружил в мятой коробке в дальнем углу кузова. Разрешения порыться в сваленном там хламе у владельца не спрашивал, потому что его нокаут перешёл в пьяный сон. Да и плевать мне на его разрешения.

— Когда-то этот грузовик был мне домом, — сказала подошедшая Анахита.

— Прости, что лезу грязными лапами в твою ностальгию, но

мне позарез нужны очки, — ответил я.

Я встряхнул коробку.

— Он их так и не выкинул? — засмеялась Анахита. — Вот жопа жадная. Он же их подбирать не умеет! Давай помогу. Прибора нет, но вот тут оптометрическая таблица свёрнута. Похоже, эту коробку десять лет никто не открывал. У тебя дальнозоркость, значит, вот этот набор линз. Видишь, какие оправы?

— Не «Райбан», — кивнул я. — На слесарные похожи.

— Зато они регулируемые. Смотри, вот здесь ослабляем винтик…

— Я даже сам винтик не вижу…

— Ничего, я сделаю. Выставляем межзрачковое расстояние и фиксируем. А теперь вставляем линзы… Эту строчку можешь прочитать?

— Я смотрю, не горишь желанием упасть в объятия бывшему? — спросил я, пока мы возимся с очками.

— Правильно ты ему врезал, — буркнула Анахита.

— Уже донесли?

— А как же. Товарищ твой, который Слон, художественно расписал, как ты за мою честь вступился. Спасибо, кстати, это мило. Хотя я и сама бы не затруднилась.

— Не за что. Так, накатило что-то.

— Рука болит?

— Ах, ты об этом… Я старик, у меня всегда что-то болит.

— Ладно, чёрт с ним, с Петей. Мудак он был, мудак он и остался. Скажи мне, Док, что творится с Нагмой?

— У твоей девочки талант. И не только к рисованию. Она из тех, кто видит Великий Фрактал. Может быть, это наследственность, может, так звёзды сошлись… Какой бы Пётр ни был мудак, но он проводник. Это одно из проявлений той же способности — видеть фрактал. То, что спрятано под внешней поверхностью мира, скрыто за завесой иллюзорной причинноследственности. И Нагма этот талант имеет. В чём именно он выражается, я до сих пор не уверен. Сначала мне показалось, что он сродни моему, я даже думал, что невольно послужил катализатором его проявления.

— Это не так?

— Скорее всего, нет. То, что она видит, не референс, это что-то другое. И я бы, честно говоря, с ней не поменялся…

— Ну-ка, попробуй, — Анахита протянула мне очки.

— Хм… Непривычно.

— Очки всегда поначалу напрягают. Но видишь что-то?

— Вижу. Тебя. Оказывается, ты красивая!

— Прекрати, — засмеялась она. — Мне скоро тридцать, а в горах быстро стареют.

Да, я лукавлю. Без очков не были видны детали. Обветренная кожа, вместо ухода и косметики получавшая ветер и ультрафиолет, выгоревшие волосы, сухие, потрескавшиеся губы, мелкие пигментные пятна, мимические морщинки. Все то, что скрывала моя пресбиопия. Она выглядит на десять лет старше, чем могла бы.

— Ты всё ещё юна и прекрасна! Нагма выглядит твоей сестрёнкой! — бессовестно привираю я. — Слон сражён твоей красотой наповал. Он уже успел пошутить про хобот?

— О да, — хихикнула Анахита, — трижды. В напоре и стремительности ему не откажешь.

— Ох уж эти военно-полевые ухаживания! Они скорее тактические, чем тактичные. Спасибо за очки, чувствую себя прозревшим.

— Не за что. Скажи, Док, теперь, когда прибыли твои друзья, всё ведь изменится?

— Да, — подтвердил я. — Замок принадлежит владетелю Креону, он устанавливает порядки.

— Он такая же истеричная надменная задница, как его дочь?

— Да что ты! Он гораздо, гораздо хуже!

* * *

Владетель Креон через Калидию объявил о своём желании меня лицезреть. Девушка пришла мрачная, как на поминках. На похоронах мечты об отцовском признании. Глаза сухие, но видно, что высохли недавно.

— Что пошло не так? — поинтересовался я. — Галопом мчалась спасать отца, а обратно притрюхала, как собака побитая.

— Его не нужно было спасать. Я, как полная дура, была уверена… А оказалось, что наши оболочки — все оболочки дома Креона — были активированы не в Цитадели! И я, видите ли, могла бы и догадаться. Будь я поумнее. Но где уж мне! Вообразила себя, спасительницей отца, идиотка!

— Разведка остальных Домов не осилила, а ты, значит, должна была сообразить? Узнаю старину Креона, лучшего отца в Мультиверсуме. А где же они были активированы?

— Здесь.

— Внезапно, — признал я. — Это многое объясняет. Например, почему кто-то не поскупился притащить в эти горы толпу наёмников.

— А я ведь всерьёз решила, что это из-за меня! — горько сказала Калидия. — Что я настоящий владетель, что я важна! Прав отец, я безнадёжная дура. Не наследница Дома Креона, а его позор.

— Если «быть важной» означает, что тебя постоянно хотят убить, то я на твоём месте задумался бы о смене жизненных приоритетов.

— Вы…

— …не умеете думать, как владетель! — ехидно закончил я за неё фразу.

— Простите, — внезапно извинилась Калидия. — Я, похоже, тоже не умею думать, как владетель. Во всяком случае, в этом уверен мой отец.

— Попробуй просто думать, — посоветовал я. — Может быть, тебе понравится.

* * *

— Вы очень плохо выглядите, — первым делом заявил наш «мистер деликатность», его владетельство Креон.

— А ваша маска ничуть не изменилась, — в тон ему ответил я. — Комплименты вам плохо даются, давайте к делу.

— Внешность не имеет значения. Но я должен оценить вашу способность выполнить возложенные на вас задачи.

Мне хочется предложить ему оценить размер возложенного мной на его мнение болта, но я разумно воздерживаюсь. Старость делает осторожным.

— Напоминаю, — говорю я вместо этого, — что все наши договорённости давно уже потеряли актуальность. Вы меня уволили.

— Что привело вас в такое состояние? — мой намёк на то, что я на него не работаю, а значит, никаких прав задавать мне вопросы у него нет, владетель привычно проигнорировал.

— Ваша дочь, — ответил я коротко.

— Причём тут моя дочь?

— Она привела меня в такое состояние. Это цена за её жизнь.

Креон замолчал, переваривая. Молча пялится на меня непроницаемым хрюкалом маски. Неужели скажет «спасибо»?

— Вы переплатили, — небрежно роняет он в конце концов.

Слава Ктулху, обошлось. Если он однажды выдавит из себя «спасибо», то его эго взорвётся, как начиненный говном фугас. С разлётом содержимого от эпицентра до горизонта.

— В следующий раз подожду сезон скидок, — согласился я. — Какие-то ещё вопросы?

— Да. Что вы сделали с Бераной? Она не могла активировать защитный контур без приказа, подкреплённого кодом.

— Я её попросил.

— Так я и думал, — сказал Креон после долгой паузы. — Это ваша работа. Калидия оказалась недостаточно сообразительна.

— Может быть, вам стоило больше доверять дочери.

— У неё были все необходимые данные, — отмахнулся владетель. — Но она слишком… Увлечена своей белокурой игрушкой. Я дал ей много свободы, она воспользовалась ей нерационально.

Я подумал, что «много свободы» в понимании Креона, видимо, означает «не прикована наручниками к батарее».

— Я не осуждаю вас за активацию периметра, — продолжил он ледяным тоном. — Вы имели право на попытку спасти свою жизнь. Но я запрещаю впредь воздействовать на Берану. Ваши дилетантские попытки обойти блокировку могут привести к потере ценных данных.

— Так вы не собираетесь её разблокировать? — удивился я.

— С какой стати? — встречно удивился Креон. — Это контрольное оборудование, глубоко интегрированное в экосистему замка. Заменить её сложно и совершенно незачем.

— Но она же… мать Калидии! — не выдержал я.

— Калидия давно не нуждается в грудном вскармливании, — я прямо сквозь маску почувствовал брезгливо-презрительный взгляд, которым окатил меня Креон. — Эта функция Бераны исчерпана. В нынешнем состоянии она несравнимо полезнее, чем в качестве так называемой «матери». Её участие в воспитании дочери было ошибочной практикой, последствия которой, я боюсь, уже непоправимы.

— Интересная позиция, — нейтрально прокомментировал я.

Подумал, что мне с самого начала не верилось в слюнявую историю: «Он её любил, но жестокие традиции…» Слишком она девочковая.

— Вы, вероятно, ожидаете благодарности за спасение жизни моей дочери, — сухо сказал Креон. — Однако вы лишили её шанса хотя бы умереть достойно.

Ничего такого я не ожидал, но спорить с владетелем — только время терять. Молча пожал плечами. Хорошо, что хоть должен не остался.

— Теперь, когда мы проговорили этот момент, я хотел бы вернуться к вопросу возобновления вашего найма.

— В качестве кого? — поинтересовался я. — У вас есть ещё лишние дочери?

— Такой тон в общении с владетелем недопустим, — напомнил Креон. — Вас отчасти извиняет только свойственная физическому возрасту психологическая дисфункция, но я не намерен терпеть неуважение впредь. Я доступно сформулировал?

— Предельно, — кивнул я.

— В таком случае, продолжим. Я воспользовался возможностью узнать больше о ваших способностях. Они редки, но не уникальны. Есть те, кто занимаются изучением проявлений феномена восприятия фрактала — всех этих проводников, глойти, шаманов, операторов локуса, провидцев, корректоров и даже Хранителей.

— Кто все эти люди? — удивился я.

— Чувствительность к Великому Фракталу выражается множеством способов, — пояснил Креон. — Но это не имеет значения. Мне нужен именно ваш. Информация о нём обошлась дорого.

— У вас полно ихора, — напомнил я. — Им можно вылечить почти всё, включая старость и смерть. Зачем вам такой медленный и малофункциональный лекарь, как я? Я почти убил себя, спасая вашу дочь, а одна капля ихора подняла бы её моментально.

— Воздействие ихора на носителей оболочек неоднозначно…

— Ах да, отторжение и смерть, я забыл.

— На самом деле нет, просто нашему Дому выгодна такая трактовка. Поскольку ихор есть только у нас, опровергнуть это некому.

— И здесь всех нагрели, понятно, — кивнул я.

— Используя ваши способности для лечения, вы используете их неполноценно.

— Допустим, — осторожно сказал я. — И для чего же я должен их использовать?

— Для того, что требуется мне.

— Чёрт, как же я сразу не догадался! — концентрация скепсиса в моём заявлении такая, что в нём можно растворить труп, но Креон это, разумеется, тоже проигнорировал.

— Пойдёмте, — сказал он и направился к двери гостиной.

Мне ничего не осталось, кроме как двинуться за ним. В коридоре стоит молчаливая бесстрастная Берана.

— Вы оставили защитную систему без оператора? — удивился я. — А если на нас нападут?

— Если на нас нападут, их ждёт большой сюрприз, — отмахнулся Креон. — Обороной способен управлять любой кибер, ценность Бераны в другом.

Я подмигнул «ценному имуществу», и мне даже показалось, что у неё в ответ что-то мелькнуло в глазах. Или это свет так лёг. Мы спустились в подвал, прошли мимо склада, но не стали подниматься по лестнице в башню. Креон остановился возле ничем не примечательного тупика, Берана прошла вперёд, и стена раскрылась.

— Наш Дом всегда занимался исследованием оболочек, — говорит Креон, пока мы идём по помещению, похожему на смесь завода с лабораторией. — Остальные дома просто ими пользовались. Мои предки были первыми, кто их надел. Наша генетическая линия — основная. Но генетика — это проблема. Ненужное, пустое ограничение. Наши учёные работали над тем,

чтобы от него избавиться.

— А как же привилегии владетелей? — спросил я, разглядывая горизонтальный прозрачный бак.

Он заполнен чем-то вроде желе, в котором завис брат Багхи. Или её папа. Самец кикатты, мощнее и шире в плечах, с ещё более впечатляющими когтями.

— Если бы мы так же тряслись над привилегиями, как остальные, то наш мир так и не вышел бы из эпохи феодализма.

Как по мне, он из неё и не вышел. Это не развитием кибернетики определяется. Но кто я таков, чтобы спорить с владетелем?

— Исследования нашего дома обеспечили миру процветание, — вещает он гордо.

Себе они процветание обеспечили. Остальные продают тела в киберрабство или оказываются на социальном дне.

— Технологии Ушедших — настоящее совершенство! Единственное, чего нам не хватает, — их масштабирования!

«Совести вам не хватает. И элементарной человечности», — продолжаю я мысленный диалог с Креоном, но вслух ни слова не произношу. Пусть вещает.

— Чтобы этого достичь, нужно клонировать оболочки и избавиться от генетической привязки. Мы далеко продвинулись в этом вопросе — Калидия тому пример. Девочка — сплошное разочарование, но её совместимость с оболочкой идеальна. К счастью, ваше вмешательство позволило это подтвердить, а его результаты навели меня на мысль о дальнейшем использовании ваших способностей.

— Что-то не очень понял… — признался я.

— Ваш талант — совмещать различные ветви фрактала. Объединять два потока причинности в один. В более узком смысле — соединять несовместимое и делать возможным невозможное.

— И чего же вы хотите от меня?

— Мой Дом почти уничтожен. Не осталось тех, кто способен принять оболочку.

— Так у вас и оболочек один хер нет.

— Общение с моей дочерью плохо повлияло на ваши когнитивные способности, — покачал он головой. — Но не исключаю и возрастных изменений. Неужели так сложно понять, что Дом, который столетиями исследует оболочки, имеет собственный запас?

Креон кивнул Беране, та открыла стальную дверь. Даже ей пришлось поднапрячься — створка толщиной с мою ногу. На металлическом полу помещения — не то небольшого хранилища,

не то большого сейфа — лежат чёрные овальные коконы, похожие на яйца гигантских муравьёв.

— Приличный у вас запасец, как я погляжу.

— Мы уже давно научились активировать оболочки вне Цитадели, поэтому наш Дом не зависит от остальных. Я могу восстановить Дом с нуля. Надо лишь заставить оболочки принять тех, на кого укажу я, а не тех, кого примет генетический ключ. Вы были готовы примирить оболочку Калидии со сменой пола, то есть фактически, с другим человеком. И вы сделаете это снова.

— Но…

— Никаких «но».

— И кого вы собираетесь скормить экзосимбионтам?

— А разве мало будет желающих? Вот, к примеру, ваш командир…

Тут он попал в точку, Слон от такой возможности не откажется. Правда, каждого решившего, что он «купил Слона», неизменно ждали неприятные сюрпризы.

— Допустим, — признал я. — Найти рекрутов для такого дела, пожалуй, можно. Однако здесь всего десяток оболочек. Мы уже убедились, что это не супероружие, они не изменят соотношение сил радикально.

— Десять не изменят. Десять тысяч — да. Ваша «Контора» пыталась продать мне катализатор митоза для оболочек. Сначала я был склонен согласиться, но потом изменил решение. Знаете, почему?

— Понятия не имею.

— Во-первых, из-за того, что они готовы были дать продукт, а не технологию. Это привело бы Дом к зависимости, а значит, к внешнему контролю. Мы бы стали производителем оболочек для них.

— Весьма вероятно. Репутация у Конторы та ещё, — согласился я.

— А, во-вторых, для меня было важнее узнать, что катализатор существует, чем получить его. Я ещё не знаю, где его взяла «Контора», но уже знаю, где искать. А значит — найду.

— И вы хотите, чтобы я перепрошил вам десять тысяч оболочек? Даже если бы я согласился превратиться в станок на вашем конвейере, на это бы ушла тысяча лет.

— В прошлую встречу вы казались мне умнее, — покачал маской Креон. — Ваш разум явно угнетён возрастом. Достаточно, как вы выразились, «перепрошить» всего одну оболочку, а потом клонировать именно её.

Тут мне стало действительно стыдно.

— Вы правы, а я туплю. Одна проблема — как говорят у нас:

«Старого пса не обучить новым фокусам». Я не уверен, что смогу…

— Прекратите, — сказал с брезгливой интонацией Креон. — Не уподобляйтесь вашему командиру, который отчего-то считает себя очень хитрым. Разумеется, я понимаю, что вы хотите получить ихор, причём авансом. Давать авансы противоречит моим принципам, потому что люди не надёжны, но в вашем случае я готов сделать небольшое исключение. Только потому, что в текущем состоянии вы вряд ли способны выполнить то, что от вас требуется. Будем считать это инвестицией в средства производства.

Ого, неужели Креон пошутил? Или… Чёрт.

— Вы не из тех, кто способен на личную преданность, — сказал владетель веско. — Вы безнадёжно испорчены глупостями ложного равноправия и не станете верным слугой Дома. Поэтому я арендую вас, как кибера на контракт.

Владетель показал на Берану, и мне снова показалось, что в её лице что-то дрогнуло.

— К сожалению, специфика вашей работы исключает ментальный контроль. Но, поверьте, я смогу обеспечить лояльность иными способами. Вы получите ихор, но отработаете его сполна.

— Я согласен.

— Я не спрашивал вашего согласия, но хорошо, что вы его выразили.

Глупо было считать, что мне предоставят выбор. Как говорится: «Колхоз — дело добровольное. Хочешь — вступай, хочешь — попробуй не вступи…» Способы обеспечить мою лояльность у него есть, способы добиться согласия тоже нашлись бы. А я, правда, как-то поглупел, что ли… Сраный возраст. Ну, где там моя пипетка с ихором? Или его клизмой вводить надо?

* * *

— И как скоро он подействует?

— Меня довольно быстро накрыло, — ответила Змеямба. — Уже к вечеру седина в волосах пропала, к утру сиськи встали торчком, как новые. Через неделю уже не помнила, каково мне было к полтиннику. Но я тебя должна предупредить!

— О чём?

— В нашем возрасте забываешь, как многим рулят гормоны. Не только тело молодеет, но и молодая дурь возвращается. Кстати, уже несколько часов прошло, неужели ты до сих пор

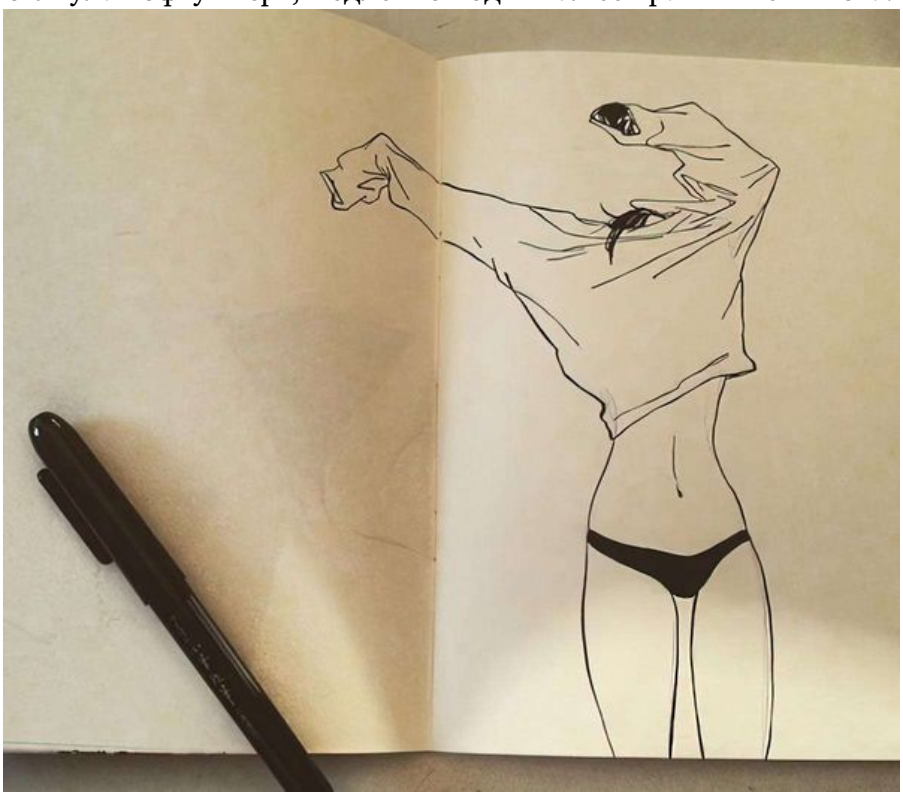
ничего не чувствуешь?

— Ну, рука прошла. Опухоль не болит. Может, не было перелома, просто ушиб?

— Только рука? — спросила Змейса, откинувшись на стуле так, что соски натянули тонкую кофту.

— Ну…

— Совсем-совсем не действует? А если… — Она встала, ловко вышагнула из штанов, оставшись в узких чёрных трусиках, и потянула кофту вверх, медленно поднимая её край выше живота.



— И сейчас? — её голова скрылась внутри, и голос звучит задорно, но глухо.

— Действует, Зме, — рассмеялся я. — Правда, действует.

— Так какого чёрта ты до сих пор одетый? Докушка, я же соскучилась!

* * *

— Дедушка Док, ты как-то иначе выглядишь, — сказала сонная Нагма, и заразительно зевнула.

— Есть такое дело, — поддержал зевательную инициативу я. — А чего ты по ночам шастаешь, плюшка?

— Меня немая-странная разбудила и к тебе повела. Я думала, ты зовёшь.

Берана стоит так тихо, что я её не заметил. Она сделала шаг вперёд, войдя в круг света от лампы, и протянула мне большой скетчбук.

— А до утра это не терпит?

Женщина настойчиво сунула его мне в руки.

— Видимо, нет, — вздохнул я. — Знаешь, а ведь Креон прямо запретил мне это делать. И он не из тех ребят, которые махнут рукой и скажут: «Да и чёрт с ним».

Стоит, смотрит.

— Дедушка Док, — сказала Нагма, — мы должны ей помочь. Аллах хочет смотреть на неё нашими глазами.

— Ну, раз сам Аллах, — улыбнулся я. — Давай, букашка, заползай на коленки. Да подожди ты, штаны надену!

Что там Змеямба говорила? «Молодая дурь возвращается»? Ну, ладно. С возвращением её тогда.

* * *

Начав рисовать, я понял, что свежеобретённые очки мне уже не нужны. Даже обидно стало — так о них мечтал, а всего один вечер пользовался. Мироздание исполняет наши мечты ровно в тот момент, когда нам уже нафиг всё это не сдалось. Но уже через минуту я об этом забыл. Забыл про очки, про Креона, про вертлявую девчонку на коленях. Это больше не имеет значения — я, наконец, увидел свой референс!

Он теперь немного другой, не такой, как раньше. Наверное, потому, что часть его, и как бы ни основная, принадлежит Нагме. Поэтому, закончив набросок, я сразу перехожу к цвету. Так легко и непринуждённо, как будто всю жизнь рисовал.

— Дедушка Док, дай я! Я вижу, как надо! — мы рисуем в две руки, как пианисты играют в четыре — не мешая друг другу, а подхватывая мелодию. Чёрное платье, чёрные волосы, чёрные глаза — мой карандаш. Розовые губы, смуглая кожа, тени ключиц — её пастель. В четыре руки дорастушёвываем и смотрим друг на друга.

— Аллах смотрел нашими глазами! — уверенно заявила Нагма. — И ему понравилось!

Мне тоже нравится — отличный портрет. Может быть, лучший из всего, что мне до сих пор удавалось. Женщина на нём живая и красивая.

Женщина на стуле выглядит усталой, и я внезапно понимаю, что комнату подсвечивают лучи позднего зимнего рассвета.

— Ничего себе, егоза, мы, оказывается, всю ночь рисовали. У тебя физиономия в пятнах, грязнуля! Воу, как же ты отсидела мне ноги!

— Я сбегаю умоюсь!

Когда она умчалась, я снова посмотрел на портрет и сказал вслух: «Креон, наверное, меня убьёт. Но оно того стоило!»

— Я не скажу ему.

— Берана? — я чуть со стула не упал.

— Креон не узнает. Блокировка не снята, информация не утрачена, я просто получила доступ к управлению собой.

— Знаешь, — сказал я, — теперь ты куда меньше похожа на ходячий манекен.

— Он не заметит. Я для него просто носитель информации. Самоходный справочник по работе с оболочками.

— И что в этом справочнике написано?

— Что ты напрасно согласился помогать Креону.

— Можно подумать, у меня был выбор. А так, по крайней мере, я не умер от старости.

— Знаешь, — сказала твёрдо Берана. — Лучше тебе было всё-таки умереть.

* * *

Конец второй части.

Nota bene

Опубликовано Telegram-каналом «Цокольный этаж», на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Не забудьте наградить автора донатом. Копейка рубль бережет:

https://author.today/work/202558